

— Почему же неблагородныя, Марья Степановна? Наказаніе, прочимъ для примѣру, для пользы службы. Оно даже занято. Играютъ, эфто, трубачи тревогу, тутъ ждуть солдатики съ прутьями; выйдешь этакъ, скомандуешь: маршъ! и поволокутъ голубчика по зеленой улицѣ, только свистъ идетъ: ать, ать!

— Всетаки неблагородно. Небось, Гременицынъ Владиміръ Николаичъ али господинъ Звягинъ не станутъ скрозь строй гонять.

— Изволите видѣть, Марья Степановна: Гременицынъ, тамъ, Звягинъ — барчуки, шенаны, что они въ службѣ смыслятъ? Имъ бы родителей денежки мотыжить. А я службу очень понимаю.

Евсей Семенычъ помолчалъ, пріободрился и опять потянулся къ ручкѣ.

— Ну, ужъ нате, Богъ съ вами. — Бурбонъ присосался слюняво къ загорѣлымъ пальцамъ. — Будетъ, будетъ!

Маша вырвалась и отошла, надувшись. Бурбонъ помялся на мѣстѣ.

— Одначе прощенья просимъ.

Евсей Семенычъ еще помолчалъ, переступилъ, оглянулся отъ порога на невѣсту и вышелъ.

Маша дождалась, пока стихли въ сѣняхъ тяжелые жениховы шаги, постояла, послушала, какъ визжитъ по стеклу большая синяя муха, поймала ее, придавила и выглянула въ окно. Улица была пуста. Тогда осторожно, съ задняго крылечка, Маша вышла на огородъ и скоро, какъ бабочка-капустница, замелькала бѣлымъ платьемъ межъ смородиновыхъ и крыжовенныхъ кустовъ.

Тотчасъ за селомъ, минуя безконечные солдатскіе огороды съ огненными кругами подсолнечниковъ, безстыдно лѣзущими въ глаза, усатыми зарослями кукурузы и лопушистыми на черныхъ грядкахъ побѣгами арбузовъ и огурцовъ, узкая водопойная тропинка вела въ рощу, уцѣлѣвшую чудомъ отъ хозяйскаго глаза поселенныхъ командировъ. Нѣсколько вѣковыхъ вязовъ и дубовъ возносили надъ густо заросшими молодыми кленами и дубками широколѣвистыя, чернѣющія въ грачиныхъ гнѣздахъ верхушки. Въ тѣнистой глубинѣ, среди сочной поляны, исполинскій дубъ тысячекрылыми своими вѣтвями, какъ опахалами, навѣвалъ на ветхую скамью живительную прохладу. Въ дуплястой его груди томныя пестрыя горлинки вѣчно курлыкали и журчали. Здѣсь любила сиживать Маша въ праздники днемъ, когда нѣтъ еще въ рощѣ никого; когда полковыя дамы и дѣвицы почиваютъ еще и нѣжатся на перинахъ, въ смятыхъ кружевахъ, и развѣ самая изъ

нихъ нетерпѣливая и пылкая, на босу ногу, въ капотѣ, покуда шипитъ, уходя, мѣднокрасный кофейникъ и мужъ, уткнувшись усатымъ лицомъ въ подушку, дохрапываетъ послѣдній сонъ, на-скоро царапаетъ кавалеру розовое *билъеду*, назначая свиданье въ рошѣ, а кавалеръ ея, какой-нибудь франтъ-поручикъ, приказавъ денщику накалить щипцы, еще только собирается завернуть раздушенные, тонкіе усы въ паутиновую веленевую бумажку. Вечеромъ въ рошѣ встрѣтятся оба: она—въ выгнутой желто-соломенной шляпѣ и зеленой шали, перетянутая осой, онъ—въ красногрудомъ мундирѣ и четырехугольномъ уланскомъ киверѣ. Будутъ попадаться имъ другія пары, все офицеры съ дамами: солдатамъ настрого запрещено ходить въ завѣтную рошу. Солнце сядетъ; горлинки зажурчатъ еще сладостнѣе, еще нѣжнѣе, а за ними и корнетъ Пальчиковъ зачитаетъ нараспѣвъ Наденькѣ свои новые стихи. Маша помнила хорошо, что дѣвицамъ воспитанія деликатнаго полагается мечтать; какъ это мечтаютъ, она навѣрно не знала, но, закрывая глаза и вздыхая нѣжно, старалась принять наединѣ съ собой томный и грустный видъ. Тутъ и взаправду налетѣли на нее мечты: какія? О женихѣ, что ли? Нѣтъ, ей и такъ надоѣлъ пуще горькой рѣдкѣй влюбленный Евсей Семенычъ. Мерещились ей черныя змѣистыя кудри, видѣлся смѣлый, какъ у кречета, взоръ и небрежный ластился голосъ, и сами собою Машины губы шептали: „Володя... Володя милый“...

Даже не удивилась она и не сказала ни слова, когда въ зашуршавшемъ молоднякѣ увидѣла близко отъ себя бирюзовую фуражку. Гременицынъ, подойдя, сѣлъ подлѣ, крѣпко обнялъ Машу и нѣжно заговорилъ:

— Ну, такъ ужъ и быть, скажу я тебѣ, Машенька, свою тайну, слушай; ты слушаешь?

Маша молчала.

— Что?—капризно перебилъ себя Гременицынъ.—Ну, слушай же Машенька: я тебя люблю.

Маша покачала головой.

— Ты мнѣ не вѣришь, неужели? Не можетъ быть, что?

Въ этотъ самый мигъ бѣлое что-то, какъ снѣжный комокъ, шумно метнулось между ними: голубка, распахнувъ крылья, припала Машѣ на грудь.

— Что такое? Что случилось?—спрашивалъ Гременицынъ. Выхвативъ душистый платокъ, онъ потиралъ себѣ щеку: съ размаху птица больно зацѣпила его крыломъ.

— Ничего не случилось. Это Гуля моя ястреба испугалась. Ястребъ повадился летать въ рошу, то и дѣло папашинныхъ го-

лубей таскаетъ. Гулюшка, Гуля, не бойся, не отдамъ тебя, моя ты,—говорила Маша и гладила красноклювую голубку по бѣлымъ перьямъ.

Рѣзкій ястребиный крикъ прозвенѣлъ вдругъ у нихъ надъ головами. Голубка встрепелась и, выпорхнувъ изъ рукъ у Маши, быстро взвилась. Тотчасъ же, просвиставъ бурыми крыльями, упалъ на нее съ дуба ястребъ, подхватилъ и понесся надъ поляной. Гременицынъ и Маша видѣли, какъ хищникъ опустился съ добычей на суховерхій дубокъ, почти у самой опушки. Скоро къ нимъ полетѣли по вѣтру перловыя перышки и нѣжный какъ иней пухъ.

— Охъ, не къ добру это, не къ добру. И со мной то же будетъ,—промолвила Маша. Слезы сверкнули у нея на рѣсницахъ и просыпались на колѣни.

— Кто же ястребъ—я, что ли?—спрашивалъ Гременицынъ шутливо, но рука не подымалась у него обнять рыдавшую дѣвушку.—Маша, полно, не плачь, люблю я тебя, ты милая, люблю, ну скажи мнѣ, что любишь, скажи хоть одно слово, не можетъ быть, что?

Маша плакала.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Поруганный обѣтъ.

Забывъ расчеты, саблю, шапку,

Уланъ отправился домой.

Лермонтовъ.

У корнета Мокѣева сидѣли двое гостей: пріятель его и сослуживецъ по эскадрону, корнетъ Пискуновъ, парень пожилой, неповоротливый и тяжелый, и землякъ-односельчанинъ, пѣхотный бурбонъ, поручикъ Иванъ Ивановичъ. Фамиліи его и самъ Мокѣевъ хорошенько не помнилъ. Когда-то, въ родномъ селѣ, были они шабрами, игравали вмѣстѣ въ бабки, дрались и бузовали по чужимъ огородамъ; вмѣстѣ ихъ и забрили, только въ службѣ пошли они по разнымъ дорогамъ. Иванъ Ивановичъ угодилъ въ пѣхоту и вдосталь понюхалъ пороху на своемъ вѣку. Сражался подъ Бородинымъ, а потомъ переведенъ былъ на Кавказъ; два раза былъ онъ раненъ тяжело, четыре — легко, контуженъ въ шею и въ пахъ, и чуть-чуть не попалъ было въ черкесскій клоповникъ, захваченный абреками при переправѣ черезъ Терекъ. Низенькій, ловкій, сухой, по пѣхотному уставу, весь

бритый, безъ бороды и усовъ — тертый калачъ — Иванъ Иванычъ на полиняломъ своемъ мундирѣ развѣсилъ цѣлую колодку медалей и крестовъ. Какъ старшій чиномъ, онъ сидѣлъ на почетномъ мѣстѣ подъ образами и сыпалъ горохомъ прибаутки. Всѣ три бурбона порядкомъ успѣли выпить и закусить, и общая бѣсѣда шумѣла все развязнѣй и веселѣй.

Горенка Евсея Семеныча убрана была скромно: сосновый столъ подъ грязноватой суровой скатертью въ переднемъ углу; справа отъ двери — блинъ-кровать съ ситцевыми подушками, пестрымъ одѣяломъ и слѣдами давленныхъ клоповъ на гладко выбѣленной стѣнѣ; подъ иконами, на виду, патентъ на первый офицерскій чинъ съ арматурными украшеніями и восковой печатью, изрядно засиженный мухами; на лавкѣ въ картонныхъ коробкахъ амуниція, новыя эполеты и парадные сапоги. Вся горница будто насквозь пропитана крѣпкой махоркой и неизбѣжнымъ для истиннаго кавалериста запахомъ конюшни и навоза. Въ табачномъ дыму чуть желтѣлъ докипавшій самоваръ. Уланы оба попыхивали изъ короткихъ трубокъ, а пѣхотный время отъ времени набивалъ высохшій носъ свой березинскимъ табакомъ.

— Да, — вымолвилъ въ раздумьи Пискуновъ, — произошелъ ты, Иванъ Иванычъ, не мало. Не говори, что судьба.

— Судьба что? Дура она, старая дѣвка. Въ тридцати двухъ сраженіяхъ былъ я, другъ милый. (Иванъ Иванычъ говорилъ пискливо, заносчивымъ рѣзкимъ говоркомъ.) Курносую я, братъ, въ самые глаза видалъ, вотъ какъ тебя вижу. Не судьба, а Богъ. Горжусь зато знаками отличій.

Иванъ Иванычъ хлопнулъ себя горделиво по звякнувшимъ медалямъ.

— Гляди: вотъ двѣнадцатаго года: не намъ, не намъ, а имени Твоему, это вотъ за взятіе Парижа, вотъ нѣмецкій *парамеритъ*, вотъ именной Георгій, это кавказскіе...

Евсей Семенычъ покосился завистливо на блестящую грудь земляка.

— Оно, конечно, лестно. А только, значить, служба твоя все не то, что у насъ въ кавалеріи.

— Чѣмъ же это не то, позволь спросить? — остробучился вдругъ Иванъ Иванычъ.

— Да ужъ, стало быть, не то. Извѣстно, пѣхота. Пѣхота, не пыли.

Пискуновъ сипло захохоталъ. Иванъ Иванычъ покраснѣлъ и обидѣлся не на шутку.

— Однако прошу васъ не забываться! — строго прикрикнулъ

онъ на хозяина.—Я вамъ не пѣхота, а господинъ поручикъ. Извольте встать, господинъ корнетъ, когда говоритъ старшой.

Евсей Семенычъ растерянно приподнялся и всталъ во фронтъ. За нимъ, сопя, началъ вылѣзть изъ-за стола дюжій Пискуновъ.

— Виновать, господинъ поручикъ.

— То-то. Садитесь, господа.

Иванъ Иванычъ смекнулъ, что зашелъ далеко, и, видя, что оба корнета надулись, оборотилъ рѣчь по-иному.

— А вотъ, не рассказывалъ я тебѣ, Евсей Семенычъ, какъ мое поступленіе на службу произошло? Вѣдь я было въ гвардію угодилъ, ей Богу.

— Да ну?—удивился Мокѣевъ, хмурясь.—Одначе, прошу васъ, милы гости, не гнушайтесь моего хлѣба-соли.

— То-то и оно,—закусивъ торопливо, затараторилъ Иванъ Иванычъ.—И какъ чудно это дѣло вышло, братцы. Пригнали насъ, некрутовъ, въ Царское Село. Передъ самой войной вѣдь насъ забрили, шестнадцатый мнѣ шелъ всего, съ Государемъ Императоромъ я въ одинъ годъ рожденъ. Вотъ привели насъ народу сотни полторы, встали мы это, ждемъ. Выходить Государь покойный, Александръ Павловичъ Благословенный, какъ сейчасъ его вижу, въ сюртучкѣ зеленомъ, шляпа съ перьями. Нацѣлилъ на насъ лорнетъ, пощурился, пощурился, кивнулъ: здорово, ребята! Пошелъ обходить по фронту. Идетъ, всѣхъ-то головой выше, а за нимъ хлигеръ-адъютантъ кусокъ мѣлу несетъ на блюдѣ. Взялъ мѣлъ Государь и на грудяхъ у насъ литеры сталъ писать. Правофланговому—здоровенный былъ парень, косая сажень—такъ смаху *покой* и вывелъ—значить, въ преображенцы; кому *иже*—тотъ въ измайловскій, *како*—въ кавалергарды, такъ всѣхъ и перебралъ. А подступилъ къ намъ на лѣвый флангъ, улыбнуться изволилъ и мѣлъ положилъ на блюдо. Тутъ стояло семеро насъ, ostatnichъ, и всѣхъ обратно увели, и въ армію записали. Ростомъ не вышли, значить.

— Чай влетѣло капитану-то за васъ?—спросилъ Пискуновъ.

— За что? По росту и мы въ конноегеря годились, а просто не показались его величеству.

Иванъ Иванычъ понюхалъ табаку и чихнулъ въ красный платокъ. Корнеты дружно пожелали ему здоровья. По этому случаю выпили еще и еще. Хозяинъ развеселился.

— Хопъ, Иванъ Иванычъ, представляю тебѣ кавалерійскій сигналъ? Ты, чай, не слыхивалъ?

— Ну, вотъ, не слыхивалъ, невидалъ какая. А впрочемъ, покажь. На трубѣ сыграешь?

— Зачѣмъ на трубѣ? Голосомъ пропою. У насъ командиръ слова свои прибралъ ко всякому сигналу. Хошь, *рысь* тебѣ изобразжу?

— Валяй *рысь*.

Евсей Семенычъ сталъ среди комнаты, надулся, приложилъ ладонь къ губамъ на манеръ трубы и пропѣлъ фальцетомъ:

Рысю размашистою,
Но не распущенною,
Для сбереженія коне-е-ей!

Сигналъ вышелъ такъ похожъ, что съ коновязей ему отозвалось ржанье.

Скоро пріятели разстались. На улицѣ Пискунова и Иванъ Иваныча обогналъ верхомъ Кисляковъ. Сухо козырнувъ бурбо-намъ, поручикъ далъ мерину шенкеля и подскакалъ къ гременицынскимъ воротамъ. Санкюлотъ, разряженный, грызъ передъ калиткой на скамьѣ орѣхи.

— Дома баринъ?—крикнулъ Кисляковъ.

Камердинеръ, не торопясь, всталъ, стряхнулъ съ пестраго жилета скорлупки, opravилъ заботливо куций свѣтло-голубой фракъ и, не удостоивъ поручика поклономъ, отвѣчалъ сухо:

— Ихъ нѣту-съ.

— Гдѣ-жъ онъ?

— Изволили уйти-съ.

— А куда, не знаешь?

— Когда бы я былъ ихнимъ солдатомъ, на манеръ денщика, тогда я по должности обязался бы объ этомъ знать-съ, а какъ мое дѣло въ комнатахъ, то я ничего не знаю-съ.

— Ты ужъ, кажется, слишкомъ того, любезный... Смотри.

— Смотрю-съ.

— Возьми лошадь, я въ рошу пѣшкомъ пройду. Онъ навѣрно тамъ.

— За лошадьми чужими смотрѣть опять не мое выходить дѣло, потому я не вѣстовой.

Кисляковъ соскочилъ съ сѣдла и повернулъ на зады тропинкой. Долго Санкюлотъ, грызя орѣхи, ворчалъ про себя, потомъ кликнулъ со двора солдата и велѣлъ увести поджараго кисляковского мерина въ гременицынскую конюшню.

— Лошадь тоже, прости Господи... Эхъ! Да нешто это полкъ! Сказано, армія, такъ армія и есть.

Кисляковъ и самъ въ точности не зналъ, на что ему нуженъ Гременицынъ. Дѣла у него къ пріятелю никакого не было и быть

не могло; видѣлись они утромъ, у обѣдни. Но таковъ ужъ характеръ былъ у поручика, что двухъ часовъ не могъ онъ прожить безъ товарища: и пальцы не помогали. Сшибая манежнымъ бичомъ репейники по дорогѣ, Кисляковъ огородами быстро дошелъ до тѣнистой рощи. Послѣобѣденное солнце начинало чуть-чуть сдаваться, убавляя свой безмятежный и ровный жаръ. Не доходя стараго дуба, Кисляковъ услышалъ голоса и на скамейкѣ разглядѣлъ Машу и Гременицына. Онъ хотѣлъ окликнуть ихъ и подойти, но какая-то сила, будто противъ воли, принудила его остаться въ кустахъ и прислушаться къ разговору.

— Такъ, не дашься, не дашься, что? А хочешь, сейчасъ я тебя взнуздаю?

— Ужъ и взнуздаете, что я, кобыла вамъ далась?

— Ну, поцѣлуй же, Машенька!

— Не хочу, сказала.

— Такъ вотъ же тебѣ, вотъ!

Гременицынъ обхватилъ бѣлыми ладонями румяное Машино лицо и зацѣловалъ ей безъ конца пышныя щеки, сахарно-блестящіе зубы и полузакрытые влажные глаза. Маша, сдерживаясь, визжала. Звонко хохоча, сорвала она съ Гременицына фуражку и вцѣпилась, шая, въ мягкія волны его кудрей. Взвизги, поцѣлуи и смѣхъ таяли безъ остатка въ знойномъ, насыщенномъ тишиною днѣ. Кислякову завидно сдѣлалось и досадно даже; онъ и губы отъ обиды ревниво распустилъ. Придумывая, какъ бы уйти незамѣтнѣй, онъ попятился легонько въ кусты, стараясь не звякнуть, и вдругъ услышалъ позади чей-то тяжелый, съ одышкой, военный шагъ. Изъ кустовъ, чуть не задѣвъ Кислякова эполетой, вылѣзъ бурбонъ Мокѣевъ и устремился прямо къ скамейкѣ. Увлеченные любовной борьбой, Маша и Гременицынъ до тѣхъ поръ его не замѣчали, пока Евсей Семенычъ не дернулъ товарища за рукавъ.

— Ахъ!—воскликнула Маша, закрываясь.

— Что?—оборотился небрежно Гременицынъ.—А, это вы...—И, нахмурившись, засвисталъ.

— Дозвольте васъ спросить, какъ долженъ я обо всемъ эфтомъ понимать? Марья Степановна, ежели вы моя, къ примѣру сказать, невѣста, то отъ васъ теперича чего же я ожидать могу?

Маша молча закрывала руками пылающее лицо. Гременицынъ свисталъ и хлыстикомъ постегивалъ себя по шпорамъ.

— Извольте отвѣчать, господинъ корнетъ,—продолжалъ Евсей Семенычъ, молчаніе Гременицына объясняя робостью и смущеніемъ.—Какія ваши права?

— Уходите,—сказалъ Гременицынъ, не подымая глазъ.

— Какъ уходи? Отъ своей-то невѣсты да уходи?—Евсей Семенычъ все громче забиралъ голосомъ, пѣтушился и смѣлѣлъ. Безъ сомнѣнія, храбрость свою почерпалъ онъ также въ винныхъ парахъ, съ утра раздышавшихся въ его стриженной головѣ и теперь ударившихъ сразу ему въ виски и въ шею. Кругомъ его все какъ будто позелѣнѣло.—Нѣтъ, уходить это тебѣ надо, а не мнѣ.

Тутъ произошло такое, чего и предвидѣть никто не могъ. Гременицынъ, вспыльчивый отъ природы, въ припадкѣ гнѣва могъ позабыть все на свѣтѣ. Въ безмолвіи ярость его лишь пуще собиралась и копилась, какъ грозовая туча, но, сознавая въ глубинѣ сердца себя не вполне правымъ, онъ ожидалъ, что бурбонъ побоится затѣвать *исторію* и уйдетъ. Когда же Мокѣевъ, мало того, что позволилъ себѣ повысить голосъ, а еще дерзнулъ обратиться къ нему, Гременицыну, на *ты*, молодой корнетъ вспыхнулъ разомъ, какъ пороховой погребъ. Изъ глазъ его вылетѣли двѣ молніи; обезумѣвъ отъ гнѣва, онъ вскочилъ, бѣшено затопалъ ногами и заоралъ:

— Пошелъ прочь, мерзавецъ! Какъ смѣешь ты со мной такъ разговаривать, хамъ!

При грозномъ окрикѣ все офицерское благородство слетѣло съ Евсея Семеныча, какъ съ гуся вода. Привычнымъ движеніемъ онъ быстро сорвалъ съ головы фуражку и, вытянувшись, вскрикнулъ:

— Виновать, ваше благородіе!

Такое подлое самоуниженіе еще сильнѣе взбѣсило Гременицына. Не помня себя, онъ замахнулся хлыстомъ и, скрипнувъ зубами, хватилъ по лицу бурбона. Мокѣевъ моргнулъ и дернулся щекой, но попрежнему остался стоять неподвижно, глядя въ глаза корнету. Маша, всхлипывая, кинулась бѣжать и исчезла въ опушкѣ. Гременицынъ очнулся.

— Не можетъ быть, что?—сказалъ онъ, по привычкѣ небрежно, чувствуя между тѣмъ, какъ сердце тяжело сдавила ему ледяная какая-то, небывалая тревога. Онъ отвернулся отъ Мокѣева и опять сталъ стегать себя по лаковымъ голенищамъ. Сознаніе того, что случилось, еще не вполне стало яснымъ ему самому; онъ чувствовалъ только, что теряется совершенно.

Бурбонъ, напротивъ, ободрился и понялъ, что дѣло поворачивается на новый ладъ. Вспомнивъ, наконецъ, что и на его плечахъ такія же точно эполеты, какъ у Гременицына, и что по уставу онъ всетаки *благородный* и офицеръ, Евсей Семенычъ сталъ *вольно* и принялъ обиженно-самолюбивый видъ.

— Какъ же намъ теперича все это оборотить?—спросилъ онъ.

При первомъ звукѣ его голоса Гременицыну полегчало. Еще ничего не обдумавъ, онъ полусознательно чутьемъ уяснилъ себѣ, что съ бурбономъ дѣло можно уладить легко и просто: дать ему, сколько запросить, благо никто не видѣлъ, и приказать молчать. Еще отрадный мелькнуло въ его сознаньи, что Маша теперь уже совсѣмъ его. И, выпрямившись, онъ твердо встрѣтилъ насупленный взглядъ бурбона.

— Идите, я вамъ послѣ скажу.

Мокѣевъ повиновался и покорно зашагалъ тропинкой. Гременицынъ, посвистывая и играя хлыстомъ, глядѣлъ ему вслѣдъ, и только когда красный затылокъ Евсея Семеныча скрылся, наконецъ, въ кустахъ, онъ, обернувшись, увидѣлъ передъ собой какъ полотно блѣднаго Кислякова. Гременицынъ уронилъ хлыстъ. Опять ледяная тяжесть глухой доской надавила ему грудь.

— Ты видѣлъ?

— Видѣлъ, mon cher.

— Что?

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Судъ чести.

Блестящей прядью винтишкета
Семья уланъ закрѣплена.

Фетъ.

Командиръ великославскихъ уланъ, полковникъ, баронъ фонъ-Кнабенау, поступилъ въ полкъ сержантомъ въ девяностыхъ годахъ, при Императрицѣ Екатеринѣ. Тогда еще въ легкой кавалеріи не было вовсе уланъ, а были одни гусары. Въ тѣ времена баронъ былъ пухлый, розовый какъ сдобная булка, нѣмчикъ, смазливый, съ масляными глазками, всегда въ чистенькомъ зеленомъ доломанѣ, съ толстой русой косой и плетеными длинными *висками*, падавшими изъ-подъ высокой мѣховой шапки на полудѣтскія его плечи. Съ полкомъ баронъ сдѣлалъ всѣ походы, отъ Измаила до Варны. Теперь, въ шестьдесятъ съ лишкомъ лѣтъ, изъ бѣлокураго полковникъ сталъ чернымъ, какъ цыганъ, и изъ добродушнаго строгимъ: свои скудныя, зачесанныя на голый черепъ космы и длинные усы красилъ онъ венгерской глянцевитой, какъ вороново крыло, помадой, а по мѣрѣ возвышенія въ чинахъ, нравомъ дѣлался все суровѣе и лютѣ. За всю долготную службу свою баронъ Кнабенау не бывалъ подверженъ ни

винному запою, ни картежной горячкѣ, и единственной его слабостью, извѣстной хорошо сослуживцамъ и высшему начальству, былъ прекрасный полъ. Передъ дамами суровый наѣздникъ истаебалъ въ нѣжныхъ чувствахъ, и никогда прелестницамъ не могъ отказать ни въ чемъ. Многія красотки пользовались слабостью стараго улана, снискивая всякія льготы балованнымъ братцамъ и дружкамъ. Долгое и усердное служеніе Венерѣ безъ награды не осталось: признательная богиня наслажденій расписала барону щеки и лобъ бѣлесовато-мѣдными пятнами и пережабиной выгнула орлиный рыцарскій носъ его. Подступившей старостью не смущался лихой полковникъ и попрежнему атаковалъ лукавыхъ красавицъ, закручивая смоляные усы и стремительнымъ бурнымъ натискомъ рѣшая побѣду. Ко всему сказанному остается еще добавить, что, прослужа въ арміи полныхъ сорокъ пять лѣтъ, баронъ Кнабенау такъ и не выучился какъ слѣдуетъ говорить по-русски и ломалъ російскій языкъ, какъ самый нѣмецкій нѣмецъ.

Былъ часъ вечерняго кофею, но за круглымъ столомъ полковникъ сидѣлъ одиноко, въ застегнутомъ, невзирая на іюльскій зной, на всѣ пуговицы и крючки мундирѣ и при орденахъ. Потягивая изъ солдатской съ перцевымъ короткимъ чубукомъ трубки Жуковъ благоуханный дымъ, баронъ хмурился, фыркалъ, вздыхалъ, такъ что вздрагивали, сотрясаясь на плечахъ, густыя тяжелыя эполеты, и въ сердцахъ самъ прерывалъ свои думы досаднымъ восклицаньемъ:

— Фуй!

Было о чемъ беспокоиться командиру великославцевъ. Исторія въ роцѣ успѣла разнестись не только въ полку, но и по всей дивизіи. Адъютантъ вчера еще говорилъ, что екатериноградскимъ гусарамъ и маріинскимъ кирасирамъ давно уже все извѣстно. Главную причину безпокойства для полковника являлъ Мокѣевъ. Ежели бы Гременицынъ повздорилъ и даже подрался съ кѣмъ угодно, со Звягинымъ, съ Кисляковымъ, даже съ Кантомъ,—барону совсѣмъ бы и тревожиться не пришлось. Даже докладывать бы ему не стали, а прямо раздѣлались бы между собою на сабляхъ или на пистолетахъ, и знать бы никто ничего не зналъ. Въ случаѣ смерти, умеръ, молъ, отъ неизвѣстной причины, и конецъ. А тутъ не то: тутъ бурбонъ замѣшался, мужикъ, хамово отродье. Развѣ законы чести, да еще чести военной, писаны для такихъ скотовъ? Какъ будетъ съ нимъ драться Гременицынъ, когда третьи сутки идутъ, а бурбонъ и не думаетъ посылать вызовъ? Да и какъ велъ онъ себя—фуй, фуй!—стоялъ

подъ хлыстомъ безъ шапки, прощенья просилъ—что же это такое? А главное, чего больше всего на свѣтѣ боялся полковникъ, это, что по подлости и глупости своей, бурбонъ способенъ рапортомъ донести о происшедшемъ по командѣ, и тогда... прощай тогда бывшая слава великославскихъ уланъ и честь ихъ командира, полковника барона фонъ-Кнабенау! Доведутъ тотчасъ же до свѣдѣнія Государя, и... баронъ зажмурился даже, вспомнивъ живо послѣдній Высочайшій смотръ, когда передъ самымъ церемониальнымъ маршемъ, въ виду всей свиты и иностранныхъ гостей, какой-то драгунскій солдатъ дерзнулъ, подскакавъ, подать прошеніе Государю. Огромные, какъ двѣ чаши синяго вина, глаза Николая Павловича заискрились отъ гнѣва; золотой орелъ на его кавалергардскомъ шлемѣ дрогнулъ и, казалось, зашипѣвъ отъ злобнаго изумленья, еще шире распростеръ свои литыя крылья. Въ мертвой тишинѣ могучій голосъ Царя прозвучалъ по фронту яснымъ звономъ ударившихъ другъ о друга серебряныхъ щитовъ:

— Предать негодяя военному суду.

И черезъ двадцать четыре часа гладко утопанная яма указывала мѣсто, гдѣ совершился судъ.

Нестройное и путаное теченіе бароновыхъ мыслей прервано было приходомъ шестерыхъ эскадронныхъ командировъ съ Кантомъ во главѣ. Обычно, въ случаѣ появленія офицеровъ, въ передней брякалъ ржавый звонокъ, денщикъ бѣжалъ докладывать полковому командиру, и гости вступали въ баронову зальцу, хоть и по формѣ одѣтые, но запросто, въ сюртукахъ, причемъ съ полковникомъ держали себя почтительно, но безъ особыхъ стѣсненій. Теперь же всѣ шестеро вошли безъ звонка въ незапертую дверь, и доложить о нихъ некому было: баронъ еще съ обѣда приказалъ денщикамъ ранѣе девяти часовъ домой не приходить. Одѣты всѣ шесть ротмистровъ были въ парадную форму и сѣли, по молчаливому приглашенію командира, чинно, не говоря ни слова. Вслѣдъ за ними безъ перерыва пошли являться младшіе офицеры: полковой адъютантъ штабъ-ротмистръ Ренненкампфъ, штабъ-ротмистры Берсенева и Дубовицкій; поручики Звягинъ, Ботвиньевъ, Шанъ-Гирей, графъ Роландъ, Мангушко, Кисляковъ, фонъ-Энзе; корнеты Гременицынъ, Озеровъ, братья Герке, Пальчиковъ, Зеленецкій и другіе. Комната переполнилась офицерами. Послѣдними вошли Мокѣевъ и Пискуновъ. Оба бурбона, видимо, были взволнованы и подавлены предстоящимъ: бѣлыя перчатки взмокли на дюжихъ рукахъ Мокѣева, а запахи конюшни и нѣжинскихъ корешковъ перешибали одеколонный аромат со звягинскихъ кудрей и даже острое гременицынское пачули.

Уланы собирались въ полномъ молчаніи; никто не произнесъ ни слова, слышалось только бряцаніе шпоръ и сабель, шарканье стульями и сдержанный рѣдкій кашель. Когда всѣ размѣстились на скамьяхъ, стульяхъ и подоконникахъ, глядя въ глаза командиру, баронъ слегка дрожащими пальцами набилъ себѣ трубку, закурилъ отъ высѣченнаго адъютантомъ огня и, затянувшись, поспѣшно началъ:

— Господа офицеры! Я ставилъ себѣ за долгомъ приглашать васъ нонече для совѣтъ. И я самъ знаю, и вы всѣ знаете сей прискорбный случай, о которомъ докладывалъ мнѣ командиръ шестого эскадрона. Корнетъ Гременицынъ оскорбилъ корнетъ Мокѣевъ: ударялъ его на лицо. По какой причинѣ онъ ударялъ его, есть дѣло не наше. Но наше полковой дѣло будетъ честь полка. Прибитый офицеръ имѣетъ грязный лицо и вымываетъ это свое лицо обязанъ есть только кровью. То дѣло мы обсуждалъ и рѣшали: корнетъ Мокѣевъ вызывайтъ корнетъ Гременицынъ на дуэль.

Мокѣевъ поднялся весь красный. Онъ сопѣлъ и переминался.

— Вы слышалъ, что вамъ говоритъ командиръ? Вы должны есть драться.

Мокѣевъ нутужился съ усиліемъ, и на багровомъ лицѣ его заранѣе можно было прочесть отвѣтъ, который выпалилъ онъ, глядя въ упоръ на командира:

— Никакъ нѣтъ, господинъ полковникъ.

— Какъ нѣтъ!—взвизгнулъ, будто ошпаренный, полковникъ.— Какъ нѣтъ! Но вы носите нашъ славный эполетъ!

У Мокѣева на красную уланскую грудь заструился горячій потъ. Онъ отстегнулъ третью пуговицу, вытащилъ по формѣ сложенный листъ и протянулъ командиру.

— Что такой?

— Рапортъ объ отставкѣ. Дозвольте уйти изъ полка.

Полковникъ развелъ руками и склонилъ безпомощно лысую голову съ рѣдкими прядями крашенныхъ косицъ. Офицеры зароптали. Бурбонъ недоумѣвалъ.

— Да развѣ же вамъ можно теперь въ отставку?—сказалъ грубо Мокѣеву его начальникъ, командиръ шестого эскадрона, ротмистръ Алфераки, носатый маленькій грекъ, съ желтыми бѣлками, вѣчно нахмуренный и сердитый.—Этакую исторію развелъ, а потомъ въ отставку.

— Какую исторію я развелъ, господинъ ротмистръ?—возразилъ Мокѣевъ.—Меня прибили да я же и виноватъ?

— Молчать!—закричалъ полковникъ. — Ви не смѣйте такъ разговаривать! Ви трусь!

Онъ выхватилъ изъ рукъ Мокѣева рапортъ, изорвалъ на мелкіе клочки и яростно истопталъ ногами.

Тутъ изъ группы эскадронныхъ командировъ выдѣлился Кантъ и густымъ кашлемъ подалъ знакъ, что хочетъ заговорить.

— Господинъ полковникъ и господа офицеры! (Всѣ притихли, наостривъ уши.) До утра будемъ толковать, а все не договоримся. Чернаго кобеля не отмоешь добѣла. Яснѣй бы сказалъ, да эполеты на немъ наши, а оскорблять полкъ я не хочу. Только думаю такъ, что покудова онъ ихъ носить, послѣднее слово будетъ за командиромъ.

Баронъ понялъ. Желтыя пятна на смугломъ лицѣ его порозовѣли. Движеніемъ руки установилъ онъ полную тишину и торжественно приподнялся съ кресла. Встали всѣ. Мокѣевъ тупо глядѣлъ на командира.

— Корнетъ Мокѣевъ,—строго заговорилъ полковникъ.—Я буду отдавать вамъ приказаній по служба. Завтра ви будетъ драться съ корнетъ Греницынъ.

Всѣ уставились на бурбона. Онъ вытянулся, руки по швамъ.

— Слушаю, господинъ полковникъ.

Вздохъ облегченія провѣялъ по комнатѣ. Всѣ повеселѣли.

— Господа субалтернъ-офицеры,—продолжалъ полковникъ,—извольте итти на свой дѣло.

Младшіе офицеры откланялись и быстро, съ легкимъ жужжащимъ говоромъ, почти выбѣжали одинъ за другимъ изъ баронскаго дома. Въ окно слышно было, какъ полковникъ, похлопывая Канта по плечу, весело говорилъ:

— Толкуйте объ условіяхъ дуэля ми будетъ послѣ, а теперь, я думаю, господа, не мѣшайте намъ задать маленьки пуншціи. Прошу васъ, снимайте вашу униформу и садитесь за столъ.

Два денщика поставили бережно передъ барономъ пылающую миску съ пуншемъ.

Мокѣевъ и Пискуновъ возвращались вдвоемъ. Близость ли опаснаго поединка, измѣна ли любимой невѣсты, другія ли какія причины произвели въ характерѣ Евсея Семеныча внезапную и рѣшительную перемѣну. Онъ пересталъ походить на бурбона и будто утратилъ сразу всѣ типическія свои черты. Въ походкѣ и во всемъ поведенціи Евсея Семеныча засквозило нѣчто совсѣмъ иное: онъ раскисъ, сталъ говорить нараспѣвъ, подпирая ладонью по-бабьи щеку и поглядывалъ на товарища добрыми телячьими

глазами. И видъ у него вдругъ сдѣлался такой, точно для смѣху перерядили его въ уланскаго корнета.

— Эхъ, братъ, Петръ Ивановичъ,—сказалъ онъ, почесавши за ухомъ,—убьютъ меня завтра господа.

— Ну, не говори, еще неизвѣстно.

— Убьютъ, безпремѣнно убьютъ, вотъ поглядишь самъ. Эхъ, жисть! И тутъ тебѣ незадача. Только было въ люди вышелъ, офицеръ этта и все,—мнѣ бы дураку въ отставку, такъ нѣтъ: жадность одолѣла. Дослужусь, молъ, до эскадроннаго. Вотъ те и дослужился.

Пискуновъ молча сопѣлъ.

— И чудно эфто, Петя: сколько годовъ я деревни не видалъ; забылъ, стало быть, вовсе мужицкую нашу жисть, какъ и что. Да оно и некогда: зимой въ казармѣ, лѣтомъ на травѣ, все служба да служба. А тутъ, намедни, какъ онъ меня хлестанулъ и пошелъ этта я изъ рощи, встрѣчь мнѣ ровно бы дымкомъ, знашь, потянуло маненько, курнымъ дымкомъ. Тутъ я все и вспомнилъ. И деревню вспомнилъ, и улицу, вотъ какъ на картинкѣ: журавецъ этта и бадья, стадо гонять, ну, вотъ тебѣ все до малости, какъ есть. И еще вспомнилъ, какъ matka, бывало, подъ праздникъ блины яшныя пекла, и такъ мнѣ блиновъ эфтихъ самыхъ захотѣлось, знашь, съ коноплянымъ масломъ, горячихъ. У насъ вѣдь въ Лукояновскомъ все конопля, и духъ отъ нея чудесный, по полямъ такъ и плыветъ и плыветъ... Петъ, а Петъ?

— Ну?

— Прощай покуда. До завтраго. Ты у меня эфтимъ, какъ его... секун... секундоромъ-то будешь?

— Сикундатомъ? Я, а то кто же? Ты спать?

— Выплюсь, пораньше встану. Какъ еще Богъ поможетъ. Такъ не робить, что ли?

— Чего робить? Для виду все. Пальнете мимо по разику, а тамъ и рапортъ твой полковникъ честь-честью приметъ. Балуются господа.

Евсей Семенычъ распрощался съ товарищемъ, но не до сна ему было. Не то зашевелилось у него въ умѣ. Въ три минуты по темнымъ задамъ, гдѣ въ росистой крапивѣ кузнечикъ оглушительно трещалъ въ самыя уши и охали сычи, мимо вздаивающихъ пугливо сторожевыхъ псовъ, бѣгомъ спѣшилъ Мокѣевъ къ фершалову домику, перемахнулъ плетень и, крадучись подъ заборомъ, подступилъ къ завѣтному окну. Онъ не обманулся въ ожиданьи. Маша у окошка глядѣла на голубую холодную луну и вздыхала, слушая запоздалаго комара, напѣ-

вавшего ей уныло. Увидя жениха, она вздрогнула, но не отвернулась.

Заплясавшія непослушно губы не сразу дали бурбону заговорить.

— Ма... Маша... Марья Степановна.

Евсею Семенычу всей душой хотѣлось сказать много хорошихъ словъ, но языкъ, неповоротливый, какъ колода, — бурбонскій языкъ, — понесъ свою чепуху.

— Дозвольте объясниться. Какъ ежели я посмѣлъ васъ беспокоить, то не иначе какъ въ семъ пріятномъ упованьи...

Блѣдныя губы Маши открылись, и бурбонъ услыхалъ:

— Подлецъ ты постылый, рябая рѣжа. Ненавижу я тебя, будь ты проклять, анаеема.

Окошко захлопнулось и Маша исчезла.

Странное чувство родилось тогда въ размягченномъ сердцѣ бурбона. Машины слова будто чародѣйствомъ какимъ превратили сердце его мгновенно въ холодный камень, и въ то же время злоба, бѣшеная и страстная, такъ жарко заклокотала въ его густой крови, что, кажется, попадись Мокѣеву сейчасъ Гременицынъ, онъ бы убилъ его на мѣстѣ. Самые шаги бурбона отяжелѣли, какъ будто толстыя голенища его налились злобой, и погребальнымъ звономъ мѣрно и глухо вызванивали уходящія шпоры: мѣсть! мѣсть!

По мѣрѣ того какъ удалялся Евсей Семенычъ отъ Машиной избы, съ другого конца къ ней подходилъ Гременицынъ. Заслышавъ знакомую быструю походку, Маша по поясъ высунулась изъ окна и обхватила жадно горячими руками надушенную голову стройнаго красавца въ бирюзовой фуражкѣ. Гременицынъ поднялъ ее на руки и понесъ.

— Куда ты? Пусти, — шептала Маша.

Оба остановились, оглянулись и быстро, взявшись за руки, побѣжали къ роцѣ.

Бессонныя совки и надоѣдливые сычи долго пищали, сдуру дразнясь и покрикивая на дремотную луну, а у стараго дуба, на скамейкѣ, звучали поцѣлуи. Величавый лѣсной царь, гордый довѣріемъ влюбленныхъ, благословляя, простиралъ надъ ними мощныя свои вѣтви.

Все было понятно теперь и ясно обоимъ. Завтра Гременицынъ проучить для виду глупаго бурбона, потомъ дождется перевода въ гвардію и увезетъ съ собой Машу въ Петербургъ. Яркія картины грядущаго проплывали передъ счастливыми стоцвѣтной шехерезадой, и только когда красноперыя цапли замахали крик-

ливо навстрѣчу новому солнцу, любовники вернулись, наконецъ, отъ счастья къ жизни.

Въ семь часовъ брызнулъ и тотчасъ разсѣялся мелкій дождь. Гременицынъ и Кисляковъ верхами проскакали рощей, спѣша къ мѣсту дуэли.

У скамьи подъ старымъ дубомъ трава была примята и голубѣлъ забытый кисейный шарфикъ. Гременицынъ вздохнулъ.

Ротмистръ Кантъ, съ согласія полковника, выбралъ поединокъ на сабляхъ. Противники, крѣпко сцѣпившись лѣвыми руками, послѣ команды даютъ другъ другу по одному удару. При крайней жестокости своей, дуэль эта наименѣе опасна. Не у всякаго хватить духу рубить человѣка на-смерть, стоя лицомъ къ лицу.

Враговъ развели. Мокѣевъ тупился, сгорбясь. Молча выслушалъ онъ наставленія и наказы Канта.

Гременицынъ съ отвращеніемъ почувалъ, какъ цѣпко охватила руку ему потная лапа бурбона.

Кантъ крикнулъ команду: разъ, два, три!

Бурбонъ не двигался и не подымалъ глазъ, только рука его стискивала все крѣпче холодные пальцы Гременицына.

Владиміръ Николаичъ поморщился и ударомъ наотмашь сбиль плашмя съ головы Мокѣева фуражку. Въ тотъ же мигъ бурбонъ дико поднялъ кровавые глаза, и Гременицынъ зажмурился невольно, встрѣтя ихъ медвѣжій, освирѣпѣлый взглядъ.

Со всей силы обрушилъ Мокѣевъ ударъ свой на голову врагу, крикнувъ, какъ будто рубилъ капусту. Гременицынъ свалился. Голова его разъята была на-двое вмѣстѣ съ фуражкой; тяжелая сабля смаху перешибла тонкое переносье и вытекшій лѣвый глазъ и застряла въ бѣлыхъ зубахъ, раздробивъ свѣжевыбритый подбородокъ.

Секунданты въ тупомъ оцѣпенѣннѣи глядѣли на дергавшійся послѣдними судорогами трупъ. Кровь, струясь ручейкомъ, мочила подошвы Кислякову. Бурбонъ, стоя надъ покойникомъ, ревѣлъ въ голосъ, какъ баба, и крупныя слезы мелко бѣжали по рябымъ щекамъ.

Борисъ Садовской.

Два стихотворенія.

1.

Счастливый путникъ.

Не надо скорби, не надо злости.
Живи подъ солнцемъ, цвѣти утрами
Въ нерукотворномъ Господнемъ храмѣ.
Счастливый путникъ не сломитъ трости,
Уже надломленной вѣтрами.

Пусть будетъ въ жизни все переменнo,
Все ненадежно, какъ сонъ мгновенный,—
Счастливый путникъ въ странѣ невинной
Поетъ въ дорогѣ пустой и длинной
Беззаботно и вдохновенно.

Бѣлѣютъ ночью въ поляхъ туманы,
И къ небу всходятъ, какъ облакъ горній,
И улетаютъ въ иныя страны,
И вновь дымятся росой поляны.
Кто счастливѣй, и кто покорнѣй?

Цвѣтетъ и вянетъ цвѣтокъ умильный
На радость людямъ, на пользу пчеламъ.
Медвяны росы въ странѣ обильной.
Счастливый путникъ, въ пути веселомъ
Цвѣтамъ и травамъ ты—свой, ты—сильный.

Росою травной омывши ноги,
Счастливый странникъ, слагай же пѣсни
Про облакъ горній, про пыль дороги,
И про лачуги, и про чертоги.
Что слаще пѣсни, и что чудеснѣй?

Любовь, ты скажешь? Любовь земная,
 Счастливый путникъ, тебѣ услада,
 Какъ за оградой гроздья винограда,
 Какъ въ сѣняхъ сада плескъ водопада,
 Какъ послѣ зноя тѣнь лѣсная.

Но не печалься, когда покинетъ,
 Когда устанетъ, когда остынетъ.
 Счастливый путникъ, твой домъ далеча,
 Но путь твой вѣренъ,—тебя не минетъ
 Твоя награда, святая встрѣча.

2.

Сонетъ.

По дорожкѣ солнечнаго сада
 Вкругъ лужайки медленно иду.
 Вянутъ маки. Желтая досада
 Угнѣздилась въ солнечномъ саду.

И пчела жужжать уже не рада,
 И ужъ горечь есть въ ея меду,
 И дрожать незримо капли яда,
 Растворясь въ лазоревомъ бреду.

Сердце ноетъ. Ахъ, счастливый жребій
 Мнѣ игра полночная дала!
 И отъ зависти въ безумномъ небѣ
 Стала Венусъ мраморно-бѣла,

И, проливъ таинственныя слезы,
 Сходить долу исполнять угрозы.

Ведоръ Сологубъ.

ОРКЕСТРЪ СЛѢПЫХЪ.

I.

Музыканты медленно шли по глубокому чистому снѣгу черезъ тихую въ сумеркахъ загородную площадь къ своей кофейнѣ, гдѣ они играли каждый вечеръ.

Они шли въ порядкѣ, рядами. Въ каждомъ ряду было четыре человѣка—трое слѣпыхъ и одинъ зрячій, проводникъ. Проводникомъ перваго ряда была женщина, одѣтая въ трауръ, сестра „первой скрипки“. Остальныхъ слѣпыхъ вели подростки.

Всѣ они были въ темныхъ пальто, почти одинаковаго покроя, короткихъ и широкихъ внизу, чтобы не затруднять слѣпымъ движенія. Глаза у всѣхъ были закрыты темными дымчатыми очками. Въ черныхъ футлярахъ они несли съ собой свои инструменты и были похожи на фантастически-мрачный отрядъ неизвѣстнаго войска, вооруженный чернымъ причудливымъ оружіемъ.

Они шли молчаливо, тяжело ступая по чуть подмерзшему синему въ сумеркахъ снѣгу, равнодушные къ окружающему; никакіе звуки, кромѣ скрипа ихъ собственныхъ шаговъ и отдаленнаго неяснаго шума экипажей, не тревожили ихъ чуткаго слуха на этой пустынной площади.

Вдругъ изъ узенькой боковой улицы поспѣшно вышелъ юркій маленькій человѣкъ и направился къ слѣпымъ, мелкими шагами перерѣзывая площадь. Рядомъ съ нимъ легкой, почти безшумной походкой шелъ молодой человѣкъ съ большими свѣтлыми глазами, неподвижными, какъ застывшая вода. Всѣ музыканты почти одновременно повернули головы на звукъ направленныхъ къ нимъ знакомыхъ шаговъ и стали идти еще медленнѣе. Маленькій человѣкъ скоро съ ними поравнялся.

— Вы говорили, Павелъ Ивановичъ, что вы не прочь сдать кому-нибудь комнату флейтиста?—обратился онъ, не здороваясь,

къ высокому, сѣдобородому музыканту, идущему впереди объ руку съ женщиной въ траурѣ,—я веду вамъ жильца...

— Во-первыхъ, не кому-нибудь, а слѣпому, только слѣпому мы могли бы сдать комнату въ нашемъ общежитіи,—степенно отвѣтилъ сѣдой музыкантъ,—къ тому же флейтистъ, кажется, раздумалъ уѣзжать...

— Съ этимъ флейтистомъ у нихъ одно безпокойство,—быстро, словно извиняясь, затараторилъ юркій человѣкъ, обратившись къ своему спутнику,—каждую осень онъ собирается лѣчить свои глаза, хотя всѣмъ извѣстно, что это уже ни къ чему. Слепота его вѣрная,—врачъ сказалъ,—и никакія заграницы ничего тутъ не помогутъ. Чего зря деньги тратить? Потомъ уговорять его товарищи, и опять остается въ оркестрѣ... Но вы не безпокойтесь, мы васъ какъ-нибудь устроимъ, авось найдется у нихъ лишняя комната въ общежитіи...

— Кому это вы, Сатинъ, болтаете про дѣла нашего общежитія?—сурово спросилъ Павелъ Ивановичъ.—Васъ никто не просить въ это вмѣшиваться... Чужого человѣка мы не примемъ, если даже флейтистъ уѣдетъ.

— Но онъ слѣпой,—просительно заговорилъ теперь Сатинъ,—слѣпой, Михаилъ Алексѣевичъ, музыкантъ-скрипачъ,—представлялъ онъ молодого человѣка, подталкивая его къ завѣдующему общежитіемъ.

— А... очень радъ познакомиться...—мягко сказалъ Павелъ Ивановичъ и сразу сталъ пріѣтливѣе.

— Я былъ два раза въ клубъ,—началъ молодой слѣпой,—и никого не засталъ... Я пріѣзжій, знакомыхъ въ городѣ почти нѣтъ... Мнѣ совѣтовали обратиться къ вамъ, какъ къ предсѣдателю...

— Хорошо, мы постараемся васъ какъ-нибудь устроить,—успокоительно сказалъ Павелъ Ивановичъ.—Сатинъ, будьте любезны, отведите молодого человѣка въ нашу квартиру и скажите, чтобы приготовили ему ужинъ и постель въ библиотекѣ. До завтра, товарищъ; вы, вѣроятно, будете уже спать, когда мы вернемся...

И онъ нащупалъ и пожалъ руку новаго слѣпого.

Потомъ странный темный отрядъ двинулся дальше, и опять захрустѣлъ все сильнѣй подмерзающій снѣгъ подъ медленными и осторожными шагами слѣпыхъ музыкантовъ. А Михаилъ Алексѣевичъ, прислушиваясь къ этимъ шагамъ, успокоительно шепталъ:

— Новые товарищи...

II.

Сѣдобородый музыкантъ, Павелъ Ивановичъ, былъ председателемъ клуба „Взаимопомощи слѣпыхъ“, который ставилъ своей цѣлью, помимо матеріальной поддержки членовъ, „Содѣйствовать взаимному общенію слѣпыхъ, а также общенію ихъ съ другими людьми“.

Эта фраза: „...а также съ другими людьми“, смутно отмѣчала отъединенность слѣпыхъ отъ всего общества, замыкала ихъ въ особую касту пасынковъ жизни, для которыхъ „общеніе съ другими людьми“ было возможнымъ, но чуждымъ, словно немного опасное путешествіе по незнакомымъ странамъ, во время котораго нужно быть всегда насторожѣ.

Каждаго слѣпого въ клубѣ встрѣчали радушно, съ нѣжной нескрываемой жалостью, которая никого не могла тамъ обидѣть, потому что была примѣнима ко всѣмъ. Въ небольшихъ общежитіяхъ клуба, основанныхъ въ разныхъ концахъ города, жили только слѣпые, соединяясь по профессіямъ или по личнымъ симпатіямъ. Чаше всего то и другое совпадало.

Въ общежитіи, гдѣ жилъ председатель, было двѣнадцать человѣкъ,—все музыканты одного оркестра, играющаго въ перво-разрядной кофейнѣ. Новый слѣпой, Михаилъ Алексѣевичъ, былъ знакомый хозяина кофейни и хотѣлъ поступить въ этотъ оркестръ. Но хозяинъ посоветовалъ ему сначала записаться въ клубъ и поселиться вмѣстѣ съ остальными музыкантами, такъ какъ слѣпые очень непріязненно относились къ рекомендаціямъ со стороны.

Когда юркій маркеръ кофейни, Сатинъ, привелъ Михаила Алексѣевича въ общежитіе, музыкантъ прежде всего сталъ ощупывать мебель и стѣны, чтобы научиться ориентироваться въ новомъ жилищѣ. Коридоръ, куда выходили двери семнадцати комнатъ, былъ узкимъ и такимъ длиннымъ, что у слѣпого устали протянутыя впередъ руки, пока онъ наткнулся на стѣну въ концѣ этого коридора.

Гостиная была большая, квадратная, съ двумя окнами, широкими и высокими,—нельзя было дотянуться рукой до верхней рамы форточки; въ ней стояла мягкая мебель, обитая бархатомъ и пріятная на ощупь. Столовая тоже была просторная, и все въ ней: буфетъ, длинный столъ и стулья были съ округленными кантами, чтобы не больно было на нихъ наткаться. Впрочемъ, эта предосторожность имѣла значеніе только для новичковъ и гостей,—старые члены общежитія безошибочно знали, гдѣ нахо-

дится каждый предметъ, и ходили по комнатѣ свободно, какъ зрячіе.

Полужинавъ, Михаилъ Алексѣвичъ отправился въ маленькую бібліотеку общежитія и, не раздѣваясь, легъ на приготовленную для него постель: онъ хотѣлъ, отдыхая, дожидаться прихода новыхъ товарищей, чтобы еще сегодня немного познакомиться съ ними. Но музыканты долго не возвращались. Михаилъ Алексѣвичъ подошелъ къ часамъ, звонко тикающимъ въ углу у окна, открылъ шкафчикъ и, осторожно нагнувъ лѣвой рукой обѣ стрѣлки, правой отыскалъ выпуклую цифру, ближайшую къ стрѣлкѣ часовой. Убѣдившись, что время близится къ двѣнадцати, онъ тихо раздѣлся и заснулъ почти сразу, чувствуя себя роднымъ въ этомъ тихомъ общежитіи.

III.

Утромъ Михаилъ Алексѣвичъ послалъ въ гостиницу за вещами и съ радостью распаковалъ свою скрипку, къ которой не прикасался съ самаго выхода изъ школы для слѣпыхъ. Онъ до окончанія курса покинулъ эту образцовую школу въ Швейцаріи, такъ какъ внезапно умеръ богатый родственникъ, платившій за его воспитаніе. Не осталось никого больше, кто бы могъ заботиться о слѣпомъ юношѣ, — Михаилъ Алексѣвичъ былъ круглымъ сиротой. Вернулся онъ въ Россію потому, что давно уже томила его тоска по родинѣ, и къ тому же здѣсь, въ этомъ большомъ сѣверномъ городѣ, у него была знакомая семья, — семья содержателя кофейни, куда онъ надѣялся поступить на службу музыкантомъ.

Когда онъ за утреннимъ чаемъ заговорилъ о своемъ намѣреніи съ Павломъ Ивановичемъ, который былъ руководителемъ оркестра, Павелъ Ивановичъ высказался на этотъ счетъ благоприятно. И послѣ обѣда, подъ вечеръ, Михаилъ Алексѣвичъ долго игралъ слѣпымъ товарищамъ на скрипкѣ, немного смущаясь, какъ ученикъ, который держитъ экзамень.

Внимательнѣе всѣхъ слушала новаго музыканта Елена Владиміровна, единственная женщина въ общежитіи, зрячая, сестра „первой скрипки“.

— Не правда ли, въ его игрѣ особая свѣжесть и сила? — шептала она, наклоняясь къ брату, молчаливому и спокойному человѣку, который привыкъ во всемъ съ ней соглашаться.

И теперь онъ съ готовностью кивнулъ головой, хотя не ходилъ въ игрѣ новаго скрипача ничего особеннаго.

Игра, дѣйствительно, не выдѣлялась особой талантливостью, но, глядя на лицо слѣпого музыканта, хотѣлось думать, что она совершенна. Его большіе, широко открытые, неподвижные глаза казались застывшими въ неземномъ спокойствіи, въ тихомъ созерцаніи невидимой для другихъ красоты. Они рѣзко выдѣлялись на чистомъ и свѣжемъ, немного блѣдномъ лицѣ и дѣлали его выраженіе значительнымъ.

Узкія, нѣжно очерченныя губы слѣпого музыканта были во время игры строго сжаты, словно имъ были чужды всѣ мягкіе изгибы улыбокъ. Четко выдѣлялись узкія темныя брови надъ прямымъ носомъ. И только слишкомъ круглый подбородокъ напоминалъ, что это лицо обыкновеннаго, земного, очень юнаго молодого человѣка.

Высокая и, пожалуй, слишкомъ тонкая фигура музыканта казалась стройной даже въ его дешевомъ мѣшковатомъ костюмѣ. Онъ стоялъ въ заученно-красивой позѣ, которую считалъ самой подходящей для скрипача преподаватель музыки въ швейцарской школѣ слѣпыхъ. Онъ старался не горбиться и чувствовалъ себя связаннымъ, зная, что въ комнатѣ есть зрячій человѣкъ. Но въ слабомъ свѣтѣ лампы, прикрытой васильково-синимъ абажуромъ, эта связанность движеній не была замѣтна; и Елена Владиміровна, отвыкшая въ этомъ общежитіи старѣющихъ музыкантовъ отъ общества внѣшне-привлекательныхъ молодыхъ людей, искренно любовалась новымъ знакомымъ. Она съ волненіемъ ожидала рѣшенія предсѣдателя и была довольна больше всѣхъ, когда Михаила Алексѣевича приняли въ оркестръ.

IV.

Михаилу Алексѣевичу отвели небольшую узкую комнату съ окнами на сѣверъ. Тамъ до его пріѣзда помѣщалась библіотека. Но въ продажѣ было такъ мало книгъ съ выпуклыми буквами, изданныхъ спеціально для слѣпыхъ, и стоили онѣ такъ дорого, что члены общежитія вскорѣ перестали ихъ пріобрѣтать; они всѣ вмѣстѣ абонировались въ читальнѣ и наняли мальчика-чтеца. Теперь всѣ единогласно рѣшили устроить въ „библіотекѣ“ новаго жильца, а единственный шкафъ съ книгами, который тамъ сиротливо стоялъ у окна, перенести въ гостиную.

Не понравилось Михаилу Алексѣевичу на новомъ мѣстѣ: его огорчало, что комната глядитъ на сѣверъ. Онъ былъ очень чувствителенъ къ солнцу, какъ и многіе слѣпые, и говорилъ, что чувствуетъ на губахъ, на вѣкахъ и на краяхъ ноздрей солнеч-

ный свѣтъ. Онъ увѣрялъ даже, хотя надъ этимъ подшучивали, что ему удавалось нащупывать пальцами тонкую полоску свѣта, проскальзывающую въ комнаты по утрамъ сквозь неплотно прикрытые ставни, тонкій теплый лучъ, въ которомъ плаваютъ пылинки,—это было воспоминаніе дѣтства, еще не омраченнаго слѣпотой.

Не ощущать на лицѣ солнца, иногда по цѣлымъ днямъ, было для Михаила Алексѣевича большимъ лишеніемъ. И, когда онъ признался въ этомъ Еленѣ Владиміровнѣ, она стала приглашать его въ свою комнату, оба окна которой выходили на юго-западъ.

Онъ радостно принялъ ея приглашеніе и все чаще, послѣ поздняго обѣда, передъ закатомъ, приходилъ въ ея милую просторную комнату, которая всегда пахла нарциссомъ Pinaud, любимыми духами Елены Владиміровны. Этотъ запахъ исходилъ изъ ея платьевъ, изъ гребенокъ и черныхъ лентъ, которыми она перевязывала прическу, и былъ очень слабъ. Но утонченное обоняніе слѣпого ощущало его такъ же ясно, какъ запахъ ея волосъ и запахъ руки, остающійся на его пальцахъ послѣ пожатія.

Онъ просиживалъ въ этой комнатѣ до сумерекъ, поворачивая лицо вслѣдъ заходящему солнцу незамѣтно, какъ подсолнечникъ. И его зелено-сѣрые глаза, неподвижные, какъ море въ мертвый штиль, мѣняли оттѣнки вмѣстѣ съ закатомъ.

Елена Владиміровна читала ему вслухъ или играла на роялѣ несложные этюды. Онъ былъ несказанно радъ ея ласковому вниманію и не торопился уходить. Въ эти часы въ общей гостиной слѣпые сидѣли хмурые и обиженно-недовольные, а экспансивный флейтистъ ругался:

— Чортъ! Почему это Елена Владиміровна завела себѣ манеру не выходить къ послѣобѣденному кофе!

V.

Всѣ музыканты сердечно уважали Елену Владиміровну и считали ее совсѣмъ своей,—неотъемлемой. Она заботливо хозяйничала въ общежитіи и была внимательна ко всѣмъ слѣпымъ, а порою нѣжна съ ними, какъ съ дѣтьми. На Рождество она ставила въ гостиной елку—ея запахъ вызывалъ у всѣхъ праздничное настроеніе—и покупала имъ мелкіе подарки: пепельницы, вазочки и скульптуры изъ гипса и фарфора,—слѣпымъ доставляло удовольствіе ощупывать эти вещицы. Они были чуткими къ формѣ красивыхъ предметовъ такъ же, какъ и къ звукамъ. И толь-

ко у недавно ослѣпшихъ были туго воспріимчивы къ рельефамъ кончики пальцевъ, и они тосковали по краскамъ, которыя представляли себѣ по рассказамъ и воспоминаніямъ.

Для такихъ Елена Владиміровна была окномъ въ міръ зрячихъ: она рассказывала имъ на прогулкахъ, мимо какихъ зданій они проходятъ, какого оттѣнка сегодня небо и свѣтитъ ли луна. Солнце они и сами ощущали.

Иногда, увлекаясь, она описывала свое единственное путешествіе на Кавказъ, говорила о необыкновенно густой синевѣ Чернаго моря и о пышности заката на снѣговыхъ вершинахъ. Тогда слѣпые отъ рожденія съ недовольнымъ недоумѣніемъ морщили лобъ и тяжело вздыхали.

Елена Владиміровна давно переѣхала въ общежитіе къ слѣпому брату, и ее не тянуло уйти отсюда въ общество нормальныхъ людей. Она даже избѣгала встрѣчи съ ними. У нея въ прошломъ была безбрачная любовь и мертворожденный ребенокъ, и даже видъ прежнихъ знакомыхъ слишкомъ рѣзко напоминалъ ей о пережитомъ. Члены общежитія знали объ ея „исторіи“, но всѣ были къ ней такъ привязаны и проникнуты такимъ уваженіемъ, что, несмотря на всѣ пересуды, доходящія иногда и до нихъ, считали Елену Владиміровну жертвой дурного человѣка, и то, что въ ея прошломъ былъ трупикъ ребенка, озаряло ее въ глазахъ слѣпыхъ ореоломъ мученицы.

Они считали ее своей, неотъемлемой, потому что міръ ее обидѣлъ, а они ее приняли и любили. Они находили, что всѣ въ равной мѣрѣ имѣютъ право на ея вниманіе. Двое,—флейтистъ, который вѣчно собирался лѣчиться, и віолончелистъ, прозванный „скульпторомъ“ за исключительную любовь къ статуэткамъ, были въ нее влюблены; но это была молчаливая влюбленность, и они никогда не претендовали на особую благожелательность съ ея стороны. И когда теперь ихъ заботливая подруга, ихъ окно въ міръ зрячихъ, ихъ ласковая, нѣжная, „святая“ Елена Владиміровна оказывала *исключительное* вниманіе чужому молодому музыканту, всѣ чувствовали себя обиженными и ревновали.

VI.

А поводовъ для ревности было все больше и больше. Если Елена Владиміровна входила въ гостиную, когда всѣ были въ сборѣ, разговоръ притихалъ, и слѣпые внимательно слѣдили по звуку за направленіемъ ея мягкихъ неторопливыхъ шаговъ... И когда эти шаги замолкали у окна, гдѣ было любимое мѣсто Ми-

хаила Алексѣевича, и оттуда вслѣдъ за этимъ слышалась его радостно-оживленная рѣчь, разговоръ музыкантовъ опять становился громче, и они притворялись другъ передъ другомъ, что имъ все равно, съ кѣмъ бесѣдуетъ Елена Владиміровна. Но въ обращеніи ихъ съ новымъ товарищемъ чувствовалась еле замѣтная враждебность, холодъ и отчужденіе, которое возрастало съ каждымъ днемъ.

Какъ-то у Михаила Алексѣевича была мигрень, и онъ не пошелъ вечеромъ играть въ кофейнѣ. Елена Владиміровна тоже осталась въ этотъ вечеръ дома, чтобы ухаживать за нимъ. Если бы заболѣлъ кто-нибудь другой изъ музыкантовъ, товарищи сочли бы поступокъ Елены Владиміровны только милосерднымъ. Но остаться съ этимъ мальчишкой, который всегда сидитъ съ ней рядомъ въ гостиной,—это походило на свиданіе.

У всѣхъ музыкантовъ въ этотъ вечеръ было угнетенное настроеніе. Віолончель звучала тихо, словно заглушенный плачъ, а флейтистъ безбожно фальшивилъ. Но руководитель не сдѣлалъ ему выговора въ антрактѣ: онъ понималъ, въ чемъ дѣло.

Порою Елена Владиміровна спохватывалась, что удѣляетъ слишкомъ много времени новому скрипачу. Тогда она становилась необыкновенно привѣтливой со всѣми, справлялась у каждаго, какъ онъ себя чувствуетъ и какихъ книжекъ ему раздобыть, спрашивала, какія вещи намѣренъ предложить оркестру Павелъ Ивановичъ для разучиванія къ слѣдующему мѣсяцу, и по цѣлымъ часамъ „переписывала“ для него указанные ноты. Она выдавливала ихъ справа налево твердымъ карандашомъ на мягкой бумагѣ, такъ чтобы партитуру можно было „прочестъ“, перевернувъ рукопись на другую сторону и концами пальцевъ ошупывая знаки.

Потомъ она каждому слѣпому отдѣльно наигрывала его партію на роялѣ,—одинъ лишь руководитель оркестра умѣлъ разбираться въ выпуклыхъ нотахъ.

Но всѣ эти заботы слѣпыя принимали теперь сдержанно, безъ прежней нѣжной благодарности, которую Елена Владиміровна привыкла встрѣчать съ ихъ стороны за всякій пустякъ. На ея разпросы они отвѣчали коротко, не спрашивали, какъ раньше, куда она идетъ и скоро ли вернется, и сами все рѣже посвящали ее въ свои дѣла.

Ихъ смутная враждебность къ молодому музыканту проявлялась даже въ шуткахъ. Такъ, кто-то за столомъ сказалъ, что Михаилъ Алексѣевичъ въ ихъ обществѣ—тринадцатый и потому принесетъ общежитію несчастье. Съ тѣхъ поръ за глаза его все-

гда называли Тринадцатымъ, и это прозвище въ ихъ устахъ приобрѣло понемногу оттѣнокъ обиднаго.

Даже жизнерадостный кларнетистъ, краснощекій малый, съ грудью колесомъ, который никогда ничѣмъ, кромѣ глазъ, не болѣлъ и, быть можетъ, потому питалъ благорасположеніе ко всему міру, началъ выказывать непріязнь къ Михаилу Алексѣвичу; онъ пересталъ отодвигать стулъ, когда слышалъ направленные въ свою сторону шаги новаго слѣпого, и недовольно ворчалъ, когда Михаилъ Алексѣвичъ неожиданно для себя натыкался на него, пугаясь отъ этого и нервно вздрагивая.

Музыканты замѣтили эту продѣлку со злораднымъ удовольствіемъ и были на сторонѣ кларнетиста. И только сѣдобородый завѣдующій хранилъ строгое безпристрастіе, хотя и его душа откликалась на общую ревность, и онъ какъ-то въ разговорѣ замѣтилъ брату Елены Владиміровны:

— Ваша сестра теперь уже не наша...

VII.

Вернувшись изъ города съ покупками для хозяйства, Елена Владиміровна, усталая, медленно шла по узкому темному коридору общежитія. Когда она приблизилась къ комнатѣ „скульптора“, дверь внезапно пріоткрылась, словно за этой дверью Елену Владиміровну давно поджидали... И голосъ „скульптора“, дрожащій и глухой, тихо, просительно позвалъ ее:

— Войдите!...

Она вошла, взволнованная этимъ внезапнымъ приглашеніемъ, и неспѣша оглянулась кругомъ. Давно она здѣсь не была! Раньше, до пріѣзда Михаила Алексѣвича, она иногда, шутя, „позировала“ віолончелисту. Позированіе заключалось въ томъ, что онъ осторожно и внимательно ощупывалъ ея лицо, стараясь запомнить всѣ его изгибы и выпуклости. Потомъ онъ пытался вылѣпить изъ глины подобіе ея головы, и она, смѣясь, увѣряла, что очень похоже...

Эти прикосновенія къ любимому лицу были для „скульптора“ тайной, немного мучительной радостью, которую надо было подавлять, чтобы ея не отняли. Елена Владиміровна догадывалась, что віолончелистъ волнуется, когда лѣпитъ ея каррикатурную маску,—вѣдь всегда дрожали пальцы, касающіеся ея лица... Но она изъ жалости не рѣшалась запретить ему эту скрытую ласку. А теперь, когда еще неосознанно сталъ ей близкимъ Михаилъ Алексѣвичъ, она изъ инстинктивной вѣрности совсѣмъ пере-

стала заглядывать въ комнату влюбленнаго „скульптора“. Много недѣль не была она здѣсь.

За это время въ комнатѣ, заставленной дешевыми статуэтками, съ барельефами, висящими на стѣнахъ, и съ гипсовыми цвѣтами на тонкихъ самодѣльныхъ полочкахъ, произошло нѣсколько перемѣнъ.

Исчезли всѣ приборы для лѣпки—виолончелистъ ихъ спряталъ, чтобы не вспоминать часовъ, когда Елена Владиміровна ему позировала. А ея подарки, двѣ тонкія хрустальныя вазочки-бокалы, статуэтка китайскаго бога и скорбный горельефъ Бартоломе съ двумя рядами сгорбленныхъ отъ печали фигуръ по обѣ стороны открытой могилы,—все это стояло теперь въ отдѣльномъ шкафчикѣ рядомъ, словно память о человѣкѣ, котораго больше не увидишь...

Елена Владиміровна замѣтила это, вздохнула и тихо спросила:

— Вы хотите мнѣ сказать что-нибудь важное?

— Да. Я давно замѣтилъ и обдумалъ положеніе вещей и полагаю... позвольте мнѣ дать добрый совѣтъ?... Думаю, что вамъ съ Тринадцатымъ... то-есть, простите, съ Михаиломъ Алексѣвичемъ—лучше уѣхать изъ общежитія.

— Какъ это?—съ тревожнымъ недоумѣніемъ спросила Елена Владиміровна.

— Васъ здѣсь незаслуженно огорчаютъ и современемъ это будетъ еще хуже,—твердо сказалъ „скульпторъ“, уже оправившись отъ волненія,—они всѣ... и я тоже... слишкомъ обойдены судьбою, чтобы безъ ревности видѣть чужое счастье.

Елена Владиміровна, не вслушиваясь въ отвѣтъ, задумалась. Минуты двѣ она думала напряженно и быстро, и за это время для нея съ поразительной четкостью выяснилось все, происходящее въ общежитіи. И прежде всего стало неопровержимымъ, что она любитъ Михаила Алексѣвича.

— Вы правы...—сказала она еле слышно и медленно сѣла въ кресло, безсильно опустивъ руки.

По полу съ тупымъ стукомъ разсыпались пакеты съ покупками, которые она выронила изъ безсильно разжатыхъ рукъ. „Скульпторъ“ всталъ на колѣни и принялся шарить кругомъ, ощупью собирая ихъ. Потомъ онъ, не подымаясь съ колѣнъ, придвинулся къ креслу Елены Владиміровны, обѣими руками обнялъ ея склоненную голову и тихо, осторожно и бережно, какъ прежде, сталъ ощупывать изгибы ея лица. Онъ съ нѣжной лаской касался ея выпуклыхъ глазъ, которые нервно двигались подъ тонкими теплыми вѣками, разглаживалъ ея мягкія брови, ровныя и

густыя, какъ двѣ шелковыя бархатки, слѣдилъ линіи ея тонкаго носа съ рѣзко изогнутыми ноздрями и линіи горячихъ отъ волненія губъ. Она сидѣла, не сдѣлавъ ни одного недовольнаго движенія,—она знала, что позволяетъ все это въ послѣдній разъ. Когда, минуто спустя, віолончелистъ провожалъ ее до дверей и, смущенный ея молчаніемъ, робко спросилъ:

— Васъ не обидѣлъ мой совѣтъ?

Она отвѣтила:

— Вашъ совѣтъ... его придется исполнить.

VIII.

Въ клубѣ слѣпыхъ было оживленно. Ярко горѣли электрическія лампы, хотя посѣтители могли лишь слабо осязать ихъ свѣтъ на лицѣ. На стѣнахъ висѣли гравюры, „для постороннихъ“, какъ говорилось при ассигновкѣ денегъ на это украшеніе; картины были повѣшены, чтобы пришедшимъ сюда въ гости зрячимъ людямъ не было непріятно глядѣть на оголенные стѣны.

Въ главномъ залѣ игралъ негромкій струнный оркестръ, и сквозь закрытыя двери доносилась сюда, въ читальный залъ, еле слышная мелодія, простая и грустная.

Михаилъ Алексѣевичъ сидѣлъ у окна. Поблизости отъ него два искусныхъ игрока сражались въ шахматы, и вокругъ нихъ слышно было учащенное дыханіе любопытныхъ зрячихъ—„гостей“, страстно слѣдящихъ за ходомъ партіи. Но никто не мѣшалъ Михаилу Алексѣевичу думать. Слепые музыканты играли наизусть, безъ записей, удерживая въ памяти всѣ ходы, и печальнымъ совпаденіемъ было для нихъ техническое названіе такой игры: *à l'aveugle*. Этотъ способъ требовалъ огромнаго напряженія, и шахматисты играли молчаливо. Они только монотоннымъ голосомъ называли каждый ходъ, а зрячій мальчикъ-чтецъ переставлялъ на доскѣ соотвѣтственныя фигуры. Наблюдающіе за игрой тоже молчали или говорили шопотомъ, чтобы не мѣшать игрокамъ.

Михаилъ Алексѣевичъ сидѣлъ одинъ и тоскливо думалъ, почему это такъ долго не заходитъ за нимъ Елена Владиміровна, которая обѣщала сегодня отвести его домой. Передъ нимъ на кругломъ столикѣ стоялъ большой глобусъ съ выпуклыми изображеніями частей свѣта; Михаилъ Алексѣевичъ отъ нечего дѣлать тихо поворачивалъ его вокругъ оси и думалъ, что хорошо было бы куда-нибудь уѣхать... Уѣхать подальше изъ этого обществія, гдѣ онъ надѣялся найти привѣтливыхъ товарищей, которыхъ тѣсно сплотило общее огромное лишеніе—слѣпота.

Почему слѣпые не приняли его въ свою семью? Откуда этотъ холодъ и отчужденіе, переходящее при каждомъ удобномъ случаѣ въ открытую враждебность? Почему каждое его замѣчаніе, вставленное въ общій разговоръ, музыканты неизмѣнно встрѣчаютъ непріязненнымъ возраженіемъ, и каждая оплошность вызываетъ насмѣшки?

Развѣ онъ былъ дурнымъ товарищемъ? Развѣ онъ не старается какъ можно лучше исполнять свою партію въ оркестрѣ? А вѣдь это—партія второй скрипки... Елена Владиміровна говоритъ, что ему и первая была бы по плечу, но вѣдь онъ не намекаетъ даже на свое желаніе занять мѣсто перваго скрипача...

— О чемъ вы думаете?—спросила вдругъ неслышно подошедшая Елена Владиміровна, тронувъ его за плечо.

Михаилъ Алексѣевичъ всегда отвѣчалъ правду на внезапные вопросы. И теперь, не успѣвъ придумать безличнаго отвѣта, онъ сказалъ смущенно, словно извиняясь за свою откровенность:

— Я думаю... слѣдуетъ уѣхать изъ общежитія, потому что меня тамъ не взлюбили.

— Я тоже недавно это рѣшила...—задумчиво сказала Елена Владиміровна. Она ничего больше не прибавила, и Михаилъ Алексѣевичъ соображалъ въ тяжеломъ недоумѣніи, какъ понять эти слова: неужели она, такая ласковая и любимая (для Михаила Алексѣевича она давно была любимой), тоже изгоняетъ его изъ общежитія, или... быть можетъ, она сама намѣрена уѣхать?

Но когда Елена Владиміровна провожала его домой, онъ понималъ, что ея слова не значили ничего непріятнаго. Она такъ осторожно вела его, предупреждая о каждой неровности на дорогѣ, такъ успокоительна была теплота ея руки, охватывающей пальцы слѣпого, что изъ его души вывѣтрились всѣ тягостныя мысли, и онъ, ни о чемъ не тревожась, вдыхалъ запахъ нарцисса Pinaud, исходящій отъ платья Елены Владиміровны и немного напоминающій, несмотря на свою сладость, запахъ бѣлаго вина, отъ котораго радостно кружится голова...

И дома за ужиномъ у него было свѣтлое настроеніе, хотя кольнуло больно, какъ всегда, произнесенное кѣмъ-то вполголоса прозвище: Тринадцатый, которое прозвучало какъ: *лишний*.

IX.

Между ними уже все было ясно въ этотъ день, на закатѣ, когда они сидѣли рядомъ у окна въ комнатѣ Елены Владиміровны, прижавшись другъ къ другу такъ тѣсно, что ихъ каштановые волосы, почти одинаковаго оттѣнка, сливались вмѣстѣ.

Михаилъ Алексѣвичъ перебиралъ пальцы любимой и, словно хрупкую игрушку, ощупывалъ ея тщательно отшлифованные ногти, выпуклые и скользкіе, какъ стеклянныя бусы. Онъ шутилъ:

— Они у тебя навѣрно поблескиваютъ на солнцѣ, вмѣсто камней въ кольцахъ, которыхъ у тебя нѣтъ... Сознайся, очень бле-
стать?

— Да...—разсѣянно отвѣтила она, горестно раздумывая, до чего измѣнилось отношеніе къ ней слѣпыхъ съ тѣхъ поръ, какъ она счастлива... „Они вѣдь ничего еще толкомъ не знаютъ,—думала она,—они только почуяли, что я люблю... и не могутъ простить“.

Она припоминала всѣ мелкія обиды послѣднихъ дней, дѣланное равнодушіе и невниманіе, которымъ ее встрѣчали за столомъ и на общихъ прогулкахъ. И въ первый разъ за многіе годы охваченная желаніемъ жаловаться, она вдругъ сбивчиво, дѣтски-жалобнымъ тономъ стала рассказывать любимому всѣ постигшія ее обиды, нынѣшнія и даже прошлыя, связанныя съ мертвымъ ребенкомъ.

Онъ слушалъ ее съ молчаливымъ сочувствіемъ, уставившись невидящими глазами на алое заходящее солнце. И когда подъ конецъ ея скорбнаго рассказа на этихъ глазахъ показались слезы, онѣ походили на двѣ капельки крови.

Она взглянула на эти двѣ кровавыя слезы, словно выкатившіяся изъ пораненныхъ глазъ, и это напомнило ей о его слѣпотѣ. На нее вдругъ нахлынула нѣжная жалость, и она горячо стала убѣждать любимаго, что они будутъ счастливы, непременно будутъ счастливы... Но въ это время она вспомнила недавнія слова віолончелиста и, разрыдавшись, повторила ихъ вслухъ:

— Они слишкомъ обойдены судьбою, чтобы безъ ревности глядѣть на чужое счастье... Они намъ этого никогда не простятъ!

Михаилъ Алексѣвичъ, утѣшая, сталъ гладить ея волосы и потомъ цѣловать ея шею звонкими, нечувственными, дурачливыми поцѣлуями, какими стараются развеселить плачущаго ребенка... Въ это время за дверью раздались торопливые шаги и послышался заглушенный смѣшокъ.

Это проходилъ Сатинъ, служащій изъ кофейни, гдѣ играли слѣпые, тотъ самый, который привелъ сюда Михаила Алексѣвича. Онъ шелъ къ Павлу Ивановичу съ какимъ-то порученіемъ отъ хозяина. Услышавъ поцѣлуи, онъ засмѣялся съ веселымъ ехидствомъ прирожденнаго сплетника и, войдя въ гостиную общеджитія, громко спросилъ:

— Съ кѣмъ это Елена Владиміровна такъ вкусно цѣлуется въ своей комнатѣ?

Всѣхъ обидно задѣли эти слова. Примолкъ разговоръ, кларнетистъ пересталъ настраивать свой крикливый кларнетъ, у скульптора неровно забилося сердце, а неистовый флейтистъ такъ громко хрустнулъ пальцами, что всѣ это услышали. Но никто ничего не сказалъ по поводу этихъ словъ, кромѣ председателя, который сурово, со спокойнымъ презрѣніемъ отвѣтилъ:

— Не ваше дѣло, Сатинъ.

Когда Михаилъ Алексѣевичъ и Елена Владиміровна вышли въ этотъ день къ ужину, никто не сказалъ съ ними ни одного слова. Музыканты вели себя такъ, словно влюбленныхъ не было въ комнатѣ. Каждый сознавалъ, что это несправедливо, но они иначе не могли... Слова Сатина убѣдили ихъ, что отношенія между молодыми людьми стали окончательно близкими, и никто не могъ такъ сразу переварить это открытіе.

Влюбленные сидѣли въ концѣ стола, рядомъ, подавленные этимъ нарочитымъ невниманіемъ. Они думали, что никогда не удастся разрушить враждебнаго отчужденія, которое встало между ними и старѣющимися слѣпыми музыкантами,—нельзя требовать, чтобы обездоленные прощали чужое счастье...

Черезъ нѣсколько дней они уѣхали изъ общежитія. Никто не подалъ виду, что интересуется ихъ судьбою, лишь Павелъ Ивановичъ передъ отъѣздомъ официально пожелалъ имъ счастья.

Только братъ Елены Владиміровны, изъ любви къ ней, хлопоталъ о пріисканіи новаго мѣста для Михаила Алексѣевича, хотя ему труднѣе всѣхъ было отнестись дружелюбно къ этому чужому молодому музыканту, разлучившему его съ сестрой.

Послѣ отъѣзда влюбленныхъ всѣ, словно сговорившись, старались не говорить о нихъ, не упоминать даже ихъ имени. Слишкомъ больно было вспоминать о недавней потерѣ, о нѣжной, заботливой, любимой Еленѣ Владиміровнѣ, которая имъ такъ внезапно „измѣнила“. И только несдержанный флейтистъ, ощупывая стеклярусовыя вышивки на диванныхъ подушкахъ или выпуклые шелковые узоры на скатерти, покрывающей альбомный столикъ въ гостиной, припоминалъ иногда вслухъ:

— Это смастерила Елена Владиміровна!...

И, теребя бахрому скатерти, подавлялъ вздохъ.

М. Моравская.

Два стихотворенія.

I.

Печаль, я не вернусь въ твой домъ, къ твоимъ дверямъ;
Не сяду за столомъ,
Гдѣ вѣтра тихій стонъ немолчень и упрямъ,
Какъ память о быломъ.
Я не войду въ твой садъ, гдѣ множество слѣдовъ
Проходятъ, не сходясь,
Гдѣ грустный миртъ растетъ для дѣвушекъ и вдовъ
И терній злая вязь.
Гдѣ голубой востокъ и западъ желто-алъ,
Гдѣ тусклый спитъ каналъ,
Гдѣ хорошо тому, кто зналъ, но не желалъ,
Или совсѣмъ не зналъ.
Стремленій тайныхъ зовъ въ душѣ моей упрямъ,
Какъ водопадъ подъ льдомъ.
Печаль, я не вернусь къ нѣмымъ твоимъ дверямъ
И не войду въ твой домъ.

II.

Приди ко мнѣ какъ другъ, привѣтливый, простой,
И трудъ мой похвали, и у окна постой,
И самъ цвѣтовъ нарѣжь, и самъ воды налей
Въ кувшинъ, гдѣ въ старину хранился лишь елей.
Смотри, ужъ столъ накрытъ; какъ бѣлъ и серебристъ
Въ тѣни, гдѣ сочный лавръ и синій остролистъ!
На блюдѣ медъ и ледъ, чтобъ жаръ смягчить дневной,
И узкая форель съ оливковой спиной,
И земляника съ горъ, послѣдняя въ году,
И хлѣбъ, гдѣ я миндаль запеченный найду.

Приди ко мнѣ, забывъ любовь, и гнѣвъ, и грусть.
Твои привычки, другъ, я помню наизусть:
Вотъ свѣжая вода въ фарфоровомъ тазу,
Вотъ полотно съ каймой, расшитою внизу,
Вотъ подстаканникъ твой—онъ потемнѣлъ слегка—
Вотъ лиліи къ столу и листья для вѣнка.
Когда отъ лавровъ тѣнь начнетъ на домъ ползти,
Мы скажемъ у воротъ послѣднее „прости“,
И ты пойдешь къ горѣ, а я пойду домой
Съ цвѣткомъ твоимъ въ рукѣ, холодной и нѣмой

Т. Ефименко.

ВЪ КАЗАРМѢ И ОКОЛО КАЗАРМЫ.

(Силуэты и штрихи.)

1.

Раннимъ утромъ шелъ дождь, потомъ—не успѣли лужи высохнуть—пришелъ легкій морозецъ, и оттого въ артиллерійскомъ манежѣ была гололедица.

Лошади то и дѣло спотыкались, всадники не выравнивались въ красивыя стройныя линіи, и командовавшій въ манежѣ поручикъ Овсовъ былъ не въ духѣ.

Поручикъ стоялъ въ одномъ фокусѣ манежнаго эллипсиса, невысокій, плотный, съ красными здоровыми щеками, которыя слегка дрожали, когда онъ выпускалъ изъ своихъ здоровыхъ легкихъ зычный крикъ.

Въ другомъ фокусѣ манежа стоялъ его помощникъ, взводный фейерверкеръ Максимовъ, держа въ рукахъ длинный „бать“.

Когда поручикъ съ своего мѣста кричалъ какому-нибудь неисправному всаднику громовымъ голосомъ: „Не болтай ногами“ или „Плотнѣе сядь, дуракъ“,—Максимовъ повторялъ эти слова трагическимъ шопотомъ.

Въ головѣ поручика проносились и сталкивались мысли пріятныя и непріятныя. Думалъ онъ о войнѣ, которая гремѣла уже тамъ далеко: возьмутъ ли ихъ бригаду?...

Но мысли о далекой войнѣ какъ-то быстро смѣнялись другими. Дѣло ухаживанія за Ольгой Семеновной, дочерью бригаднаго, значительно подвинулось впередъ. Бригадный Фердыщенко на хорошемъ счету у начальства. Если не черезъ мѣсяцъ, то черезъ два-три онъ навѣрное попадетъ на мѣсто начальника артиллеріи корпуса. Объ этомъ всѣ упорно говорятъ и въ дивизіи, и въ штабѣ. А Ольга Семеновна къ нему, Овсову, внимательна. Вчера вотъ... въ какомъ глупомъ положеніи оказался этотъ Кнаусъ... Хорошо она ему отрѣзала... Впредь не суйся...

— А всетаки играть слѣдуетъ спокойнѣе,—поморщился поручикъ.—Вчера проигралъ... двадцать... да... двадцать три рубля семьдесятъ, кажется... А третьяго дня... двѣнадцать рублей съ полтинникомъ... Везетъ этому прохвосту Рыбалкину... Играть часто не слѣдуетъ... А ну... это...

— Вольтъ направо!...

...Та-та-та, отбиваютъ по мерзлой землѣ копыта лошадей.

— ...м-а-аршъ!—пѣвуче заканчиваетъ поручикъ.

Ровная вытянутая линія лошадей разрывается, лошади сворачиваютъ въ требуемомъ направленіи, развертываясь въ новую стройную линію... Нѣтъ... одна лошадь поскользнулась, поняла свою оплошность, смутилась и вынесла впередъ, разбивая стройную ленту.

— Отставить... отставить... сукины сыны!—вспыхнулъ поручикъ... Кто это?

— Денисенко, ваше благородіе,—услужливо отвѣтилъ съ своего мѣста Максимовъ, пожирая свирѣпыми глазами Денисенко.

— Вольтъ направо...

Всадники сворачиваютъ, описывая небольшой кругъ, и ѣдутъ въ прежнемъ направленіи. Потомъ поворачиваютъ назадъ, ѣдутъ гуськомъ, по-двое, по-трое, съѣзжаются, разѣзжаются. Мчатся всадники—каждый на свой ладъ, на свой манеръ. Иной то и дѣло выбрасываетъ свои локти, словно ему не сидится въ сѣдлѣ; этотъ мчится съ разухабистымъ видомъ лихача-наѣздника и сдвинулъ соотвѣтствующимъ образомъ набокъ фуражку, а у того лицо сосредоточенно-понуро.

...Та-та-та—отбиваютъ копыта лошадей, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ манежа проламывая тонкій ледъ.

— Ударъ... ударъ лошадь вольноопредѣляющагося!

Стоявшій наготовѣ, въ ожиданіи дѣйства, съ „бато́мъ“ Максимовъ живо размахнулся, и хвостъ бата, съ свистомъ разрѣзывая морозный воздухъ, больно легъ на задъ, крестецъ и ноги лошади. Отъ боли лошадь слегка стала на дыбы, потомъ, чувствуя на себѣ руку всадника, шарахнулась въ сторону и свалила вольноопредѣляющагося на бокъ неудобнаго, жесткаго деревяннаго солдатскаго сѣдла.

— Держись, держись!—громко закричалъ Максимовъ, дѣлая движеніе въ сторону испугавшейся лошади.

Но было уже поздно. Лошадь неожиданно для всадника шарахнулась снова, всадникъ тоже задвигался въ сѣдлѣ, зацѣпился за заднюю высокую луку и вдругъ полетѣлъ подъ переднія ноги лошади.

На секунду въ манежѣ произошло замѣшательство.

У упавшаго какъ-то сразу потускнѣли глаза. Исчезли изъ глазъ его клочокъ неба, лошади—словно кто задернулъ вдругъ окружающее черной непроницаемой простыней. Только въ ушахъ еще отдавался лошадиный топотъ какъ бы издалека. „Та-та-та“—отбиваютъ гдѣ-то лошади и чей-то заглушенный голосъ кричитъ: — Смѣна, стой!... Держать лошадей...

Обморокъ длился полминуты. Вольноопредѣляющійся пришелъ въ себя и медленно приподнялся, сконфуженный, блѣдный, съ разсѣченнымъ подбородкомъ, изъ котораго капала кровь.

Всадники молча стояли, вытянувшись гуськомъ, сдерживая поводьями лошадей и серьезно глядя на „вольнаго“.

Отъ своего мѣста медленно къ вольноопредѣляющемуся пошелъ поручикъ Овсовъ. Его лицо дышало негодованіемъ, огромную фуражку онъ сдвинулъ на затылокъ.

Видя, что вольноопредѣляющійся поднялся, онъ остановился и выпустилъ, взявшись руками за бока:

— Кто вы такой?... Артиллеристъ или баба?... А!... Падать!... Падать! Опозорили всю бригаду... Чтобъ загладить свой позоръ... сейчасъ же... извольте... вскочить на лошадь...

По уставу въ строю не полагается отвѣчать. Упавшій вольноопредѣляющійся Котовъ пошелъ, слегка хромя, къ концу манежа, гдѣ двое ѣздовыхъ держали пойманную испугавшуюся бата и паденія лошадь.

— Закинь стремя.

Ѣздовые подняли стремяна, завязали ихъ и положили передъ сѣдломъ на шею лошади.

Вольноопредѣляющійся взялъ отъ ѣздовыхъ пугливо косившуюся на него лошадь, отвелъ ее отъ края манежа ближе къ всадникамъ и взялся обѣими руками за сѣдло, силясь подняться на мускулахъ и прыгнуть въ сѣдло. Это всегда легко удавалось ему. Но теперь, очевидно, оглушенный, обезсиленный паденіемъ, онъ сорвался, не поднявшись, разъ, другой, третій. И замѣтно было, что его неудачи еще больше смущаютъ дрожавшую лошадь.

Всадники все такъ же серьезно, вытянувшись гуськомъ, молча слѣдили за его движеніями.

— Вольноопредѣляющійся... мы васъ ждемъ... — насмѣшливо произнесъ поручикъ Овсовъ.—Ну-съ, наконецъ...

Котовъ прыгнулъ въ сѣдло, въѣхалъ въ строй и сталъ на свое мѣсто.

Поручикъ оглянулъ внушительно всѣхъ всадниковъ, зачѣмъ-то прошелъ по ряду и вдругъ бросилъ:

...Рысью... маршъ...

Лошади мгновенно сорвались съ мѣста, какъ всегда переходя съ мѣста въ тревожную рысь.

— Спокойнѣе... спокойнѣе... образины... Соблюдай дистанцію... Разъ-два... разъ-два... разъ-два...

II.

Поручикъ Овсовъ, по опредѣленію солдатъ, принадлежалъ къ числу „вредныхъ“ офицеровъ.

Былъ онъ человѣкъ положительный и твердо дѣлалъ свою офицерскую карьеру.

Инженеръ „дѣлаетъ“ свою карьеру чертежами, проектами, сооруженіями; архитекторъ—построенными имъ зданіями; учитель представляетъ начальству успѣшность своихъ учениковъ. Онъ же, поручикъ Овсовъ, долженъ аккуратно выполнить то, что возлагается на него начальство. Назначили его командиромъ 2-го разряда 3-й батареи,—и онъ будетъ неуклонно смотрѣть за тѣмъ, чтобы 2-й взводъ 3-й батареи былъ безъ сучка-задоринки. Назначили его временно исправляющимъ должность бригаднаго адъютанта—и онъ будетъ самымъ добросовѣстнымъ бригаднымъ адъютантомъ. Поручили вотъ обучить солдатъ учебной команды верховой ѣздѣ—и онъ ихъ обучить, что бы ни происходило въ манежѣ.

Въ офицерской карьерѣ, правда, были свои неудобства, именно: ее нужно было дѣлать при помощи матеріала, который именовался „солдаты“ и который иногда заболѣвалъ, часто отлынивалъ отъ дѣла, путалъ, терялся, вообще часто подводилъ. И отсюда вытекало отношеніе Овсова къ солдатамъ.

Бравый служака, молодцеватый наѣздникъ, точный исполнитель возлагаемыхъ на него порученій, считавшійся на хорошемъ счету у начальства, онъ отталкивалъ отъ себя солдатъ своимъ высокомеріемъ и презрительнымъ отношеніемъ къ ихъ человѣческому достоинству. Они, конечно, не сумѣли бы опредѣлить ясно его отношенія къ нимъ, но всегда всѣ чувствовали, что Овсову зря обругать солдата, дать ему въ зубы, отдать за пустякъ подъ судъ—ровно ничего не стоитъ. Черезъ него (какъ выражались солдаты) много ужъ солдатъ сгнило въ военныхъ тюрьмахъ и дисциплинарныхъ батальонахъ.

Тотъ „батъ“, который теперь находился въ рукахъ фейерверкера Максимова, имѣлъ свою исторію.

Въ прошломъ и позапрошломъ году во время манежной ѣзды

онъ былъ въ рукахъ у Овсова, и Овсовъ то и дѣло хлесталъ имъ солдатъ. Попадало и лошадямъ, но больше всего доставалось всадникамъ. Во время этихъ манипуляцій батъ попалъ въ спину вольноопредѣляющагося, сына священника. Видно, батъ больно хлестнулъ по спинѣ, ибо вольноопредѣляющійся счелъ себя оскорбленнымъ и пожаловался дома матери. Негодующая попадья бросилась со слезами къ бригадному генералу, который согласился съ ней, что бить солдатъ запрещено закономъ. Послѣ этого объясненія Овсовъ былъ призванъ къ генералу. Онъ былъ оставленъ руководить попрежнему верховой ѣздой, ибо считался лучшимъ учителемъ въ бригадѣ, но „батъ“ былъ у него отнятъ.

И долго онъ послѣ этого язвилъ въ манежѣ сына священника. И когда замѣчалъ неисправность съ его стороны, то приказывалъ Максиму: „Ударь „ихъ“ лошадь... Но только осторожно... не ихъ спинку... а лошадь... А то мы мамѣ пожалуемся“...

— Разъ-два... разъ-два... Вотъ я тебѣ...

Овсовъ вынулъ часы и поглядѣлъ. До конца урока оставалось еще много времени.

— Галономъ м-а-а-ршъ!...

Лошади плавно поскакали, норовя перейти въ карьеръ, но удерживаемая крѣпкой рукой.

— Разъ-два... разъ-два... разъ-два... За первымъ номеромъ налѣво назадъ...

Онъ выдержалъ паузу и пѣвуче закончилъ, дѣлая плавное движеніе рукой.

— ...ма-а-ршъ!...

Лошадь перваго номера, рослаго тамбовца Шевчука, круто осажженная на скользкомъ мѣстѣ, вдругъ поскользнулась и съ размаху полетѣла на землю, увлекая за собой всадника и придавливая своимъ животомъ къ мерзлой землѣ его ногу.

— Смѣна, сто-ой!...

Положительно это былъ день неудачной ѣзды.

Съ побѣлѣвшимъ отъ злости лицомъ и шевелящимися губами Овсовъ приблизился къ первому номеру, лежавшему на землѣ и старавшемуся высвободить ногу. Когда онъ ее высвободилъ, лошадь приподнялась, встала на переднія ноги, на заднія, но Шевчукъ лежалъ. Его лицо было теперь землесто-сѣраго цвѣта.

— Встать... мерзавецъ!...

Шевчукъ силится приподняться. Его лицо искажается судорогой, и онъ снова падаетъ на прежнее мѣсто.

— Не можно... ва-ва-ва-бродь...

— Попробуй!

Снова попытки, снова судорога, сводящая лицо.

— Что у тебя?

— Но-но-гу зашибъ...—съ усиліемъ произносить солдатъ.

— Поднять его,—не довѣряя, приказываетъ Овсовъ.

Подбѣжали двое ѣзовыхъ, схватили Шевчука подъ мышки и за талию и подняли. Одна нога Шевчука стояла на землѣ, другая висѣла безсильно.

— Гдѣ болитъ?... здѣсь?... здѣсь?—ткнулъ пальцемъ въ ногу Овсовъ.

— Ай-ай,—ужъ не сдерживая себя, закричалъ солдатъ.

Овсова какъ будто озадачилъ немного крикъ.

— Убратъ его въ околотокъ...—строго произнесъ онъ.

Поддерживаемый двумя ѣзовыми, Шевчукъ заковылялъ къ выходу. Его лошадь уводятъ въ конюшню.

И не успѣваетъ онъ скрыться изъ виду, какъ Овсовъ съ удвоенной энергіей бросаетъ оставшимся:

— Рысью ма-аршъ!... Посмѣй кто у меня слетѣть теперь! Посмѣй!

Онъ сжимаетъ кулаки, закусываетъ губы.

Снова мѣрный топотъ въ манежѣ.

III.

Урокъ кончился. Лошадей выводили солдаты попарно, взявъ ихъ подъ уздцы, а Овсовъ стоялъ сбоку и смотрѣлъ, чтобы это продѣлывалось какъ слѣдуетъ. Одну руку надо было держать около самой морды лошади, другую на серединѣ довольно длинныхъ поводьевъ.

Вдругъ взоръ Овсова упалъ на Котова, на разсѣченномъ подбородкѣ котораго застыла широкая полоса крови. Онъ сдѣлалъ было шагъ къ нему, но вдругъ какъ будто что-то вспомнилъ, остановился и закричалъ, на этотъ разъ дѣланно-сердитымъ голосомъ:

— Ну... на кого вы похожи... Шинель въ грязи... подбородокъ въ крови. И смотрѣть не хочу... Въ околотокъ убирайтесь...

И словно лицезрѣніе Котова было ему дѣйствительно противно, онъ нахлобучилъ сердито на лобъ фуражку и двинулся къ выходу.

Стоявшіе у воротъ ѣзовые почтительно оттянули столпившихся лошадей въ разныя стороны и образовали между лошадьми улочку для прохода его благородія.

Но едва онъ скрылся за поворотомъ казармъ, какъ сразу всѣ оживились.

— Ну и штучка,—съ сердцемъ сказалъ по адресу поручика мрачный Мосевъ.

— Молчи,—подтолкнулъ его сосѣдъ.

Оставался еще Максимовъ, который теперь, съ окончаніемъ урока, какъ будто потерялъ значительную долю своего великолѣпія.

Максимовъ подошелъ къ Котову и выразилъ ему свое участіе.

— Это что. Ничего. Когда я новобранцемъ былъ... я шесть разъ слеталъ съ лошади... Вамъ еще значить... пять разъ летать... Да...

И, довольный своей шуткой, онъ прошелъ на конюшню, куда то и дѣло вводили запотѣвшихъ и усталыхъ, тоже отбывавшихъ свою повинность, лошадей. Лошади стучали копытами о доски, положенныя при входѣ, и одна за другой пропадали въ темной, настежь раскрытой пасти конюшни.

— А я такъ думалъ, что моя лошадь истопчетъ васъ,—говорилъ Котову другой вольноопредѣляющійся, Горецкій.—И знаете... закрылъ даже глаза, чтобы не видѣть этого... Но моя лошадь оказалась умнѣ меня.

— Вы этого не могли видѣть: вашъ Землемѣръ черезъ васъ здорово прыгнулъ! Разумная лошадь,—разсказывалъ Котову третій вольноопредѣляющійся, Смирновъ.

— Дайте мнѣ досказать,—наставительно замѣтилъ Горецкій.—Я вѣдь началъ... Моя умница лошадь объѣхала васъ лежащаго, а за ней ужъ и другія...

— И какъ это васъ угораздило такъ шлепнуться,—замѣтилъ четвертый вольноопредѣляющійся, Лысенковъ.

IV.

Въ бригадѣ было много вольноопредѣляющихся—цѣлыхъ семь человѣкъ. И были всѣ они разные.

Болѣе другихъ обращалъ на себя вниманія начальства и дѣвицъ Горецкій, высокій, стройный брюнетъ, всегда франтовато одѣтый, съ гладкимъ проборомъ головы, съ выхоленными пышными усами и всегда чисто выбритыми щеками.

Другіе уступали ему по внѣшности: и Котовъ, и полный съ добродушнымъ лицомъ Смирновъ, и хмурый, съ дѣтства озлобленный на всѣхъ и вся, съ зеленоватымъ лицомъ Лысенковъ, и совершенно лишенный солдатской выправки, некрасивый, но съ прекрасными глазами Ишимовъ.

Въ опустѣвшемъ манежѣ стояли только они одни и горячо обсуждали происшедшій инцидентъ.

— А я совѣтую всѣмъ—пойти къ завѣдующему и попросить его забрать къ себѣ бать. Сегодня онъ вашу лошадь ударить, завтра—мою. Это чортъ знаетъ что такое!—говорилъ Горецкій.

— Не поможетъ. Капитанъ насъ не послушаетъ,—отвѣтилъ Лысенковъ.

— Пусть тогда запретить по отношенію къ намъ... привилегированнымъ... бать употреблять,—предложилъ Горецкій.

Котовъ и Ишимовъ переглянулись.

— Ну нѣтъ, батенька!—протянулъ Лысенковъ.—Коль записались грибомъ, привыкайте къ бату... Но этого мерзавца Максимова я бы съ наслажденіемъ вытянулъ... вытянулъ кнутомъ всего...—и онъ показалъ рукою, какъ бы онъ это продѣлалъ.

— А я всетаки пойду съ этой просьбой къ капитану. И вы тоже?...

— Нѣтъ,—сказалъ медленно Котовъ.—Я не пойду. Объ этомъ, знаете, стыдно... просить.

— Но почему же?—недоумѣвающе спросилъ Горецкій.

— Потому что,—все такъ же медленно, какъ бы нехотя, отвѣчалъ Котовъ,—потому что я не хочу привилегій.

Горецкій недовольно и насмѣшливо передернулъ плечами. „Старые предразсудки“...

Въ манежъ входили новыя лица: берейторъ и трое солдатъ-наѣздниковъ для выѣзживанія еще не совсѣмъ обученныхъ лошадей. Сзади, замыкая шествіе, солдатъ велъ на веревкѣ молодую, недавно купленную лошадь, еще не бывшую ни разу въ ученіи. Она шла довѣрчиво за солдатомъ въ фартукъ и спокойно оглядѣла стоявшихъ около ея дороги вольноопредѣляющихся.

Берейторъ въ форменной фуражкѣ, въ короткомъ полушубкѣ и высокихъ сапогахъ, съ кнутомъ подъ-мышкой, снялъ рукавицу и поздоровался за руку съ каждымъ изъ „вольныхъ“.

— Ну-съ, мы пойдемъ,—сказалъ Горецкій.

Въ это время со стороны казарменнаго двора донесся зычный крикъ.

— Ишь... оретъ,—засмѣялся берейторъ, показывая головой по направленію къ двору.—Когда-то онъ себѣ глотку, наконецъ, перерветъ?...

И онъ, смѣясь, вошелъ въ манежъ, гдѣ ѣздовые уже дожидались его.

— Да... тоже фруктъ,—смѣясь, промолвилъ Смирновъ, указывая пальцемъ по направленію къ тому же двору и имѣя въ виду обладателя зычнаго голоса.

V.

— Ну!...

Лицо фельдфебеля Ерооея Савельича приняло гнѣвное выраженіе. А голосъ его мощной волной прокатился по широкому казарменному двору и гулко отдался во всѣхъ помѣщеніяхъ. И выскочившіе зачѣмъ-то въ спущенныхъ рубашкахъ на дворъ два солдата сейчасъ же юркнули обратно въ казарму.

— На животъ заболѣлъ Извѣръ,—несмѣло доложилъ унтеръ-офицеръ Ляшукъ и скороговоркой, для утѣшенія, добавилъ:— Только онъ одинъ... А другія лошади здоровыя. Фельдшеръ говорить: „простуда тутъ должно быть“...

— Простуда... простуда...—передразнилъ его фельдфебель.— Вотъ какъ тебѣ ихъ высокородіе закатаетъ, такъ будешь знать, простуда... А ты чего смотрѣлъ?... А?... Что?...

Фельдфебель Ерооей Савельичъ былъ очень строгій фельдфебель. Всю батарею онъ держалъ въ ежовыхъ рукавицахъ, не давая никому поблажки: ни унтерамъ, ни простымъ рядовымъ, ни нестроевымъ. Во всѣ мелочи входилъ, ничто не ускользало отъ его взора. Неисправная работа въ кузницѣ, не особенно старательная чистка лошадей на конюшнѣ, кража съѣстныхъ продуктовъ артельщикомъ на кухнѣ, плохая уборка казарменнаго помѣщенія, преступное пребываніе гармоники въ караульномъ домѣ, нечистая покупка сѣна у крестьянъ унтеръ-офицеромъ,—все сейчасъ же какими-то таинственными путями становилось извѣстно грозному Ерооею Савельичу, который сейчасъ же принималъ соотвѣтствующія мѣры.

Жаловаться завѣдующему хозяйствомъ или батарейному Ерооей Савельичъ не любилъ. Расправлялся онъ просто: словесными укорами и увѣщаніями съ приложеніемъ ладони къ щекамъ провинившагося.

И такъ его боялись солдаты, что зачастую сами спѣшили сознаться въ содѣянномъ.

Стоявшій теперь передъ нимъ фейерверкеръ Ляшукъ недаромъ забѣжалъ впередъ съ не совсѣмъ пріятнымъ извѣстіемъ.

Ерооей Савельичъ былъ фельдфебель стараго закала, и самъ прошелъ суровую школу казарменной выучки. Не давая самъ поблажекъ, онъ въ то же время не могъ выносить того, что называлъ „нѣжностями“ со стороны иного начальства по отношенію къ солдатамъ.

Разъ зашедшій ночью въ казарму капитанъ увидѣлъ, что со спавшаго новобранца сползло одѣяло, и онъ сдѣлалъ замѣчаніе

ночному дневальному, отчего тотъ не подыметъ одѣяла и не накроетъ имъ спящаго. „Вѣдь онъ можетъ простудиться“, сказалъ капитанъ. Ероеей Савельичъ долго не могъ простить этого капитану. „Вѣдь онъ можетъ простудиться“, передразнивалъ онъ презрительно капитана. „Да позвольте васъ спросить, кто же онъ такой?—вопіялъ онъ возмущенный, сидя среди своихъ домочадцевъ.—Солдатъ онъ или нѣтъ? Дежурный, дай ему, сукину сыну, карамельку. Будьте добры, извольте повернуться направо... Нѣтъ, не такъ... вы изволили повернуться налѣво... Такъ, что ли?... Ахъ, вы!...“

Одна только воображаемая возможность подобнаго обращенія съ солдатами приводила его въ неистовую ярость, отъ которой вздувались жилы на шеѣ и багровѣло лицо.

Въ сущности, онъ держалъ въ рукахъ всю батарею и былъ ея полнымъ хозяиномъ. Батарейный командиръ не могъ безъ него шагу сдѣлать. Впрочемъ, батарейный командиръ былъ очень нерадивый офицеръ, запивавшій и игравшій въ карты, и если бы не Ероеей Савельичъ, Богъ знаетъ что представляла бы изъ себя батарея. Теперь же за Ероеемъ Савельичемъ онъ могъ спать совершенно спокойно и уѣзжать въ частые отпуска, такъ какъ зналъ, что Ероеей Савельичъ не подведетъ. Ероеей Савельичъ всю пользовался такимъ непутевымъ начальствомъ, которое было ему на-руку, обдѣлывалъ свои дѣлишки и „не подводилъ“.

— Простуда... простуда... Знать ничего не хочу... Чтобъ мнѣ Извѣръ былъ здоровъ... слышишь!...

Унтеръ-офицеръ Ляшукъ поправилъ пашку, погладилъ рукой по рукаву и потупилъ глаза въ землю.

— Ну... что еще?

— Насчетъ Тарайкина вотъ...

— Опять онъ...

— Опять. „На ваши, говорить, пью я, что ли?...“ Ужъ онъ, извѣстно, всегда съ отвѣтомъ. Ты ему слово, а онъ тебѣ десять.

Лицо фельдфебеля приняло сугубо гнѣвное выраженіе.

— Ахъ, онъ дрянъ... Вотъ отправлю его подъ арестъ... Мерзецъ!...

И его руки инстинктивно сжались въ кулаки.

А Ляшукъ, вызвавшій, какъ ему того хотѣлось, гнѣвъ фельдфебеля на Тарайкина, съ смиреннымъ видомъ молчалъ.

Ляшукъ былъ „старшой“ въ казармѣ. Было время, когда онъ былъ новобранцемъ, трепеталъ передъ „старыми“ солдатами, которые разыгрывали передъ нимъ роль начальниковъ и величали его презрительно „сѣрымъ набрюшникомъ“. Тогда у него былъ

свой „старшой“, которому онъ говорилъ „вы“, „Семень Егорычъ“ и „господинъ учитель“ и которому онъ чистилъ сапоги.

Теперь время это прошло, прошло безвозвратно, если, конечно, онъ не проштрафится скандально и не будетъ лишенъ своихъ унтеръ-офицерскихъ нашивокъ.

Теперь онъ самъ „старшой“ и „господинъ учитель“, и теперь его ужъ величаютъ „Порфирій Ивановичъ“, ему ужъ чистятъ сапоги, подаютъ полотенце и тащатъ кипятокъ, когда онъ проснется, а иногда и угощенія.

Понизивъ голосъ и почему-то строго осматривая Лящука, фельдфебель спросилъ:

— А за вольнымъ опредѣляющимъ поглядываешь?...

— Такъ точно...

— Ничего не замѣтилъ?... А?... Гдѣ бываетъ?...

— У мастерскую ходитъ...

— Э-э!... — почему-то многозначительно процѣдилъ Ероеей Савельичъ, — нашелъ тамъ друзей по душѣ!... Ну... и что?...

— Окромя разговоровъ ничего.

— О чемъ разговоры?

— Да такъ... касательно... вообще...

Фельдфебель задумался, покусалъ зубами нижнюю губу, смахнулъ съ рукава пушинку и положилъ резолюцію:

— А ты все-таки... тово... посматривай... и въ случаѣ ежели...

Въ эту минуту на казарменный дворъ вступили шедшіе изъ манежа „вольные“.

Ероеей Савельичъ метнулъ на нихъ зоркій взоръ, договаривая что-то Лящуку. Но вдругъ умолкъ и вытянулся. То же сдѣлалъ и Лящукъ. То же сдѣлали и „вольные“, не успѣвшіе пройти и теперь замедлившіе свои шаги.

По лѣстницѣ, что вела въ батарейную канцелярію, спускались штабсъ-капитанъ Замровъ и подпоручикъ Кобельковъ.

VI.

Первымъ спускался штабсъ-капитанъ, спускался медленно, сосредоточенно. За нимъ, звеня пашкой по лѣстницѣ, шагаль подпоручикъ Кобельковъ, молодой мальчикъ съ зеленоватымъ лицомъ и порывистыми движеніями.

— Ерунда! — изрекъ, наконецъ, Замровъ. Онъ опять прислушался къ словамъ подпоручика и болѣе увѣреннымъ голосомъ повторилъ: — Ерунда.

Замровъ былъ высокій, полный мужчина съ неопредѣленнымъ

выраженіемъ лица: не то благодушнымъ, не то раздумывающимъ о чемъ-то.

По мнѣнію солдатъ, онъ, въ противоположность поручику Овсову, офицеръ „не вредный“.

Главное свойство этого офицера—апатичность и полнѣйшее равнодушіе ко всему. Онъ равнодушенъ къ солдатамъ, къ товарищамъ, къ тому, что онъ у начальства не на хорошемъ счету и много лѣтъ сидитъ въ одномъ чинѣ, и къ тому, что его жизнь течетъ такъ безцвѣтно. Пошелъ онъ въ офицеры случайно: его отдали въ военное училище. Отдай его родители въ другое училище — онъ вышелъ бы врачомъ, чиновникомъ, аптекаремъ. Онъ—офицеръ „не вредный“, но и не полезный. Если онъ сидитъ въ бригадномъ судѣ и другіе подпишутъ приговоръ какому-нибудь подсудимому, что-нибудь вродѣ дисциплинарнаго баталіона, военной тюрьмы, то и онъ тоже подпишетъ, не входя въ подробности. Если его пошлетъ начальство съ отрядомъ во время маневровъ, то можно заранѣе знать, что онъ не выполнитъ заданнаго порученія и опоздаетъ прибытіемъ. И былъ уже случай на маневрахъ, когда его отрядъ, который долженъ былъ уйти отъ „непріятеля“ безъ всякаго труда, застигли спящимъ, а его самого—въ бѣльѣ. Такъ въ бѣльѣ его и захватили, о чемъ не мало смѣху было въ дивизіи.

Слова штабсъ-капитанъ выдавливаются изъ себя вяло, сквозь зубы, въ противоположность своему спутнику.

— Да поймите же меня,—горячо говорилъ молодой подпоручикъ, и весь видъ его, лицо, движенія тоже какъ бы говорятъ, что онъ ничего не пожалѣетъ для того, чтобы убѣдить собесѣдника въ своей правотѣ.

Кобельковъ—сынъ генерала.

Всѣ мужчины въ его семьѣ служили на военной службѣ: и дѣдъ, и прадѣдъ, и отецъ, и дядя Савелій, и дядя Володя, и дядя Павелъ. И Кобельковъ, и всѣ въ его семьѣ не могли бы и представить себѣ, какъ это можно не служить на военной службѣ.

Штабсъ-капитанъ и поручикъ подвигаются къ воротамъ; за ними въ почтительной позѣ, сзади, семенитъ фельдфебель, забывая немного передъ офицерами, когда они заговариваютъ съ нимъ. Тогда онъ отвѣчаетъ стереотипное „слушаю-съ“ и козыряетъ не то плечу господъ офицеровъ, не то ихъ спинѣ. За нимъ, на почтительномъ отдаленіи, придерживая рукой пашку, провожаетъ начальство унтеръ-офицеръ Ляшукъ. Когда офицеры останавливаются—и онъ останавливается:

— А Тарайкина, ваше благородіе, надо безпремѣнно подъ арестъ посадить, ваше благородіе.

Штабсъ-капитанъ останавливается, словно раздумываетъ надъ тѣмъ, что ему сказалъ фельдфебель:

— Нѣтъ, ужъ ты это оставь... Онъ мнѣ теперь одну работу мастерить... а ты... подъ арестъ... Оставь...

VII.

...Р-разъ... р-разъ... р-разъ...

Кипитъ работа въ батарейной мастерской, быстро-быстро вращается маховое колесо, разгораются въ печи уголья, которые такъ странно свѣтятся въ сумеркахъ еще не ушедшаго дня, и раскаленная докрасна желѣзная полоса, покорно приникая къ наковальнѣ, принимаетъ тѣ формы, какія ей желаетъ придать вотъ этотъ блѣдный мастеръ съ горящими глазами и попыхивающей во рту цыгаркой.

Это и есть тотъ Тарайкинъ, на котораго жаловался фельдфебелю Ляшукъ и который лишь случайно избѣжалъ ареста.

...Р-разъ... р-разъ... р-разъ...—гулко отбивалъ молотъ.

Фуражка съ отломаннымъ козырькомъ была у Тарайкина сдвинута на затылокъ, а изо рта, гдѣ дымилась вѣчная цыгарка, пахло немного водкой.

Наружность его сразу бросалась въ глаза, даже среди массы солдатъ.

Въ противоположность своимъ деревенскимъ товарищамъ, загорѣлымъ, съ лицами полными, грудью здоровой и плечами широкими, онъ обращалъ на себя вниманіе своимъ бѣлымъ, какъ бумага, лицомъ, впалыми щеками, узкой грудью и какъ бы недоразвившимися плечами. И странно было сочетаніе этой неказистой внѣшности съ видомъ самымъ независимымъ: изъ чахлаго лица глядѣли глаза смѣло, непринужденно.

Но солдатская карьера этого типичнаго сына города, пріемыша предмѣстья, гдѣ высятся фабричныя трубы и заливаются заводскіе гудки, не задалась ему. Онъ сразу сталъ во враждебныя отношенія къ мелкимъ чинамъ, власть имѣющимъ въ казармѣ. И тогда на него, самолюбиваго, дорожащаго чувствомъ собственного достоинства, привыкшаго къ „вольной“ работѣ на заводѣ, посыпались казарменные скорпіоны.

Изъ батареи онъ былъ переведенъ на конюшню; его, грамотнаго и смышленаго, не послали въ учебную команду, дабы не вышелъ въ унтера; затѣмъ изъ конюшни перевели въ нестроевые.

И, конечно, такая разнообразная карьера сопровождалась зуботычинами, арестами, работами, дневальствами и караульствами не въ очередь.

Переводъ въ нестроевые, въ сущности, былъ благомъ для Тарайкина. Онъ возвращался къ знакомой и пріятной ему слесарной работѣ, кромѣ того выходилъ изъ-подъ власти многихъ, искренно ненавидѣвшихъ его унтеровъ и могъ вздохнуть свободнѣе.

Но обиды и столкновенія первыхъ двухъ лѣтъ онъ всегда помнилъ, словно тамъ внутри въ душѣ лежалъ червь, который глодалъ его. И тогда онъ, всегда корректный и сдержанный, напивался, грубилъ и задиралъ.

Въ такихъ случаяхъ на него благотворное вліяніе оказывалъ вольноопредѣляющійся Котовъ.

Котовъ—или, какъ его сокращенно титуловали солдаты, „вольный“—былъ „бывшій студентъ“. Уволенный изъ университета, онъ однако не потерялъ права привилегированной службы, хотя и сидѣлъ послѣ увольненія въ тюрьмѣ. За военную службу онъ взялся такъ же рьяно, какъ и за университетскія лекціи.

Въ первую же недѣлю онъ познакомился со всѣми своими сослуживцами, показавъ себя очень негордымъ,—и сразу втянулся въ жизнь казармы. Нарушало установившійся кодексъ казарменнаго быта лишь то обстоятельство, что онъ со всѣми заговаривалъ, всѣмъ интересовался, cadaго о томъ, о семъ расспрашивалъ—и даже ѣздовымъ сталъ руку подавать.

Самая встрѣча „вольнаго“ съ Тарайкинымъ произошла такъ. Тарайкинъ возился около наковальни. Когда „вольный“ вошелъ, Тарайкинъ на него только покосился, ничего не сказалъ и—чтобы показать, что ему наплевать на кого бы то ни было—повернулся къ нему спиной, продолжая работу.

— Здравствуйте,—произнесъ „вольный“.

Тарайкинъ сейчасъ же обернулся къ нему лицомъ: видно, пришлось по вкусу „вы“—и отвѣтилъ просто:

— Здравствуйте!...

— Что вы дѣлаете?—полюбопытствовалъ вольноопредѣляющійся.

Тарайкинъ оглядѣлъ чистый, новенькій мундиръ „вольнаго“, поплевалъ себѣ зачѣмъ-то на руку и объяснилъ:

— А это, видите ли, штабсъ-капитану Замрову болтъ къ корзинѣ. Они въ вояжъ собираются... такъ для вояжу...

Онъ не dokonчилъ своей фразы и принялся вращать маховое колесо, которое раздувало уголья.

— Позвольте... дайте... я буду вращать,—предложилъ „вольный“.

— Извольте...

Тарайкинъ указалъ вольному на колесо. А самъ взялся за свою полосу и, ударяя молотомъ по полосѣ, заговорилъ:

— Извольте-съ... повертите... Коли ваше желаніе... разъ... повертите... Ежели охота... разъ...

Колесо было тяжелое. Вольный вращалъ минуты три-четыре и почувствовалъ, что рука утомляется. Но бросать не хотѣлось: было какъ-то неловко.

— Позвольте, — предупредительно замѣтилъ Тарайкинъ. — Я поверчу...

„Вольный“ отошелъ... Тарайкинъ взялся за колесо одной рукой, и—къ удивленію вольнаго—подъ рукой этого парня съ чашоточнымъ лицомъ, на видъ болѣзненнаго, слабаго—колесо завертѣлось быстро, а начавшіе было тускнѣть уголья разгорѣлись въ одинъ мигъ, съ трескомъ разбрасывая отъ себя золотистыя искры.

Между ними скоро установились пріятельскія отношенія. Въ „вольномъ“ Тарайкину, какъ и другимъ, понравилось то, что онъ негордъ, беретъ подъ свою защиту отъ нахальныхъ и властныхъ „дядекъ“ запуганныхъ и робѣющихъ молодыхъ, — и что онъ, знающій многое и могущій понимать всякую книгу и газету, никогда не отказывается дать нужныя разъясненія по тому или другому интересному вопросу.

Въ Тарайкинѣ же „вольному“ понравились его прямотушіе, его доброта подъ угрюмой внѣшностью, его любознательность и его развитое чувство собственного достоинства.

VIII.

— А теперь давай масло... живо-о... Не надо еще зажигать... посумерничаемъ...

Въ работѣ Тарайкину помогалъ другой солдатъ, его помощникъ—Созонтовъ. Созонтовъ, маленькій, юркій, съ плутоватыми бѣгающими глазками, тоже горожанинъ, не то рыночный торговецъ, не то приказчикъ, то и дѣло двигался отъ печи къ накопальнѣ, копался въ углу, выходилъ въ другую каморку, что сообщалась съ мастерской, продѣлывая все это съ озабоченнымъ видомъ, а на самомъ дѣлѣ, какъ всегда, отлынивая отъ работы.

— Погодите, я имъ покажу, — ораторствовалъ, взмахивая молотомъ, Тарайкинъ. — Я ихъ всѣхъ произведу... и фельдфебеля... и фейерверкероу!... Что они могутъ... что они знаютъ?... Взводъ напра-опъ... взводъ налѣ-опъ... Только и всего... Ахъ вы,

черти заморскіе... да рази это есть знаніе человѣка... рази это работа?... Ежели васъ турнуть со службы... куды вы, шуты гороховые, дѣнетесь?... Взводъ напра-опъ... Ахъ вы...

Въ мастерскую заглянулъ въ выпущенной цвѣтной рубашкѣ канониръ Тишка...

— Мнѣ бы уголекъ... покурить...

— Кури,—милостиво разрѣшилъ ему Тарайкинъ.

Тишка вытащилъ изъ кармана мѣшочекъ съ махоркой, затѣмъ кусочекъ газетной бумаги. Газетную бумагу свернулъ въ довольно внушительную трубочку—и одинъ конецъ ея загнулъ острымъ угломъ вверхъ. Всыпавъ махорку медленно-медленно, Тишка сѣлъ на корточки передъ печью, вытащилъ красный уголекъ и закурилъ.

— Фельдфебелю пятьдесятъ лѣтъ,—продолжалъ Тарайкинъ,—а онъ 15 руб. получаетъ. Взводный, тотъ 12 руб. Да рази это жалованье?... Когда я имъ сказалъ, сколько я жалованья до службы получалъ—не повѣрили... ей-Богу... Глаза вылупили и стоятъ... А я на заводѣ Кенига въ Москвѣ, въ слесарномъ отдѣленіи, получалъ сорокъ пять рублей. Ежели не вѣрите... извольте навести справки...

Тарайкинъ мелькомъ оглядѣлъ публику, чтобы провѣрить впечатлѣніе.

Сидѣвшій на корточкахъ Тишка задумчиво поглядѣлъ на покрывающіеся пепломъ уголья и сказалъ:

— Н-да... это жалованье... ничего...

Созонтовъ ничего не сказалъ. Онъ жадно глядѣлъ на цыгарку Тишки, молчалъ, то и дѣло сплевывая, наконецъ, не выдержалъ:

— Дай, чортъ, затянуться...

Тишка сдѣлалъ быстро одну затяжку за другой и отдалъ цыгарку Созонтову.

— А фельдфебель дюже сердитый сегодня. У Лукина гармоникѣ отнялъ,—сказалъ онъ.

— Вотъ видите... отнялъ!—подхватилъ Тарайкинъ.—Считаетъ себя въ правѣ... А ты поди... сработай ее... или играть научись... ничего не можетъ!... Эхъ ты... А я послѣ службы на тебя наплюю... опять пойду на заводъ... и мнѣ опять 45 рублей положить... Да... Потому я—мастеръ... свое дѣло знающій, а не шутъ гороховый.—Дай масла,—обратился онъ къ Созонтову... и тую вотъ тряпку...

Румяный Тишка, лихой кавалеръ и сердцеѣдъ, умѣвшій, какъ никто, заигрывать съ различными молодницами и занимать ихъ шутками и прибаутками, удивительно легко поддавался чужому

вліянію. Въ веселой компаніи онъ весь, казалось, распускался въ веселіи и не было конца его выходкамъ. Въ мрачной компаніи онъ весь съеживался и былъ до странности мраченъ. Такъ было и теперь...

Забѣгая въ мастерскую, онъ имѣлъ въ виду подѣлиться съ Созонтовымъ кое-какими пикантными подробностями объ ихъ общей пріятельницѣ Зоськѣ,—но, наткнувшись на мрачно настроеннаго Тарайкина, сразу какъ-то осялъ, втянулся въ его настроеніе и заговорилъ о томъ, о чемъ за минуту не думалъ...

— Старшій писарь, сверхсрочный,—задумчиво сказалъ Тишка—тотъ каждый годъ собирается уходить, взводный—тоже... Куды вамъ? Уйду, говорятъ...

— Во... во...,—злорадно подхватилъ Тарайкинъ.—Куды двинетесь-то, черти хвостатые!... Сидите ужъ, не трогайтесь... съ голоду вѣдь дома-то подохнете, и съ дѣтьми вашими невинными... Такъ не понимаютъ!... Мечтаютъ о себѣ очень... Ну и измываются...

Какая-то мысль пробѣжала въ его возбужденныхъ глазахъ,—и онъ снова, чуть ли не въ третій разъ за время этой бесѣды, закончилъ:

— А фейерверкеру Лящуку я когда-нибудь морду побью...

— Лящуку морду почистить нужно было бы,—согласился Тишка.

Созонтовъ пересталъ двигаться безъ толку по мастерской, приложилъ руку къ сердцу и заговорилъ:

— Другъ ты мой, не заводись съ ими!... Прячься отъ ихъ... Вотъ какъ я: фитьфебель ко мнѣ, а я отъ него... Запрячусь... пускай ищетъ. Гдѣ Созонтовъ?—Въ швальной. Онъ туды, а я на кухню. Такъ и скрываюсь... Вотъ мнѣ ихъ благородіе за работу на чай цѣлый рубль дали. Что мнѣ—плохо?... Очень даже хорошо...

— Замололъ Емеля,—недовольно произнесъ Тарайкинъ.—Видите, какъ онъ, по своему невѣжеству, рассуждаетъ... Гдѣ болтикъ-то?... Да не этотъ—другой...

— Рази не правду я говорю,—возразилъ Созонтовъ. Ихъ не одолѣешь, ну и прячься отъ ихъ... Хлѣбъ у насъ есть... порция есть... обѣдъ даютъ... Кушай себѣ, а какъ запримѣтилъ кого—скрывайся...

— Ты у насъ министеръ,—оцѣнилъ совѣтъ Созонтова Тарайкинъ.

— Ну... ну,—обиженно замѣтилъ тотъ...—не хуже мы всякаго другого!...

— Что-о?...

— Да... не хуже... Очень ужъ ты о себѣ мечтаешь... Что жалованье большое имѣлъ. Такъ мы тоже жалованье большое имѣли...

— Ты!...—насмѣшливо произнесъ Тарайкинъ.—На базарѣ разной дрянью торговалъ, публику обманывалъ...

— Ну такъ что съ того?...—согласился Созонтовъ...—пущай я былъ торговецъ, а ты тамъ мастеръ. Велика важность—слесарь... А вотъ купить-продать какъ слѣдуетъ... это...

Сумерки какъ-то быстро перешли въ потемки. Теперь мастерская походила на мрачную дыру, гдѣ посрединѣ виднѣлся лишь багровый отсвѣтъ горна.

Созонтовъ долго еще ворчалъ, но Тарайкинъ ничего ужъ не отвѣчалъ ему, занятый своими думами.

Зажгли свѣчку. По стѣнамъ, потолку запрыгали странныя, уродливыя тѣни...

Вдругъ Тарайкинъ насторожился, вытеръ руки о какую-то тряпку и выскочилъ на дворъ.

По двору, недалеко отъ его мастерской, проходили знакомой поступью Котовъ и другой „вольный“, Ишимовъ.

Поздоровались за руку.

IX.

А Котовъ и Ишимовъ молча прошли дворъ, ворота—и вышли на неосвѣщенную улицу.

— Значить, работу здѣсь наладили,—отрывисто нарушилъ молчаніе Ишимовъ.

— Не совсѣмъ еще. Щупаемъ почву... сближаемся лишь... Опять замолчали...

— А вы этого не одобряете?—вдругъ спросилъ Котовъ.

— Нѣтъ,—коротко отвѣтилъ Ишимовъ.—Вы вотъ вѣрите въ законъ, выработанный большинствомъ... этимъ излюбленнымъ вашимъ большинствомъ,—говорилъ Ишимовъ... Вѣрите въ парламентъ, свободу слова, собраній и прочее. А я нахожу, что этотъ законъ, выработанный посторонними людьми, зачастую грубъ, зачастую насилуетъ меня, другого, третьяго... позвольте... потому что онъ не имѣетъ въ виду опредѣленнаго меня... съ плотью, кровью... или другого съ его душевнымъ своеобразіемъ... или третьяго... а имѣетъ въ виду какого-то отвлеченнаго, абстрактнаго, выдуманнаго обывателя, подданнаго...

— Я васъ понимаю,—спокойно отвѣтилъ Котовъ.—Но это—увы—есть то, до чего доработалась современная общественная

мысль: парламентъ, законъ большинства и тому подобное... Какъ же вы иначе устроите жизнь?...

— Какъ?... я... не знаю,—осѣкшись, сказалъ Ишимовъ.—Я нахожу, что ее нельзя перестроить...

— Вотъ что, Ишимовъ,—уже наставительно сказалъ Котовъ.— Я васъ слушалъ... Человѣкъ вы, я знаю, хорошій... И теперь я говорю вамъ: присоединяйтесь къ намъ... У насъ—свѣтъ... у васъ же—тьма полнѣйшая...

Ишимовъ странно зазвенѣвшимъ голосомъ отвѣтилъ:

— Пусть тьма... но къ вамъ я не пойду. Не пойду... и не приду...

Х.

Въ воскресенье къ фейерверкеру Лящуку пришли въ казарму гости: унтеръ-офицеры пѣхотнаго полка. Двое были земляки—изъ одного села, двое другихъ пришли „за компанію“.

Лящукъ взялъ у молодого солдата Рыжика деньги и послалъ этого Рыжика за пивомъ. Затѣмъ унтеръ-офицеры играли въ шашки и ѣли сѣмечки.

Въ одномъ углу на койкахъ лежали, задравъ ноги, трое земляковъ и чинно, неспѣша, съ бессмысленнымъ видомъ по горло сытыхъ людей—ѣли бублики.

Въ другомъ углу, на краю койки сидѣлъ Тишка и тихо потренькивалъ на своей гармоникѣ, которую у него еще не отняли. Около него, дожидаясь своей очереди поиграть, сидѣлъ Лукинъ, недавно лишившійся своего инструмента. Онъ былъ отчаянный любитель игры на этомъ инструментѣ и съ нетерпѣніемъ ждалъ, когда гармоника перейдетъ къ нему.

— Ну, давай, что ли... возьмемся-ка!...

Передъ пріятелями стоялъ бомбардиръ-наводчикъ Бурда.

— Давай,—согласился Тишка.

Онъ отдалъ гармонику Лукину, жадно ее схватившему,—и „взялся“ съ Бурдой...

Между Тишкой и Бурдой долго ужъ длился споръ: кто кого сильнѣе и кто кого поборетъ. Бурда уже со многими состязался и выходилъ побѣдителемъ. Поборетъ сегодня одного, завтра другого, перейдетъ къ третьему и такъ далѣе, словно рѣшилъ побороть всѣхъ, кто только былъ въ казармѣ. Но вотъ уже недѣля, какъ полоса побѣдъ его какъ будто прекратилась,—и его то и дѣло одолѣвалъ Тишка.

Пріятели схватились и молча задвигались въ объятіяхъ другъ

у друга. Черезъ минуты три оба уже тяжело дышали, и влажные волосы ихъ прилипали ко лбу.

— Здоровые черти! — одобрилъ ихъ одинъ изъ гостей-унтеровъ.

Пріятели, сжимая другъ друга, молча, словно священнодѣйствуя, двигались по казармѣ. Они натыкались на койки, терлись плечами о стѣну, опрокинули стулъ. Когда они стали приближаться къ громадной иконѣ, стоявшей на полу, въ деревянной рамѣ, окруженной толстыми свѣчами въ подсвѣчникахъ, и явилась опасность, что они задѣнутъ икону или подсвѣчники, — къ нимъ выскочилъ другой бомбардиръ-наводчикъ, Митькинъ, и слегка толкнулъ ихъ въ обратную сторону. И они покорно, все такъ же занятые поглотившимъ ихъ дѣломъ — пошли обратно.

— Куды пошелъ пѣшкой! — насмѣшливо сказалъ Тарайкинъ, стоявшій среди казарменной публики, которая смотрѣла — какъ унтера играютъ въ шашки.

— А тебя не спрашиваютъ, — отвѣтилъ Лящукъ, не отрывая своихъ бѣгающихъ глазъ отъ руки партнера и не оглядываясь на Тарайкина.

— И не спрашивай... А вотъ у тебя три шашки и возьмутъ.

Гость-партнеръ неспѣша снялъ одну шашку, — затѣмъ, словно раздумывая, хорошо ли это будетъ, вторую и третью.

— Уйди, — визгливо закричалъ на Тарайкина Лящукъ, только теперь увидавшій свой промахъ.

— Мнѣ уходить нечего. А ты играй съ головой, — отвѣтилъ Тарайкинъ...

Начали новую партію. Чтобы ослабить впечатлѣніе отъ язвительныхъ словъ Тарайкина, Лящукъ сказалъ, насмѣшливо показывая пальцемъ на Тарайкина:

— Вотъ... есть у насъ фрухтъ... Считаетъ себя всѣхъ умнѣе.

— А ты ему засыпь, — наставительно сказалъ гость-пѣхотинецъ.

— То-есть... какъ? — полюбопытствовалъ Тарайкинъ...

— А такъ... штобъ не зазнавался. Унтера, взводнаго почитать долженъ...

— А за что? — насмѣшливо спросилъ Тарайкинъ...

Пѣхотинецъ искоса поглядѣлъ на Тарайкина, словно теперь только сообразивъ, кого онъ затронулъ — и сказалъ съ чувствомъ собственнаго достоинства:

— Полагается... по уставу воинцкому... Дядька образованнѣе тебя...

— А я полагаю, что я образованнѣе... — вызывающе глядя на унтеровъ, сказалъ Тарайкинъ...

— Хе... хе... ловко...—засмѣялись унтера...

А Лящукъ, обиженный и за себя, и за гостей, вскочилъ и произнесъ:

— Я тебя выучу какъ отвѣчать...

— Чѣмъ же вы такъ образованы?—не измѣняя своего тона и не пугаясь окрика Лящука, произнесъ Тарайкинъ.

Кругомъ стояла публика. Привлеченные шумомъ, пришли солдаты другого отдѣленія. Нѣкоторые даже сползли съ коекъ. Не отвѣтить—значило осрамиться въ глазахъ этой публики.

— Ахъ ты, сачокъ ѣтакій!—сказалъ Лящукъ. —Какъ ты смѣешь такія мысли имѣть?... Я годъ въ учебной командѣ былъ... я молодыхъ обучаю...

— Мы всякій уставъ понимать можемъ,—поддержалъ Лящука одинъ изъ гостей.

— Ну-ка, —насмѣшливо сказалъ Тарайкину другой гость, —пересчитай-ка всѣхъ начальствующихъ лицъ нашего округа...

Тарайкинъ оглядѣлъ побѣдоноснымъ взоромъ публику и спросилъ:

— А что такое цыкуль, знаете?...

Гость-пѣхотинецъ удивленно раскрылъ глаза.

— Не знаете? Простите за безпокойство... А что такое къ примѣру... машштабъ?... Да... Какой онъ и что изъ себя изображаетъ и какъ?... Тоже вамъ неизвѣстенъ?...

Унтера сидѣли, застигнутые врасплохъ, а Тарайкинъ сыпалъ:

— Ну, а тетраэдръ, будемъ такъ говорить, что изъ себя показываетъ? А транспортиръ?... А какъ вы угадаете: какой уголъ острый и какой тупой?... А...

Кто-то изъ публики вздохнулъ:

— Н-да.

Вся толпа замолкла... Унтера почувствовали себя неловко.

— А потому,—наслаждаясь побѣдой, говорилъ возбужденно Тарайкинъ...—потому вы и есть необразованны... не весьма... И вашъ уставъ и прочее... что наперечетъ знаете... ничего не означаетъ... Я, значить, образованнѣе. Я всякій струментъ различу и разберусь въ какой вгодно машинѣ. Такъ-то-сь...

У, какъ горѣли его глаза и щеки! А кругомъ молодые и слушаютъ... Одинъ изъ молодыхъ даже усмѣхнулся.

— А пока что... пошелъ вонъ!—зашипѣлъ и затопалъ ногами Лящукъ.

И лицо его налилось кровью. Толпа всколыхнулась, слышались насмѣшливые голоса.

Два врага, Лящукъ и Тарайкинъ, стояли другъ противъ друга и мѣряли другъ друга глазами.

— Всегда дерзить,—сказалъ другъ Лящука и любимецъ суроваго фельдфебеля, солдатъ Сысой, малый со смазливымъ лицомъ.

— Когда нужно будетъ, тогда уйду,—сказалъ Тарайкинъ.

Его поза, лицо, глаза выражали: „А ну-ка... вдарь... вдарь“.

Лящукъ зналъ, что ударить опасно, что Тарайкинъ только этого и хочетъ, чтобы потомъ заявить объ этомъ на „опросѣ претензій“, какъ онъ разъ уже сдѣлалъ. Но искушеніе было велико, и онъ тяжело дышалъ...

— Сядь... ну его... Пожалуйся фельдфебелю,—нашелъ выходъ одинъ изъ гостей.

— Сыграемъ... что-ль... новую партію...

Тарайкинъ постоялъ немного, мѣряя презрительнымъ взглядомъ отвернувшихся отъ него унтеровъ, постоялъ еще, чтобы выдержать характеръ, и молча пошелъ къ двери...

XI.

Назначенные въ караулъ стояли наготовѣ и дожидались, чтобы ихъ осмотрѣлъ фельдфебель.

— Караулъ... стройся!...

Вышелъ фельдфебель со взводными. Взводные въ почтительной позѣ шли за Ероеей Савельичемъ и дѣлали видъ, что внимательно его слушаютъ.

Ероеей Савельичъ любилъ зудить.

По поводу любой мелочи онъ произносилъ долгія наставительныя рѣчи. Рѣчи были образныя, убѣдительныя: съ примѣрами изъ Святого Писанія и изъ устава дисциплинарнаго... Но когда онъ бывалъ въ духѣ, то не заѣзжалъ въ ухо и не зудилъ, а ограничивался лишь насмѣшками и безобидными ругательствами. Теперь онъ былъ въ духѣ.

— Слушай меня... Разводящимъ у васъ будетъ бомбардиръ Ладыгинъ. А караульнымъ начальникомъ младшій фейерверкеръ Дубняковъ.

Онъ говорилъ неспѣша, солиднымъ, властнымъ голосомъ, не повышая тона, но каждое слово его было слышно и въ самомъ отдаленномъ углу двора.

Онъ потрогалъ, плотно ли затянута кушакомъ шинель уходящихъ въ караулъ, какъ виситъ кобура, почищены ли сапоги.

— Скажи... когда ты обнажишь свое оружіе?...

Молодой солдатикъ вытаращилъ глаза, вытянулся еще больше, подумалъ и отвѣтилъ, запинаясь:

— Не смѣю обнажать, господинъ фидфебель.

Въ глазахъ Ерооея Савельича мелькнула искорка. Онъ подобралъ губы и удивился:

— Вотъ-те на!... Что же... для красы тебѣ пашку прицѣпили? А? и семипатронный револьверъ дали?... Что? А?...

Солдатъ повѣрилъ веселому тону фельдфебеля, ободрился и измѣнилъ свой первоначальный отвѣтъ:

— Оружіе обнажу противъ свою неприятели...

— Неприятеля... неприятели! — поддразнилъ Ерооей Савельичъ.—Что же это японцы, что ли, подъ нашимъ городомъ стоять?... А?... Я тебѣ дамъ... противъ свою неприятели...

Солдатъ съ бьющимся сердцемъ глядѣлъ въ глаза фельдфебелю, ожидая удара. Но фельдфебель не ударилъ, а перешелъ къ другому.

— Скажи, ты когда оружіепустишь въ ходъ?...

— Для защиты свою лица!—бойко, увѣренный въ томъ, что этотъ отвѣтъ—самый настоящій, выпалилъ спрошенный.

Бойкій тонъ понравился Ерооею Савельичу.

Недавно корпусный командиръ похвалилъ солдата, бойко ему отвѣтившаго. Тогда же его превосходительство указалъ солдатамъ, что всегда слѣдуетъ бойко-весело отвѣчать начальству.

— Для защиты свою лица...—несердито передразнилъ Ерооей Савельичъ.—А если тебѣ въ ногу будутъ цѣлиться или въ руку—защищаться не будешь... А... что?...

Во дворъ казармы вѣхалъ возъ съ мѣшками, кулями и прочими хозяйственными принадлежностями. Правившій возомъ солдатъ, завидѣвъ фельдфебеля, соскочилъ съ сидѣнья и пошелъ около лошадей, придавая лицу своему озабоченно-дѣловое выраженіе.

Ерооей Савельичъ внимательно поглядѣлъ на мѣшки и кули, на то, какъ плавно покачивался возъ, и перешелъ къ третьему караульному.

— Ну, ты когдапустишь въ ходъ обнаженное оружіе и когдаогнестрѣльное?...

— Соображать должонъ,—неувѣренно пробурчалъ молодой рыжий, веснучатый парень, скашивая въ сторону глаза.

Фельдфебель вспыхнулъ.

— А ты повѣдай намъ свое соображеніе... милости просимъ.

По язвительному тону всѣ поняли, что наступить зуда. Кто-то изъ фейерверкеровъ не выдержалъ и издалъ звукъ, похожій

на неодобрительное криканье. Ероеей Савельичъ покосился въ сторону крикнувшаго и неспѣша сталъ зудить. Говорилъ онъ спокойно и, казалось, наставлялъ, но вдругъ словно кто кусалъ его,—онъ вспыхивалъ и кричалъ и загибалъ трехэтажныя словечки. Потомъ опять понижалъ голосъ...

Если бы какой-нибудь понимающій человѣкъ разложилъ его рѣчь на составляющіе ее элементы, онъ увидѣлъ бы, что въ нее внесли свою лепту: и фельдфебель Ероеей Савельича, когда онъ самъ былъ „молодымъ“ и глядѣлъ на свое начальство, какъ вотъ этотъ поблѣднѣвшій рыжій, и тѣ начальники-офицеры, подъ командою которыхъ прослужилъ такое долгое время Ероеей Савельичъ, и даже корпусный командиръ, недавно только назначенный въ корпусъ.

Всѣ ихъ слова, манеры, интонаціи усвоилъ Ероеей Савельичъ, усвоилъ безсознательно и побивалъ этимъ слушателей.

— Кто тебя обучалъ?... А?...—рявкнулъ онъ напоследокъ.

— Младшій фейенвенкеръ господинъ Дубняковъ, — покорно отвѣтилъ рыжій.

— Здорово!... Ловко вызубрилъ!... Такъ ты его, господина Дубнякова, зуди до тѣхъ поръ, пока онъ тебя, мерзавца этакого, не обучить какъ слѣдуетъ... Пусть до тѣхъ поръ тебѣ вздохнуть не даетъ... Ты чего зубы скалишь... а?...—грозно кинулъ онъ въ сторону.

Захваченный врасплохъ Тарайкинъ, не во-время улыбнувшійся, стоялъ у дверей своей мастерской.

— Ты какъ стоишь передъ фельдфебелемъ?... А...

Тарайкинъ вытянулся.

— Чего зубы скалилъ?... говори!...

Тарайкинъ поблѣднѣлъ, отвелъ немного глаза въ сторону и солгалъ:

— На необразованность ихнюю глядя...

— А-а!...—злорадно подхватилъ Ероеей Савельичъ.—Слыхалъ я про твою образованность... Унтеровъ не признаешь... Они по-твоему необразованные... А?... Ахъ ты дрянъ! ахъ ты мерзецъ!... Ну, такъ вотъ ты за эту образованность свою... два дня воду на кухню таскай и баки почишь... Дежурный, записать его на работу!...

Уходившіе въ карауль, мелко стуча сапогами, подвигались къ воротамъ.

XII.

Въ числѣ ихъ былъ Ишимовъ. Онъ сильно проштрафился: иля задумчиво по улицѣ, онъ столкнулся носомъ къ носу съ

бригаднымъ генераломъ, и, когда сталъ ему во фронтъ, было уже поздно. Генераль гнѣвно рыкнулъ на него, но не сталъ при публикѣ объясняться, а раздраженно махнулъ рукой и прошелъ. Въ результатъ Ишимовъ, числившійся подобно другимъ вольноопредѣляющимся въ „учебной командѣ“, которая въ караулъ не ходила, былъ назначенъ часовымъ.

Ишимовъ попалъ на вторую смѣну. Онъ пошелъ, обнаживъ шашку, за своимъ разводящимъ Ладыгинымъ, мрачнымъ и исполнительнымъ служакою, будущимъ образцовымъ унтеромъ. Ладыгинъ даже здѣсь, среди поля, вдали отъ бдительнаго глаза начальства, шагаль по командѣ и косился на вольноопредѣляющагося, идетъ ли тотъ въ ногу.

Около огромныхъ деревянныхъ сараевъ шагаль уже соскучившійся часовой. Увидя смѣну, онъ съ удовольствіемъ остановился и сталъ по всеѣмъ правиламъ воинскаго искусства. Ладыгинъ поставилъ Ишимова рядомъ съ часовымъ плечо въ плечо, но такъ, что Ишимовъ глядѣлъ въ одну сторону, а смѣняющійся часовой въ другую. Часовой повернулъ лицо къ Ишимову и, глядя на него своими добродушными глазами, скороговоркой произнесъ:

— Постъ номеръ у второй. Охранять антиреліійскій складъ... антиреліійской бригади... происшествіевъ никакихъ не случилось... тулупъ... кенъги въ справности...

Послѣ этого часовой сдѣлалъ шагъ впередъ отъ поста, а Ишимовъ повернулся налѣво кругомъ и сталъ такимъ образомъ на постъ.

— Да вы посмотрите, цѣлы ли печати,—назидательно сказалъ Ладыгинъ,—можетъ онъ ихъ оторвалъ...

Ишимовъ посмотрѣлъ: печати были цѣлы.

Ладыгинъ поглядѣлъ исподлобья на Ишимова и, обращаясь къ одному изъ часовыхъ, которыхъ велъ на постъ, сказалъ:

— А ну-ка, скажи тутъ... обязанности часового.

И еще разъ исподлобья поглядѣлъ на Ишимова и все глядѣлъ въ его сторону, пока спрошенный солдатъ выкладывалъ:

— Не должонъ пить... не можетъ курить... и лежать не можетъ... и сидѣть не можетъ... Не должонъ свистать... не должонъ пѣть... съ которымъ постороннимъ разговоры разговаривать... и господамъ проѣздяющимъ ахфицерамъ должонъ честь отдавать...

— То-то,—назидательно присовокупилъ Ладыгинъ, скомандовалъ „шагомъ аршъ“ и со смѣнившимся часовымъ и другими часовыми, которыхъ надо было поставить на постъ, двинулся отъ Ишимова.

Они отошли на значительное разстояніе, уменьшились и, подойдя къ повороту дороги, вдругъ разомъ исчезли.

Ишимовъ остался одинъ.

Сараи стояли невысокіе, вытянувшись въ длину; около дверей были положены деревянные площадки; стѣны были грязныя и поросли плѣсенью.

Ишимовъ обошелъ ихъ. Съ другой стороны было то же самое. Сверху глядѣло сѣрое, безъ красокъ, небо. Вдали чернѣлъ лѣсокъ.

Въ промежуткѣ между сараями стояла полосатая будка. Въ ней лежали тулупъ и кенъги... Ишимовъ поднялъ тулупъ, примѣрилъ на себя. Онъ оказался тяжелымъ и длиннымъ. Ишимовъ скинулъ его. Кенъги были чудовищной величины и тяжести, и, когда Ишимовъ примѣрилъ ихъ, онъ не могъ въ нихъ и десяти шаговъ ступить. Сбросилъ и ихъ.

Черезъ 2 часа пришелъ Ладыгинъ и увелъ его. И соскучившійся Ишимовъ съ удовольствіемъ двинулся къ караульному дому.

ХІІІ.

Во второй разъ пришлось стать на постъ черезъ четыре часа. Погода была попрежнему пасмурная, и то поднимался, то затишалъ небольшой вѣтеръ, вздымая кучу пыли и расшатывая доски въ полосатой будкѣ.

Въ третій разъ Ишимовъ вышелъ со своимъ разводящимъ опять черезъ четыре часа, но на этотъ разъ уже темной ночью, за полночь.

Вѣтеръ былъ уже не маленькій, дулъ всю и неистово раскачивалъ фонарь, висѣвшій въ небольшихъ сѣняхъ караульнаго дома, грозя совсѣмъ его затушить. И что-то колючее то начинало капать сверху, то переставало.

На „посту“ удобно было стоять только на одной сторонѣ сараевъ; тутъ было тихо, и ревъ вѣтра оставался гдѣ-то сбоку. Когда же Ишимовъ выходилъ изъ-подъ этого прикрытія, онъ сразу попадалъ во власть разгулявшагося безъ удержа вѣтра, который старался свалить его съ ногъ, толкая изъ стороны въ сторону, развѣвая полы шинели и дуя въ лицо. Потомъ вѣтеръ зловѣще отдавался въ стѣнахъ и крышѣ и на секунду замиралъ.

Становилось пронизывающе-холодно. Ишимовъ, продрогшій, стоялъ у стѣны и глядѣлъ взволнованными глазами въ окружающую его тьму, гдѣ не было видно ни одного ободряющаго огонька...

„Да... да... вотъ оно,—взволнованно думалъ Ишимовъ,—вотъ

оно... настоящее лицо міра... тьма... Боясь этой тьмы, люди построили города и храмы и освѣтили ихъ...

У-у-у... яростно свистѣлъ вѣтеръ.

— Кто идетъ?—закричалъ вдругъ Ишимовъ, глядя въ тьму.— Кто идетъ?...

Можетъ быть, отвѣтили, но за шумомъ непогоды нельзя было слышать.

Ишимовъ старался взглянуть въ тьму, отошелъ отъ сараевъ, глядя, не покажется ли силуэтъ идущаго.

Но идущій былъ тутъ же и терся около ногъ. Ишимовъ наклонился и оцупалъ маленькаго дрожащаго и плачущаго щенка. Щенокъ... это было такъ неожиданно. Ишимовъ стоялъ, наклонившись растерянно надъ щенкомъ. Потомъ опомнился, взялъ его на руки и унесъ подъ ту спокойную стѣну.

Щенокъ вертѣлся въ рукахъ Ишимова, лизалъ ему руки, обнюхивалъ его, лизнулъ его въ лицо и скулилъ, скулилъ безъ конца.

— Ахъ ты, песикъ,—сказалъ Ишимовъ.—Откуда ты приползъ сюда?...

Ишимовъ растегнулъ шинель и положилъ щенка на грудь. И начинавшій согрѣваться щенокъ тихо улегся подъ шинелью, скуля мотоннѣе и тише.

Надо было ходить. Ишимовъ подошелъ къ будкѣ, вытащилъ щенка и хотѣлъ завернуть его въ лежавшій тулупъ. Но собачка не укладывалась и не выпускала руки Ишимова и все тянулась къ нему, скуля все жалобнѣе и жалобнѣе. Вотъ она отбросила отъ себя теплый мохнатый тулупъ и побѣжала за Ишимовымъ, прижимаясь къ его сапогамъ.

— Не хочешь... Не хочешь быть одна!... Страшно тебѣ... Ну, иди, иди сюда,—нѣжно сказалъ Ишимовъ и взялъ на руки собачку, которая опять, казалось, одурѣла отъ счастья.—Ну будетъ... будетъ... чувствую,—сказалъ Ишимовъ и положилъ ее за пазуху...

У-у... ревѣлъ вѣтеръ, налетавшій спереди, съ боковъ, и попрежнему непріятно кололи лицо и руки рѣзкія капельки, и попрежнему валилась полосатая будка. Но Ишимовъ съ чѣмъ-то потеплѣвшимъ внутри уже не чувствовалъ прежней жути и заползавшаго въ душу отчаянія.

Ему вдругъ представилось, что сказалъ бы дежурный офицеръ, увидѣвъ его съ собачкой на посту, и онъ тихо разсмѣялся.

Пришлось и въ четвертый разъ прійти на постъ — подь утро. Утромъ онъ стоялъ на посту зеленоватый, съ больнымъ лицомъ, чувствуя ломоту въ спинѣ и бокахъ: бессонная ночь и непогода, видно, не прошли ему даромъ.

XIV.

Разъ въ дождливую осеннюю ночь, когда вольноопредѣляющийся Котовъ уходилъ отъ капельмейстера, у котораго онъ засидѣлся и который его познакомилъ съ новыми музыкальными вещичками, онъ у костела, насупротивъ казармъ, наткнулся вдругъ на поваленныя у стѣны костела не то тѣла, не то вещи. Ночь была темная, и Котовъ споткнулся въ этой темнотѣ на что-то.

— Кто это здѣсь? — изумленно, громко спросилъ онъ.

Тогда поваленныя у стѣны костела вдругъ зашевелились, задвигались. Изъ-подъ кожуховъ вынырнула то тамъ, то сямъ голова: это были пригнанные новобранцы.

Прибыли они поздно, ихъ не успѣли распредѣлить по батареямъ, а потому каждый фельдфебель отказывался пріютить на ночь всю эту „ораву“... И вотъ эти молодые, пригнанные за много верстъ, вмѣстѣ со своими сундуками, пожитками и пр., были вынуждены проваляться до утра подь дождемъ, на холоду...

Котовъ вспыхнулъ и быстро двинулся въ казарму.

— Гдѣ фельдфебель? — спросилъ онъ возбужденно у дневального.

— Легъ, должно, спать, — зѣвая, отвѣтилъ дневальный.

— Я ему дамъ спать... Я ему покажу, — въ гнѣвъ, сжимая кулаки и шагая черезъ двѣ ступеньки наверхъ, яростно думалъ всегда спокойный и разсудительный Котовъ.

Фельдфебель еще не спалъ. Онъ удивленно поглядѣлъ на Котова и вдругъ зашипѣлъ:

— А вы кто такой, что являетесь ко мнѣ съ такими вопросами? Вамъ что за дѣло?... А... Подъ арестъ захотѣли!...

— Хорошо, — отвѣтилъ возбужденно Котовъ. — Но я этого такъ не оставляю...

И прежде чѣмъ изумленный фельдфебель успѣлъ ротъ раскрыть на такія дерзкія слова, Котовъ рѣзко повернулся и быстро вышелъ.

Онъ направился въ офицерское собраніе.

— Гдѣ дежурный офицеръ? — мрачно, но готовый на все, спросилъ онъ у дневального.

Дежурнымъ былъ подпоручикъ Кобельковъ.

Онъ вышелъ удивленный къ вольноопредѣляющемуся.

— Я пришелъ къ вашему благородію,—взволнованно заговорилъ Котовъ.—Вы... можетъ быть... не знаете... Сюда пригнали подъ вечеръ новобранцевъ... не успѣли разверстать... и вотъ ихъ не пускаютъ...

— Куда не пускаютъ?...

— Въ казарму... солдатъ же!... И они лежатъ подъ дождемъ... на холоду...

— Что вы говорите?... Но вѣдь это безобразіе...

— Да, ваше благородіе, это безобразіе... Не угодно ли поглядѣть...

— Да, да... пойдете...

Увидѣвъ всю неприглядную картину у костела, Кобельковъ разсердился. Онъ сейчасъ же послалъ солдата за фельдфебелемъ, и великолѣпный фельдфебель мигомъ очутился внизу. Произошелъ короткій діалогъ. Фельдфебель представилъ, было, свои доводы, но Кобельковъ гнѣвно прервалъ его почтительную рѣчь и звонкимъ голосомъ воскликнулъ:

— Тащи, ребята, свои пожитки въ казарму... И располагайся тамъ на ночлегъ. Я приказываю...

Фельдфебель замолчалъ, но, проходя мимо Котова, какъ-то особенно сжалъ губы.

Черезъ минуту новобранцы, какъ муравьи, нагруженные кладью, втаскивали свои пожитки въ теплую казарму, наполняя лѣстницу гамомъ и топотомъ.

Они не понимали, какъ это вдругъ случилось, и съ испугомъ глядѣли и на Котова, и на Кобелькова, и на фельдфебеля.

Когда послѣдній новобранецъ протиснулся сквозь двери и у стѣны костела ужъ никого и ничего не осталось, кромѣ лужъ, Кобельковъ, не глядя на фельдфебеля, громко сказалъ:

— Размѣстить ихъ безобидно,—и вышелъ.

Вышелъ и Котовъ.

У входа они столкнулись. И тутъ, во тьмѣ, внѣ постороннихъ взоровъ, Кобельковъ вдругъ подошелъ къ Котову, протянулъ ему руку и немного взволнованнымъ голосомъ произнесъ:

— Я васъ благодарю... очень...

Котовъ крѣпко отвѣтилъ на рукопожатіе и тихо произнесъ:

— Я васъ тоже... благодарю...

XV.

Стоялъ красивый зимній день.

На широкія улицы, на крыши, вывѣски, на лошадей и людей падалъ спокойно, медленно кружившійся въ воздухѣ снѣгъ. На

небѣ была бѣлая пелена. Но, видно, гдѣ-то недалеко притаилось солнце, ибо на улицѣ было удивительно свѣтло и весело.

Въ легкомъ морозномъ воздухѣ хорошо дышалось, и всѣ—старые и больные, и зеленые, и блѣдные—теперь имѣли здоровый, бодрый и молодцеватый видъ.

Снѣгъ, къ удовольствію всѣхъ, не таялъ. Можно было ожидать санной дороги.

Изъ воротъ артиллерійскаго манежа выѣхала группа молодыхъ офицеровъ на лошадяхъ съ тремя амазонками. Впереди всѣхъ, обращая на себя вниманіе всей улицы, ѣхала капризная и недурная собой m-lle Фердыщенко.

Въ это время во флигель къ вольноопредѣляющимся быстро взобрались возбужденные Тарайкинъ, Тишка и Митькинъ. Съ ними столкнулся Горецкій.

— Вамъ кого?—удивленно спросилъ онъ, немного отступая назадъ передъ мрачно на него глядѣвшими солдатами.

— Намъ вольнаго Котова...

Котовъ стоялъ уже на порогѣ своей комнаты и молча, не глядя на изумленнаго Горецкаго, приглашалъ всѣхъ троихъ къ себѣ.

— Бѣда приключилась... въ казармѣ,—едва только закрылась дверь, произнесъ Тарайкинъ и стащилъ фуражку.

— Какая бѣда?—тихо спросилъ Котовъ.—Говорите... Только тише...

— Вы Алешу знали?—понижая голосъ, спросилъ Тарайкинъ.

— Какого Алешу?...

— Алешу... Алексѣя Рогового... Фамилія его такая...

— Пойдите... пойдите,—сталъ припоминать Котовъ.—Я такого что-то не припомню...

— Это съ блѣднымъ лицомъ такой... Волосы такіе свѣтлые у него... Какъ смѣялся, такъ всегда всѣ на него оглядывались... странно такъ смѣялся...

— А... да... да... припоминаю... того, что странно смѣялся... Ну, такъ что-жъ онъ?... что-жъ онъ?...

Котову ясно представился этотъ Алексѣй Роговой. Худенькій, невзрачный, похожій скорѣе на мальчика, нежели на взрослого, съ свѣтлыми волосами, измученнымъ лицомъ и этимъ страннымъ своимъ смѣхомъ, онъ обратилъ на себя вниманіе Котова и своею религіозностью. Часто, входя въ пустую казарму, Котовъ находилъ этого Алексѣя Рогового распростертымъ ницъ передъ иконою. И въ праздники его можно было видѣть выходящимъ позже всѣхъ изъ церкви.

Это религіозное рвеніе помѣшало знакомству съ нимъ Котова. Заводя сношенія съ различными солдатами онъ обошелъ Алексѣя.

Теперь ему рассказали слѣдующее.

Въ казарму вошелъ его превосходительство бригадный Фердыщенко. Вошелъ онъ случайно, совершенно неожиданно. Валавшіеся на койкахъ, быстро вскочили и вытянулись.

— Здорово, молодцы! — привѣтствовалъ Фердыщенко. — Ну, что... хорошо ли вамъ живется?...

— Такъ точно, ваше превосходительство...

И вдругъ выступилъ Алексѣй Роговой.

— Не могу я, ваше превосходительство, быть солдатомъ. Грѣхъ это... Господь нашъ Іисусъ Христосъ заповѣдалъ: „Не убій“, „Люби враги свои“. Ослобоните меня, ваше превосходительство...

Солдаты стояли, изумленные выходкой всегда тихаго, смиреннаго Алексѣя. Но пуще всѣхъ былъ изумленъ Фердыщенко. Жилы у него на шеѣ вздулись, лицо стало грозное, и онъ крикнулъ въѣжавшимъ въ казарму фельдфебелю и взводному:

— Убрать...

Алешу убрали... Да такъ, что когда прибѣжали въ казарму Котовъ и Тарайкинъ, то они ничего не могли добиться ни отъ кого, гдѣ онъ и куда его отправили.

Неизвѣстнымъ осталось и то, гдѣ судили его и осудили. Было объ этомъ только глухо потомъ упомянуто въ приказѣ.

Долго послѣ этого терзался Котовъ.

— Какъ же я могъ пройти мимо такого... За такимъ нужно было особенно присмотрѣть... удержать... просвѣтить... чтобъ не оборвалось такъ нелѣпо...

Ему было необычайно жалко бѣднаго, наивнаго, такъ неожиданно прорвавшагося Алешу.

Д. Л. Д—овъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Воспоминаніе.

Здѣсь все напоминаетъ васъ:
Заросшій садъ, бесѣдка, дворикъ,
Песъ избалованный Дугласъ
И покосившійся заборикъ.

Мнѣ кажется, что вашъ двойникъ
Еще живетъ въ пустынномъ домѣ,
И отдаленный сонъ возникъ
Въ вечерней неживой истомѣ.

И мнится: ставню пріоткрывъ,
Глядите сонно на дорогу,
Гдѣ дали сумеречныхъ нивъ
Въ покоѣ кроткомъ близки Богу.

Въ дыханьѣ слабомъ резеды
И въ свѣжести росистой луга
Узнаешь тонкіе слѣды
Давно исчезнувшаго друга...

Такъ странно дѣтство расцвѣло
Съ непознаваемою силой,
Какъ будто милое чело
Не скрыто вѣчною могилой.

Н. Бернеръ.

ИСТИНА.

Разсказъ Луиджи Пиранделли.

Съ итальянскаго.

Когда Сару Ардженту, по прозвищу Тарара, ввели за рѣшетку мрачной, запыленной залы окружнаго суда, онъ прежде всего вынулъ изъ кармана огромныхъ размѣровъ холщевый платокъ, красный съ желтыми разводами, и старательно разложилъ его на скамьѣ, чтобы, садясь, не запачкать своего праздничнаго костюма изъ тяжелаго синяго сукна.

Усѣвшись, приподнялъ свѣже-выбритое обезьянье лицо, опаленное солнцемъ, съ безусымъ кривымъ ртомъ и ушами, украшенными громадными серьгами, и широко улыбнулся крестьянамъ, напиравшимъ другъ на друга тѣсною толпою въ мѣстахъ, отведенныхъ для публики.

Оттуда разносился тяжелый, удушливый запахъ навоза и потнаго тѣла, пахло козьею шкурой, грязнымъ скотнымъ дворомъ, такъ что становилось трудно дышать.

Двѣ-три женщины, въ черныхъ платьяхъ и ниспадавшихъ до глазъ косынкахъ, начали громко рыдать при видѣ обвиняемаго. Между тѣмъ какъ онъ, не переставая улыбаться изъ-за рѣшетки, принялся поворачивать во всѣ стороны толстую шею, то и дѣло помахивая крупной жилистой рукой, не раскланиваясь по-настоящему, а словно, и какъ бы даже съ нѣкоторымъ удовольствіемъ, отмѣчая присутствіе того или иного изъ пріятелей и товарищей по работѣ.

И на самомъ дѣлѣ, день этотъ казался ему чуть не праздничнымъ послѣ долгихъ мѣсяцевъ, проведенныхъ въ предварительномъ заключеніи; онъ и принарядился по этому случаю, желая не ударить лицомъ въ грязь. Пускай онъ бѣденъ, даже настолько, что не въ состояніи нанять себѣ адвоката и вынужденъ довольствоваться защитникомъ, назначаемымъ по суду; но въ предѣ-

лахъ возможнаго постарался... и вотъ онъ умытъ, выбрить, гладко причесанъ и въ праздничной парѣ.

По окончаніи обычныхъ формальностей, перечисленія присяжныхъ засѣдателей, предсѣдатель предложилъ обвиняемому встать.

— Какъ васъ зовутъ?

— Тарарѣ.

— Это прозвище. Какъ ваше имя?

— Виновать, синьоръ. Сару Ардженту, эччеленца. ¹⁾ Но всѣ зовутъ меня Тарарѣ.

— Хорошо. Сколько вамъ лѣтъ?

— Не знаю, эччеленца.

— Какъ не знаете?

Тарарѣ повелъ плечами; на лицѣ его ясно отразилось глубокое презрѣніе къ такому суетному занятію, какъ подсчетъ лѣтъ. Онъ добавилъ:

— Я деревенскій житель, эччеленца. Намъ не до этого.

Въ залѣ засмѣялись. Предсѣдатель наклонился надъ столомъ и началъ перелистывать разложенныя передъ нимъ бумаги.

— Вы родились въ 1873 году. Стало быть, вамъ тридцать девять лѣтъ.

Тарарѣ вытянулъ руки по швамъ и приосанился.

— Какъ прикажете, эччеленца.

Во избѣжаніе новыхъ взрывовъ смѣха предсѣдатель изложилъ остальные вопросы въ полуутвердительной формѣ, отвѣчая самъ на каждый: „Не такъ ли? Не такъ ли?“; въ заключеніе онъ сказалъ:

— Садитесь. Теперь господинъ секретарь сообщитъ вамъ, въ чемъ вы обвиняетесь.

Секретарь началъ читать обвинительный актъ, но вынужденъ былъ посреди́нѣ оборвать чтеніе, ибо старшина присяжныхъ почувствовалъ себя дурно вслѣдствіе тяжелаго запаха, распространившагося въ залѣ. Служителямъ было приказано отворить всѣ окна и двери.

Инцидентъ этотъ рѣзко подчеркнул глубокое различіе между подсудимымъ и тѣми людьми, которые должны были его судить.

Продолжая благодушно улыбаться, Тарарѣ сидѣлъ на своемъ ярко-красномъ платкѣ, совершенно не ощущая непріятнаго за-

¹⁾ Ваше превосходительство.

паха, къ которому обоняніе его издавна привыкло; Тарарѣ не чувствовалъ духоты, несмотря на то, что на немъ былъ тяжелый суконный костюмъ; наконецъ, Тарарѣ нисколько не беспокоило присутствіе мухъ, вызывавшихъ нетерпѣливыя движенія у господъ присяжныхъ, прокурора, предсѣдателя и жандармовъ. Мухи садились ему на руки, сонно жужжали вокругъ его лица, жадно прилипали ко лбу, къ концамъ губъ, даже къ глазамъ; онъ не замѣчалъ ихъ, не отгонялъ и продолжалъ улыбаться.

Молодой адвокатъ, защищавшій его по назначенію, говорилъ ему, что его несомнѣнно оправдаютъ, такъ какъ онъ убилъ жену послѣ того, какъ она была уличена въ измѣнѣ.

Раскаянія онъ не чувствовалъ. Не понималъ, почему съ него требуютъ отчета въ дѣлѣ, касающемся только его лично. Покорялся вмѣшательству судебной власти, какъ роковой необходимости.

Судебная власть—что неурожайные годы: чего въ жизни не потерпишься!

Торжественность обстановки казалась ему чѣмъ-то постороннимъ, его не касающимся. Точно пущенная въ ходъ мельница. Да, именно, точно та большая паровая мельница, на освященіи которой онъ присутствовалъ ровно годъ тому назадъ. Онъ тоже въ числѣ прочихъ посѣтителей ходилъ осматривать ея устройство, видѣлъ хитрое сцѣпленіе колесъ, все это диковинное сочетаніе поршней и блоковъ,—и тогда же въ душу Тарарѣ на-ряду съ возраставшимъ удивленіемъ закралось недовѣріе. А ну, какъ начнутъ всѣ возить сюда зерно; да кто же поручится, что полученная обратно мука своя же, изъ собственнаго зерна? Придется, не разбираясь, покорно брать, что выдадутъ.

Такъ и теперь, съ тѣмъ же чувствомъ недовѣрія и съ такой же покорностью, Тарарѣ предоставлялъ машинѣ правосудія перемолоть его дѣло.

Самъ-то онъ зналъ, что онъ женѣ разсѣкъ голову ударомъ топора и что это произошло вотъ отчего: когда онъ въ субботу подъ вечеръ вернулся, весь мокрый и испачканный, изъ деревни Монтаперто, гдѣ онъ всю недѣлю работалъ въ качествѣ батрака, то онъ засталъ крупный скандалъ въ переулкѣ Арко ди Спото, у порога своего дома, на склонѣ Санъ-Джеральдо.

Незадолго до его прихода жена его была застигнута врасплохъ въ обществѣ знатнаго дона Агатино Фіорика. Синьора Граціалла Фіорика, жена послѣдняго, у которой пальцы покрыты множествомъ колецъ, а щеки вымазаны ягоднымъ сокомъ, вся разукрашенная лентами, какъ тѣ мулы, на которыхъ при колокольномъ

звонѣ привозятъ въ даръ церкви мѣшки пшеницы, сама, собственно-лично привела частнаго пристава и двухъ полицейскихъ въ переулокъ Арко ди Спото для установленія наличности преступленія.

Сосѣди не имѣли возможности скрыть отъ Тарарѣ случившуюся бѣду, такъ какъ его жена вмѣстѣ съ бариномъ всю ночь содержалась подъ арестомъ. На слѣдующее утро, едва Тарарѣ увидѣлъ ее, тихо-тихо подходившую къ порогу дома, прежде чѣмъ сосѣдки успѣли сбѣжаться, онъ уже бросился на нее съ топоромъ и разрубилъ ей черепъ.

Кто знаетъ, о чемъ теперь читаетъ господинъ секретарь...

Когда чтеніе кончилось, предсѣдатель вторично заставилъ подсудимаго встать и продолжалъ допросъ.

— Подсудимый Ардженто, вы слышали, въ чемъ вы обвиняетесь?

Тарарѣ едва замѣтно махнулъ рукою и, привычно улыбаясь, отвѣтилъ:

— Эччеленца, признаться, я не обратилъ вниманія.

Предсѣдатель продолжалъ съ внушительной строгостью:

— Вы обвиняетесь въ томъ, что въ утро 10 декабря 1911 года вы убили ударомъ топора вашу жену, Розарію Феминелла. Что вы можете сказать въ свое оправданіе? Обратитесь къ господамъ присяжнымъ и говорите ясно и съ должнымъ почтеніемъ по отношенію къ суду.

Тарарѣ приложилъ руку къ груди, свидѣтельствуя этимъ, что онъ отнюдь не имѣлъ намѣренія быть непочтительнымъ по отношенію къ суду. Но публика, очевидно, была этимъ уже предрасположена къ смѣху, и, въ ожиданіи его отвѣта, многіе начали улыбаться. Тарарѣ замѣтилъ это и смутился.

— Говорите же,—поощрилъ его предсѣдатель.—Скажите господамъ присяжнымъ все, что желаете.

Тарарѣ пожалъ плечами и сказалъ:

— Вотъ что, эччеленца. Вы, господа, люди грамотные и поняли, что въ этихъ бумагахъ написано. А я, эччеленца, деревенскій житель. Если тамъ написано, что я ее убилъ, это правда. И нечего, значить, тутъ больше толковать.

На этотъ разъ даже самъ предсѣдатель невольно усмѣхнулся.

— Да какъ же не толковать! Погодите, мой милый, вы еще услышите... Такъ ли еще толковать придется!

— Я, эччеленца, хотѣлъ сказать,—пояснилъ Тарарѣ, снова прижимая руку къ груди,—я хотѣлъ сказать, что это вѣрно. А сдѣлалъ я это... слушаюсь, эччеленца, я господамъ присяжнымъ говорю,—оттого, что иначе поступить не могъ. Вотъ и все.

— Тише, господа, тише! Прошу не смѣяться! — закричалъ председатель, изо всѣхъ силъ потрясая колокольчикомъ. — Что это? Здѣсь окружный судъ! Мы судимъ челоуѣка за убійство! Если кто-либо еще разъ позволить себѣ засмѣяться, я прикажу очистить залъ! Къ своему прискорбію я вынужденъ и господамъ присяжнымъ напомнить о возложенной на нихъ отвѣтственной обязанности! — Затѣмъ, сурово глядя на обвиняемаго: — Что значить: вы не могли иначе поступить? Что вы хотите этимъ сказать?

Тарарѣ растерялся; внезапно наступившая тишина испугала его. Онъ отвѣтилъ:

— Я хочу сказать, Эччеленца, что вина не моя.

— Какъ не ваша?

Молодой адвокатъ, защитникъ по суду, счелъ тутъ своей обязанностью выразить председателю протестъ за суровый тонъ, принятый имъ по отношенію къ подсудимому.

— Извините, господинъ председатель, такъ мы бѣднягу окончательно съ толку собьемъ. Мнѣ кажется, онъ вполне основательно заявляетъ, что вина не его, а жены, измѣнявшей ему съ господиномъ Фіорика.

— Прошу васъ, господинъ адвокатъ, — возразилъ раздраженно председатель, — дайте сказать обвиняемому. Тарарѣ, за вами слово. Вы это хотѣли сказать?

Тарарѣ сперва отрицательно качнулъ головой, затѣмъ добавилъ:

— Нѣтъ, синьоръ! И не ея, несчастной, вина. Виновата всяку синьора... жена барина, синьора Фіорика, которой понадобилось вмѣшаться во что бы то ни стало! Чего ради было ей, господинъ председатель, подымать весь скандалъ у моего порога? Даже камни на мостовой краской стыда покрылись, когда такого порядочнаго господина, какъ синьоръ Фіорика, — а всѣ мы знаемъ, какой онъ баринъ, — вывели безъ сюртука, со штанами въ рукахъ изъ лачуги грязной крестьянки; а еще одному Богу извѣстно, до чего мы изъ-за куска черстваго хлѣба дойти можемъ!

Тарарѣ произнесъ все это со слезами на глазахъ и въ голосъ, ежеминутно ударяя себя руками въ грудь, судорожно сжимая пальцы, а кругомъ въ залѣ стоялъ неудержимый смѣхъ. Многіе хохотали до упаду. Однако председатель, сквозь смѣхъ, быстро сообразилъ, что послѣ сказаннаго подсудимымъ дѣло въ юридическомъ отношеніи принимаетъ иной оборотъ. Спыхватился также защитникъ и, видя, какъ рушится весь задуманный имъ

планъ защиты, быстро обернулся въ сторону Тараръ и отчаянно замахалъ на него руками, жестами приказывая ему замолчать.

Но было слишкомъ поздно. Потрясая колокольчикомъ въ воздухъ, предсѣдатель обратился къ подсудимому съ вопросомъ:

— Значить, вы признаете, что вамъ была извѣстна связь вашей жены съ господиномъ Фіорика?

— Господинъ предсѣдатель,—вскочилъ съ мѣста защитникъ,—
позвольте! Этого я... я...

— Что, вы?—перебилъ, горячася, предсѣдатель,—я долженъ, наконецъ, выяснить дѣло!

— Я протестую против такой постановки вопроса, господин председатель!

— Не имѣте права протестовать, господинъ защитникъ, слѣд-
ствіе веду я!

— Въ такомъ случаѣ я слагаю тогу!

— Да что вы, господинъ защитникъ! Вы серьезно? Вѣдь самъ подсудимый сейчасъ призналъ...

— Нѣтъ, синьоръ! Онъ пока ничего еще не призналъ, синьоръ председатель. Онъ лишь сказалъ, что, по его мнѣнію, синьора Фіорика не должна была затѣвать скандала передъ его домомъ.

— Отлично! А теперь неужели вы мнѣ запретите спросить подсудимаго, зналъ ли онъ про связь своей жены съ господиномъ Фіорика?

При этихъ словахъ въ залѣ поднялась настоящая буря; всѣ заволновались, быстрыми, энергическими жестами показывая Тарарѣ, чтобы онъ отвѣчалъ отрицательно. Предсѣдатель пришелъ въ ярость и вторично пригрозилъ всѣхъ вывести.

— Отвѣчайте же, подсудимый Ардженто, вы знали о поведе-
ніи вашей жены?

Тарара, сбитый съ толку, ошеломленный, взглянул на защитника, взглянул на публику.

— Сказать... сказать, что не зналъ,—бормоталъ онъ, запинаясь.

— Э, болванъ!—крикнулъ старикъ-крестьянинъ съ другого конца зала.

Молодой адвокат ударилъ кулакомъ по столу и, фыркая, пересѣлъ на другое мѣсто.

— Говорите правду, въ вашу же пользу!—наставительно пояснилъ председатель.

— Эччеленца, я буду говорить правду,—сказалъ тогда Тараръ, приложивъ къ груди обѣ руки.—А правда вотъ какая было такъ, будто я ничего не знаю! Потому что дѣло было.

слушаюсь, эччеленца, я обращаюсь къ присяжнымъ... потому что господа присяжные, дѣло было крытое, и никто не могъ мнѣ сказать въ лицо, что я про то знаю. Я такъ говорю оттого, что живу въ деревнѣ, господа присяжные. Что можетъ знать бѣдный человѣкъ, который въ потѣ лица трудится на полѣ всю недѣлю съ ранняго утра до поздняго вечера? Такое несчастіе со всякимъ случиться можетъ! Конечно, приди ко мнѣ кто-нибудь въ поле да скажи: Тараръ, твоя жена съ бариномъ пошаливаетъ, тогда мое дѣло было бы бѣжать домой съ топоромъ... вѣрно я говорю, эччеленца! Но мнѣ этого никто никогда не говорилъ, а я, на всякій случай, если иной разъ и случалось среди недѣли вернуться въ село, всегда посылалъ кого-либо впередъ предупредить жену. Видите, значить, эччеленца, что у меня не было на умѣ никому дурного сдѣлать. Мужчина, извѣстно, каковъ, и баба—на то она баба. И ежели мужчина долженъ принять во вниманіе, что баба по натурѣ своей измѣняетъ, даже когда ей не приходится оставаться одной безъ мужа всю недѣлю; и баба, въ свою очередь, должна принять во вниманіе мужа, должна понимать, что мужъ не можетъ допустить, чтобы ему въ лицо плевали! Иная обида... слушаюсь, господинъ предсѣдатель, я господамъ присяжнымъ говорю... иная обида не жжетъ, а рѣжетъ человѣка! И мужчина не долженъ ее стерпѣть! Вѣдь я-то, баринъ, знаю, что ея душа несчастная всегда обо мнѣ помнила, истинно говорю, и я у нея никогда волоса на головѣ не тронулъ. Всѣ сосѣди показать могутъ! Чѣмъ же я, господа присяжные, виноватъ, ежели эта синьора вдругъ... Вотъ, господинъ предсѣдатель, вы бы ее сюда позвали, синьору эту, и пусть она мнѣ отвѣтъ держитъ; я бы зналъ, какъ съ ней говорить! Нѣтъ хуже... Я вамъ говорю, господа присяжные, нѣтъ хуже безпокойной жены! Если бы вашъ мужъ,—я бы такъ сказалъ этой синьорѣ, будь она здѣсь,—если бы онъ съ дѣвицей сошелся, вы, барыня, вольны были бы, ежели вамъ это нравится, скандалъ учинить, потому что въ такомъ случаѣ мужъ не замѣшанъ. А кто вамъ, сударыня, далъ право меня безпокоить, когда я никого не безпокоилъ, въ сторонѣ держался, не хотѣлъ ни знать, ни видѣть! Я, господа присяжные, съ утра до ночи надрывался въ полѣ изъ-за куска хлѣба! Вы, барыня, шутите?—я бы ей сказалъ, будь она здѣсь передо мною. Для васъ что значить этотъ скандалъ? Пустяки! Шутка! Черезъ два дня вы, того гляди, съ мужемъ помирились. А не подумали вы, сударыня, что въ этомъ дѣлѣ другой мужъ замѣшанъ? Что другой-то мужъ допустить не можетъ, чтобы надъ нимъ люди издѣва-

лись, а за себя постоять долженъ? Если бы вы, барыня, сперва ко мнѣ пришли предупредить, я бы вамъ сказалъ: „брось, барыня! На то и мужчина! Мужчина, извѣстно, хищный! Какъ вы, барыня, можете обижаться на грязную крестьянку? Баринъ съ вами всегда ѣстъ булку тонкую, французскую; вы бы его пожалѣли, что ему иногда хочется простого хлѣба, черного, черствого!“ Вотъ какъ бы я ей сказалъ, господинъ предсѣдатель, и, пожалуй, ничего бы не случилось изъ всего того, что случилось—не по моей, а по ея винѣ.

Предсѣдателю вновь пришлось долго звонить, чтобы прекратить шумъ, смѣхъ, восклицанія, поднявшіеся, когда Тарарѣ кончилъ говорить.

— Таково, стало быть, ваше показаніе?—обратился въ заключеніе предсѣдатель къ подсудимому.

Усталый, вспотѣвшій Тарарѣ отрицательно качнулъ головою.

— Нѣтъ, синьоръ! Какое тамъ показаніе? Это суцая истина, господинъ предсѣдатель!

И на основаніи столь непосредственно высказанной истины Тарарѣ приговорили къ тринадцати годамъ тюрьмы.

Перев. Ольга Кобылянская.

БѢЛЫЙ СЛОНЪ.

I.

На самомъ выѣздѣ, почти рядомъ съ вокзаломъ, были въ городѣ номера „Гельголандъ“. Внизу комнаты въ рубль, повыше въ полтинникъ, а надъ ними во всю ширину дома шла одна большая подчердачная комната, раздѣленная перегородкой на мужскую половину и на женскую; углы отъ окошка въ этой комнатѣ шли подороже, углы черные—подешевле.

— Не рушь стѣнокъ, Дунюшка, не безчесть балконъ гадами, голыми дѣвками да звѣрьемъ,—наказывала, умирая, старой дѣвущкѣ Евдокіи Вараксиной ея маменька. И вотъ, какъ ни разбѣгались у Евдокіи глаза на такъ называемый „стиль модернъ“, которымъ наперебой расцвѣтился весь городъ, какъ ни соблазнялъ сосѣдній балконъ съ богомъ моря, занесшимъ трезубецъ надъ головою прохожихъ, она не рушила воли покойной. Только всего и перемѣны, что по совѣту Арсенія Половенскаго, почти архитектора, ученика мѣстной школы, домъ пущенъ подъ нумера съ названіемъ „Гельголандъ“. Арсеній увѣрилъ, что такъ было и образованно и не навязло въ ушахъ, какъ разные тамъ „Метрополи“ да „Грандъ-Отели“.

Двѣ громадныхъ рекламы: калоша лѣтняя и калоша глубокая, зимняя, упирались съ обѣихъ сторонъ прямо въ крышу гостиницы, а кругомъ шло свободное поле съ высокой травой, съ неподвижными, будто врытыми въ землю, коровами и барашками, похожими издали на дешевыя игрушки. И рядомъ съ бакалеей, съ двухцвѣтной портерной и съ трезубцемъ, нацѣленнымъ на прохожихъ, „Гельголандъ“ былъ такъ особенно милъ своей скромностью, что жить въ него попадали все люди хорошіе: если мужчина—значить непьющій, а женщины среднихъ лѣтъ, безъ малѣйшаго визгу и сплетни.

Внизу, кромѣ самой Евдокіи Вараксиной, двѣ вдовы капитанши: обѣ живутъ на пенсію. Дальше, бывшая классная дама столичнаго института, мадемуазель Топоркова, занимала одна съ обезьянкой и горничной цѣлыхъ три комнаты.

— Я того мнѣнія,—говорила она,—что дамѣ изъ общества не-сравненно приличнѣе держать при себѣ не собачку, а обезьянку: обезьянка по улицѣ бѣгать не станетъ, обезьянка всегда прикрытая, въ красныхъ штаникахъ, въ безрукавкѣ, только хвостъ голый...

Евдокія Вараксина какъ нельзя больше довольна этажомъ благородныхъ; и деньги-то вѣ-время платятъ, и при встрѣчѣ привѣтствія: каково поживаете? какъ ваше здоровье?

А старичокъ-чиновникъ, который приходитъ пить чай въ гости съ собственнымъ вареньемъ, тотъ къ новому году изъ засушенныхъ цвѣтовъ абажуръ склеилъ, да со стишкомъ и поднесъ: „представьте, что самъ амуръ сей склеилъ абажуръ!“

Но что чиновникъ! Въ этажѣ благородныхъ мастерская са-мого Арсенія Половенскаго: красивый, стрижется бобрикомъ и кончаетъ съ золотой медалью. Предложеніе недавно сдѣлалъ: „это говоритъ ничего, что я молодой, я умный; мнѣ, говоритъ, зданія строить надо, мнѣ не по вѣтру ваши деньги пускать!... Этажъ пріѣзжающихъ тоже не плохъ: и купцы, и священники, и помѣщица съ дочкой, одни уѣдутъ, другихъ вмѣсто себя при-шлютъ.

Зато подчердачные, мужская половина и женская—одни стра-хи: а вдругъ крышу сожгутъ, а вдругъ деньги просрочатъ, а вдругъ дебошъ какой сдѣлаютъ? Имъ терять нечего—голытьба.

Въ подчердачной комнатѣ пока было немного жильцовъ: на женской половинѣ бѣлошвейка Липочка съ теткой Егорьевной, да бухарецъ Абдуль-Ахматъ, да газетный критикъ Вербинскій.

Этотъ Вербинскій еще не такъ давно помѣщался гораздо при-личнѣй; тогда онъ писалъ по столбцу въ газетахъ о томъ, какъ играли въ театрѣ и что такое случилось на улицѣ. Но съ тѣхъ поръ какъ Вербинскій замыслилъ писать свою собственную книгу, его столбецъ появлялся въ газетѣ все рѣже и рѣже, самъ онъ изъ хорошей комнаты перешелъ въ худшую, а тамъ, глядишь, попалъ и въ углы, какъ разъ противъ бухарца Абдуль-Ахмата, который всю свою жизнь, до одного несчастнаго случая, былъ поводыремъ при слонахъ. Какъ иныя собаки, оттого что онъ долго живутъ при людяхъ, въ концѣ-концовъ чело-вѣчатся, такъ и этотъ бухарецъ будто бы ослонѣлъ: изъ-подъ тюбетейки алаго бархата у него торчали огромныя уши, каріе глазки терялись

въ жирныхъ морщинахъ, а надъ чахлою бороденкою огурцомъ свисалъ носъ.

Самая богатая въ подчердачной комнатѣ была Егорьевна: она владела большимъ самоваромъ и чайной посудой. Днемъ, набѣгавшись съ утюгами, разглаживая работу племянницы, старуха любила въ вечеру побесѣдовать и собирала всѣхъ угловыхъ къ деревянному, чисто выскобленному столу.

— Размотай съ себя тряпки, съ лимономъ чай нонче,—кричала она въ уголь бухарцу.—И ты, Липочка, и вы, сударь, пожалуйста!

Вербинскому Егорьевна наливала первому, подавала съ поклономъ, а бухарца хоть и жалѣла больше всѣхъ за то, что зябъ,—когда съ нимъ говорила, все будто ругалась; и не отъ злобы, а такъ, больше для порядку, чтобъ, разлѣнившись, на шею не сѣлъ, да чтобъ клоповъ не развелъ.

Абдулъ-Ахматъ, съ тѣхъ поръ какъ переселился въ „Гельголандъ“, чтобы какъ-нибудь прокормиться, таскался съ мѣшкомъ въ подворотни и кричалъ не своимъ голосомъ:

— Халатъ, халатъ, стары вещи!

Но въ холодъ и вьюгу съ больными ногами ходить было трудно, и, кутаясь въ свои непроданные тряпки, бухарецъ сидѣлъ въ углу пестрымъ чучеломъ, охая отъ ревматизмовъ. На призывъ Егорьевны онъ оживлялся, бережно раскручивалъ съ себя „товаръ“—нѣсколько паръ военныхъ брюкъ—и, сложивъ ихъ въ хламовникъ, бѣжалъ рысцой, шлепая туфлями, къ самовару.

Сегодня всѣ были въ сборѣ; худой Вербинскій съ нависшимъ чубомъ молча глоталъ чашку за чашкой, а Липочка сидѣла въ единственномъ мягкомъ креслѣ, вытянувъ на колѣни свои тонкіе, иглой поколотые пальцы, и смотрѣла въ окошко на звѣзды. У Липочки голубые глаза и волосы русые, гладкіе, на рядъ; когда не работаетъ, она всегда такъ сидитъ и молчитъ; если же заговорить, то негромко, протяжно, словно дитя баюкаетъ.

— А для васъ пріятная новость, Абдулъ-Ахматъ!—сказалъ Вербинскій.—Проѣздомъ здѣсь новый звѣринецъ, и хозяинъ ищетъ поводыря.

— Слонъ?—спросилъ хрипло бухарецъ.

— Два изъ Африки, съ кенгуру и пантерой.

— Зачѣмъ изъ Африка слонъ—говоришь? Африка нѣтъ слонъ, Африка сѣрый свинья, только Индія слонъ... Балабашъ бѣлый былъ, слонъ былъ.

— Бѣлый слонъ—животная млекопитающая, и сѣрый такая-жъ,—вмѣшалась Егорьевна.—Не все-ль тебѣ равно, за какимъ подбирать.

— Какъ все равно, совсѣмъ разница!—огорчился бухарецъ.— Балабашъ родной былъ, старшій братъ былъ... совсѣмъ боленъ, а хоботь змѣей, къ себѣ обнялъ, у сердца держалъ, какъ чело-вѣкъ: прощай, Абдуль-Ахмать, говорилъ...

— Отчего сдохъ Балабашъ?—спросилъ Вербинскій.

— Я на родину немного ѣхалъ, хозяинъ слону нѣмца бралъ; что нѣмецъ слону? Дрова кралъ, не топилъ, простудилъ... Хо-зяинъ убытки понесъ. Теперь сѣрой свиньѣ отопленье—а она что за это?—хвостъ шататать? носъ подымать?

— А всетаки тебѣ было грѣхъ животную обижать,—прозуди-ла Егорьевна.

— Чего обижалъ? Подмету—вѣникъ брошу, свинья не чих-нетъ, прочавкаетъ, еще подъ клыки навернетъ, запасъ дѣлаетъ. Отчего Балабашъ вѣникъ не кушалъ? Я разъ уснулъ—свинья сапоги посымала, закинула, тубетейку сжевала, на морду мнѣ наплевала. А Балабашъ когда выдалъ? Ну водку выпьешь,—Ба-лабашъ сѣномъ покроетъ, хозяину разбудить не даетъ... Охъ, охъ, какой слонъ! Бѣлый слонъ!

— Балда ты, бухарецъ, право, балда,—покачала головой Егорь-евна. — О животномъ позабыть не можешь, добро бы иное что, какъ у Липочки у моей въ Соловецкомъ.—Старуха подмигнула Вербинскому.—И сейчасъ небось о томъ думаетъ...

— Красиво въ Соловецкомъ?—повернулся къ Липочкѣ Вер-бинскій.

Липочка съ удивленьемъ посмотрѣла на него, будто только проснулась, но сейчасъ же охотно отвѣтила:

— Тамъ травы-цвѣты, какихъ нигдѣ не увидишь. Я тропи-ночкой въ церковь иду, промежъ нихъ заблудилась, а тутъ стран-ничекъ: какъ, говорю, отче, въ церковь пройти? звонъ слышать, ку-пола видать, за цвѣточной стѣной хода нѣтъ, а цвѣты топтать жалко. А мнѣ странничекъ: у насъ не потопчешь, у насъ мо-литвы кругомъ, золотая, молитвою воздухъ сильный, опять къ небесамъ цвѣтъ подыметъ. Вотъ по цвѣтикамъ ты пройдишь-обер-нись. Ну что-жъ—цвѣты въ ростъ мой, щеки щекотятъ, назадъ гля-нула—другъ за дружкой поднялись, словно колось, когда вѣтеръ идетъ по овсамъ.

— Да ты что про цвѣты, ты бы, Липочка, про монаха! — на-помнила Егорьевна.

Липочка вскинула глаза на тетку и, покраснѣвши, продол-жала:

— Старичка того уже нѣтъ, а предо мной церковка неболь-

шая съ площадкой; земляныя сидѣнья на площадкѣ устроены, въ нихъ старцы-монахи сидятъ, посреди кресло красное, тамъ игуменъ. А передъ всѣми, какъ въ полѣ березка, монашекъ такой тонкой изъ древней книги читаетъ „житіе“. Самъ молодой, отъ молитвъ да постовъ лицо бѣлое, а волосы изъ-подъ бархатной шапочки зонтикомъ, зонтикомъ... Я какъ глянула—онъ мнѣ въ душу и вѣлся: стою—не дышу. И онъ глянулъ, взмахнулъ вѣками и опять въ свою книжку; покраснѣлъ самъ, а въ рукахъ листъ древній такъ и дрожить... Чтеніе это у нихъ такое мужское, женщинамъ невозможно на него приходить. Залился монахъ краской и выдалъ меня: всѣ, какъ одинъ, клобуки обернулись. И не смотря старцы, а будто насквозь видятъ. Слова мнѣ ни одинъ не сказалъ, такъ одними глазами прогнали. Стыдно мнѣ сдѣлалось, сжалась комочкомъ и вонъ—ужъ бѣжала, бѣжала...

— Это тебѣ такъ привидѣлось, милушка,—сказала Егорьевна.— Старцы—совѣтъ да порядокъ, а молодой—искушеніе.

— Забыть его мнѣ нельзя. Вотъ что главное,—вздыхнула Липочка.—Въ сердце мнѣ вѣлся. Швейцаръ Максютинъ сколько сватался, а я не могу...

— Монахъ сюды не пріѣдетъ, ты къ монаху не поѣдешь, другой разъ не встрѣтишь — забудь! — сказалъ ласково Абдуль-Ахмать.

— Ишь совѣтникъ,—проворчала Егорьевна.—Самъ слона тычетъ каждому, не забудешь небось, а тутъ у Липочки человекъ... А и не было его вовсе, того монашка, вѣрь мнѣ, дѣвушка, вѣрь старухѣ. Тятенька покойный въ Соловецкое тоже ѣздилъ, такъ совсѣмъ про иное рассказывалъ. Повели ихъ предъ всенощнымъ бдѣніемъ въ коридоръ, значить къ схимникамъ... такъ имъ эта схема потомъ и мечталась—всѣхъ грѣховъ отпущеніе; только нѣтъ, въ своемъ въ мучномъ лабазѣ скончались, царствіе имъ небесное!—Егорьевна перекрестилась.—Да, такъ коридорчикомъ повели, а онъ узенькій, тучному, безъ сомнѣнія, въ немъ застрять. Слава Богу, говорили тятенька, что я съ тѣла спалъ, напостился передъ богомолемъ, а то быть бы скандалу! Ну, а въ коридорчикѣ, конечно, окошки справа и слѣва: что ни окошко, за нимъ пѣтухъ въ клѣткѣ и схимникъ. Такъ и пищу даютъ обоимъ разомъ: пѣтуху монахъ зерна сыплеть, а ужъ схимнику просфору... Какъ пѣтухъ закричитъ—схимникъ шастъ на колѣни, за Петра за апостола молится да свои, если который не забылъ, прегрѣшенія поминаетъ,—старцы вѣдь!

— Чего старику въ клѣткѣ пѣтухъ, а не курица?—спросилъ бухарецъ.—Курица неслась бы ему, яичницу кушалъ бы.

— Курицу да въ монастырь? Ахъ ты...—разсердилась Егорьевна,—мусульманъ! Ишь, въ халатахъ взопрѣлъ, ложись къ себѣ въ уголь, керосинъ даромъ травите...

II.

Вербинскому было скверно. Уже изъ третьей редакціи пріятель бралъ непринятую рукопись и заказной бандеролью высылалъ ему обратно.

— Чортъ знаетъ,—ворчалъ Вербинскій, шагая по городу,—хоть бы учащейся молодежи прочесть, только гдѣ же? Въ гимназію и соваться не стоитъ; съ улицы не возьмутъ, да и пиджака нѣтъ приличнаго, да и сюртукъ давно съѣденъ въ нормальной столовой.

Вдругъ Вербинскій припомнилъ, что на томъ концѣ города ему какъ-то на-дняхъ метнулась въ глаза ярко-зеленая вывѣска съ красными буквами: „Универсаль“, заведеніе американскаго типа.

„Быть можетъ, предпріимчивый культуртрегеръ, — подумалъ Вербинскій,—быть можетъ“...

Парадную дверь неказистаго дома открылъ ему самъ Скоробеевъ, учредитель „Универсала“. Былъ онъ въ черной рубахѣ, подпоясанъ ремнемъ, и, прежде чѣмъ впустить позвонившаго, выставилъ волосатую голову и улыбнулся: чего вамъ?

— Я по искусству, я критикъ, — смутился Вербинскій, — хотѣлъ бы прочесть у васъ лекцію...

— Съ величайшимъ удовольствіемъ, дорогой мой, съ величайшимъ, пожалуйста.

Вербинскій вошелъ въ переднюю, а Скоробеевъ нажалъ кнопку и крикнулъ:

— Вивія Ивановна, Вассушка, Петръ Вавилычъ!

— Для чего кричите-то?—появилась грязно одѣтая босая Вассушка.—Переплетную въ рисовальную повернуть не успѣемъ, нагажено всюду.

— А рисовальный художникъ сказали, — процѣдила сквозь длинные желтые зубы другая „чистая“ горничная, Вивія Ивановна,—они сурьезно сказали, ежели будетъ анти-са-ни-тар-но, они совсѣмъ отъ вашего заведенія уйдутъ...

— Вздоръ изволите говорить, — покраснѣлъ Скоробеевъ, — вы бы лучше, сударыня, натюрморты поставили: лукъ, морковь, сураки... У насъ, знаете, все живое, — повернулся онъ къ Вербинскому, — у насъ символы къ чорту, у насъ Зевсъ метафора...

— Натюрму всю ребята пожрали, — прервала простодушная Вассушка, — отъ морквы одинъ хвостъ.

— Но гдѣ Леонидъ, гдѣ надзиратель? — закричалъ Скоробеевъ... — Чего онъ смотритъ?

— Въ полпивной вашъ Леонидъ, — буркнулъ изъ закрытой двери чей-то сердитый голосъ.

— Ученый столяръ Петръ Вавилычъ Глотай, — прошепталъ Скоробеевъ Вербинскому, указывая на закрытыя двери.

„Ну, здѣсь лекціи не прочтешь“, — подумалъ Вербинскій и схватился за шляпу.

Но Скоробеевъ умоляюще посмотрѣлъ сквозь очки большими добрыми глазами и заговорилъ, прерываясь и кашляя:

— Разумѣется, мой неожиданный цѣнитель, дѣло у меня молодое, оно не налажено, но идея-то, а ремесло и искусство...

— Нельзя ли куда-нибудь двинуться изъ передней? — сказалъ Вербинскій.

— Ахъ, простите, безцѣнный, Бога ради простите, какъ это я упустилъ...

Скоробеевъ ухватилъ руку критика, улыбался ему въ лицо и опять суетился, подтягивая свисшія брюки: — Пойдемте, голубчикъ, пойдемте.

Вербинскій далъ себя протащить по пустымъ комнатамъ, гдѣ наваленъ былъ разный хламъ: подрамки и ноты, кадочка съ глиной, токарный станокъ и разбитая тыква.

— Должно быть, „натюрма“, — улыбнулся невольно Вербинскій.

— У меня тутъ отдѣлы: столярный, орнаментъ, еще бухгалтерія, фотографія и счетоводство, — торопился Скоробеевъ.

— Чудеса! — удивился Вербинскій. — Гдѣ-жъ это все помѣщается?

Скоробеевъ, такъ же внезапно, какъ все, что онъ дѣлалъ, выпустилъ руку Вербинскаго, подошелъ къ шкафику, досталъ графинчикъ и налилъ двѣ рюмки.

— Гдѣ это все помѣщается, желаете знать? Иными словами, отдѣловъ безъ счета, а комнатъ котъ наплакалъ? Э-эхъ, выпьемъ, родимый!

Вербинскій замѣтилъ, что у Скоробеева сильно дрожить въ пальцахъ рюмка, что помято и припухло лицо его, а непрестанно спадавшія брюки кончаются бахромой, и съ тоскою подумалъ: „ну и Америка-жъ, чортъ побори!“

— Къ чему-жъ у васъ вывѣска? — не удержался онъ. — Красныя буквы „Универсаль, заведеніе“.

— Усмиритель змѣй, онъ же огнеѣдъ! — подхватилъ Скоробеевъ. — Видали, другъ, объявленіе въ балаганахъ на вербѣ, ха-ха... вотъ и я, какъ они — „Универсаль“. Но, скажите, любезный, гдѣ

же имя у Онисима Скоробеева? Гдѣ миллионы его? Была тысяча для начала, да вся и сплыла. А не крикнешь, родимый, песъ не залаетъ. Вотъ и вышло: Америка здѣсь, входъ двугривенный... Но вѣдь какая идея, какая, милѣйшій!

И, шагнувъ къ гостю, усѣвшемуся, наконецъ, на подоконникъ, Скоробеевъ выкрикнулъ:

— Не американская, другъ, она, а бездонная, міровая идея—оздоровленіе проболѣвшаго человѣчества, вотъ что зовется „Универсаль“!

Вербинскій смотрѣлъ на оконные переплеты, на фонари, которые, будто любопытные мальчики, заглядывали въ окошки, и было ему какъ-то все, все равно: больше посылать рукопись некуда, а до учащейся молодежи когда тамъ еще доберешься. Но уходить не хотѣлось: Скоробеевъ чѣмъ-то понравился и теплѣй у него, чѣмъ въ подчердачной комнатѣ „Гельгоlanda“.

„Можетъ, отъ водки,—подумалъ Вербинскій,—давно не пилъ“.

И, чтобъ заставить еще говорить Скоробеева, а самому сидѣть молча, онъ спросилъ:

— Чѣмъ же думаете оздоравливать современное человѣчество?

— Трудомъ, другъ, продуктивно-разнообразнѣйшимъ,—загорѣлся немедленно Скоробеевъ.—Въ этомъ физика, метафизика и пророки, да, да... ибо незнакомство съ здоровой дѣйствительностью есть главнѣйшій провалъ человѣчества, а Россіи особенно.—Отсюда пугливо-позорное: придите владѣть... отсюда самоубійства, безумія и мало ли что? Послѣ „Универсала“ долой катарры, курсистка не выпьетъ эссенціи. Нѣтъ уроковъ,—сошьютъ чемоданъ, настругаютъ комодовъ. У меня, другъ, въ каждой комнатѣ кинематографъ: ученый сапожникъ, переплеты, столярное, сейчасъ вотъ художникъ. Эхъ, другъ, если-бъ не бѣдность! Взять бы домище страшный, до самого неба, и всѣмъ двери настежь—только пожалуйте: и пригородъ, и деревня...

Трескъ неистовыхъ звонковъ прервалъ Скоробеева.

— Богъ мой! публика, ученики...—схватился онъ за голову,—а въ большой комнатѣ лужи; сдуру я бѣлошвеекъ пустилъ, старинныя кружева мыли. Натюрморты поѣдены, всюду топоръ хоть повѣсь... Да гдѣ-жъ я имъ, чортъ побери, кислороду добуду? Батюшка, пособи́те, дѣло новое, не налажено, но идея-то? „Универсаль“!

— Идея хорошая,—сказалъ Вербинскій,—только, право, не вижу, чѣмъ могу вамъ помочь.

— Да вы пиджакъ-то снимите, родимый, работа вѣдь черная.

И, всунувъ въ руку Вербинскаго тряпку, Скоробеевъ провелъ

его въ комнату, которой тотъ еще не видалъ. Тамъ на подставкахъ, какія употребляются для вышиванія въ пальцахъ, стояли небольшія корытца съ грязной водой, на полу были лужи, а у стѣнокъ помойныя ведра.

Вербинскій спустилъ на полъ тряпку, тряпка вобрала въ себя лужу, стала сразу тяжелая, и онъ не зналъ дальше, что ему съ нею дѣлать. Вербинскій позабылъ о своихъ неудачахъ и думалъ только о томъ, какъ бы не вымочить панталонъ.

А звонки, отдохнувъ, подняли новую трескотню.

— Вассушка, Вивія Ивановна, Леонидъ! — надрывался Скоробеевъ.

Дверь въ комнату столяра пріоткрылась. Изъ-подъ нависшихъ бровей глянули острыхъ два глаза, а ротъ, оставшійся за дверями, пробасилъ, безпощадно чеканя слова:

— Леонидъ въ пол-пив-ной, дѣ-ви-цы на улицѣ.

Звонки вдругъ умолкли, но взамѣнъ ихъ слышались въ дверь такіе удары, будто ломился разсерженный конь.

— Откройте имъ, батюшка, охъ, откройте, двери съ петель сорвутъ!

Вербинскій пошелъ открывать, почему-то волоча за собой набухшую тряпку.

Молодежь ввалилась въ переднюю, смѣясь и толкая другъ друга: гимназисты, реалисты, барышни съ косами, съ муфтами...

Взглянувъ на Скоробеева съ корытцемъ въ рукахъ, на Вербинскаго съ мокрой тряпкой, такъ и взвизгнули; кто бухнулся на полъ, кто шлепалъ по лужамъ, кто брызгался мыльной пѣной. Впрочемъ, радостно и немедленно освободили отъ корытъ Скоробеева.

А онъ улыбался и, все еще раздвинувъ руки, будто держалъ въ нихъ свое корыто, говорилъ растроганный:

— Дорогіе мои, дорогіе...

Черезъ недѣлю Вербинскій опять подходилъ къ „Универсалу“. Онъ такъ сильно наголодался, что рѣшилъ было окончательно бросить мечты о своей собственной книгѣ и писать снова въ газетахъ—о томъ, кто какъ спѣлъ и сыгралъ, и что такое случилось на улицѣ. Но, вспомнивъ о Скоробеевѣ, онъ подумалъ: „а что если интеллигенція отозвалась, если расширено помѣщеніе, если подобрались идейные помощники? затѣя-то вѣдь хорошая! И чего добраго та самая молодежь, что недавно смѣялась надъ моей тряпкой, съ интересомъ прослушаетъ „Стиль и религія“.

И Вербинскій снова шагаль въ другой конецъ города къ Ско-

робееву. Вотъ уже близко, вотъ ужъ должны бы порадовать глазъ красныя буквы зеленаго поля—„Универсаль—заведеніе американскаго типа“. Но вывѣски надъ дверью нѣтъ, ее, снятую и перевернутую наизнанку, держать ученый столяръ и самъ Скоробеевъ. Столяръ нахлобучилъ мохнатую шапку на брови, а брови на глаза и выкручивалъ застрявшіе въ дыркахъ винты, а Скоробеевъ былъ, какъ опущенный въ воду.

— А, художественный критикъ! мое почтеніе,—протянулъ онъ руку, подставляя подъ вывѣску коленно,—а „Универсаль“—то того... прогорѣлъ.

— Что такъ?—смутился Вербинскій.

— Матеріальная сторона, что подѣлаешь! Ну и сотрудники... Леонидъ-то, представьте, руководитель отдѣловъ—всѣ пособія прокутилъ.

— Пойдемте,—сказалъ хмурый Глотай.

— Куда вы?—спросилъ Вербинскій.

— Вывѣску тутъ къ старушкѣ къ одной занести, а самъ-то ужъ и не знаю, родимый, самому будто некуда.

— Приходите ко мнѣ въ „Гельголандъ“,—нечаянно сказалъ Вербинскій,—проживемъ какъ-нибудь, только, собственно говоря, цѣлой комнаты нѣтъ; кромѣ насъ съ вами, тамъ уже есть бухарецъ, а за перегородкой двѣ женщины...

— Иными словами углы, мой милѣйшій!—прервалъ повеселѣвъ Скоробеевъ,—ну, что-жъ, углы такъ углы, вотъ только вывѣску отнесу. Слыхали, Глотай, углы въ номерахъ „Гельголандъ“!

— Идемте,—сказалъ угрюмо столяръ,—тамъ на ночь глядя не пустятъ, не вашъ, чай, базаръ.

— Я иду, я иду,—подхватилъ свой конецъ Скоробеевъ.—Но все-таки почему столь необычно: „Гель-го-ландъ“?

Столяръ рѣшительнымъ шагомъ завернулъ въ переулокъ. Скоробеевъ, не попадая въ ногу, кому-то кланяясь и спотыкаясь, семенилъ за нимъ слабымъ шажкомъ, и казалось, онъ только держался за вывѣску, а несъ ее одинъ Глотай.

Вербинскій смотрѣлъ имъ въ спины, пока они не исчезли въ какой-то подвальной квартирѣ, и тихо поплелся домой.

III.

Скоробеевъ какъ нельзя болѣе подошелъ къ подчердачной комнатѣ Гельголанда. Уголъ взялъ онъ себѣ темный, противъ Вербинскаго, но бухарецъ охотно пускалъ и къ окошку. А своимъ собственнымъ чаемъ до десятаго пота поила Егорьевна, ко-

торой Скоробеевъ наминалъ чѣмъ-то папеньку, того самого, что на Соловкахъ взысканъ былъ схимникомъ.

И Абдуль-Ахматъ полюбилъ Скоробеева; цѣлый день говорилъ ему о слонахъ, о мечтѣ своей попасть снова къ бѣлому, а не къ слону свинской, африканской породы.

И Скоробеевъ до того увлекся бухарцемъ, что послалъ письмо о немъ въ консульство, съ прибавкой въ постскриптумъ отъ себя: Абдуль-Ахматъ поводырь-идеалистъ, а это въ странѣ Браммы и Будды не должно быть безразличнымъ...

Липочка рассказала про своего монаха и про то, что къ ней сватается вотъ ужъ который мѣсяцъ швейцаръ изъ сосѣдняго дома, гдѣ подъ балкономъ богъ моря держитъ трезубецъ, а у нея сердце все ждетъ такого, какъ вышло разъ въ Соловкахъ.

— Самъ монахъ, дяденька, тотъ высокій, лицо бѣлое, а волосы зонтикомъ, зонтикомъ...

— И жди, дѣвушка, жди,—говорилъ Скоробеевъ,—когда еще разъ случится такое, ну тогда что-жъ, иди... а не случится—не надо, и такъ проживешь. А швейцара того гони, дѣвушка, въ шею.

Какъ-то бухарецъ вернулся нахмуренный, въ халатъ кутается.

— Опять къ слону нанимаютъ, съ кенгурой и съ пантерой...

— Ништо бѣлый?—оживилась Егорьевна.

— Сѣрый слонъ, свинскій слонъ, изъ Африки слонъ, десять рублей, съ нею спать, харчъ хорошій...

— Не иди, если сѣрый, удержишь, бухарецъ,—сказалъ Скоробеевъ,—возненавидишь опять, развѣ что Балабаша забылъ?

— Кто забудетъ—я помню,—огрызнулся бухарецъ и пошелъ скорѣй въ уголъ, не въ свой свѣтлый, а въ скоробеевскій темный, сѣлъ на матрацъ, поджалъ по-своему ноги.

— Если насмѣшки надъ ней будешь строить, вѣдь грѣхъ,—сказала Егорьевна,—безсловесная вѣдь она, млекопитающая... А у тебя сердце къ бѣлому!

— А намъ безъ сердца-то крышка,—прервалъ Скоробеевъ,—только этимъ и держимся. Мнѣ, братецъ, можно мѣсто достать одно и другое, а не жажду—Универсаль въ головѣ. А Вербинскій—тотъ свой грабежный столбецъ послалъ къ чорту, у него, братецъ, „Стиль и религія“—ну что-жъ, терпимъ, и ты потерпи!

— Нѣтъ у меня сердца къ сѣрому, ахъ нѣтъ сердца,—ворчалъ въ углу бухарецъ и пугая таракановъ своей подвижной черной тѣнью, долго качался на пяткахъ, не то жалуясь, не то шепча молитву.

Вечеромъ пришелъ столяръ Глотай, какъ всегда мрачный и

чисто одѣтый; вынулъ молча изъ кармана бутылочку, пятокъ яблокъ, положилъ за самоваромъ.

— Спасибо, милѣйшій,—расплылся Скоробеевъ,—спасибо.

— Не всѣмъ раздѣвать васъ,—буркнулъ Глотай.

Егорьевна степенно исчезла на своей половинѣ, вынесла рюмку и кружечку: и мы не безъ посуды, дескать...

Но столяръ какъ внезапно явился, такъ и пропалъ.

— Мнѣ нельзя пить,—сказалъ бухарецъ,—на меня нѣтъ закона, чтобъ пить.

— А тебѣ хочется?—спросилъ Скоробеевъ, опрокидывая рюмку.—Говори правду, бухарецъ, разъ про законъ помянулъ—значить, хочется.

— Самъ знаешь,—сказалъ Абдуль-Ахматъ,—вино большую силу имѣетъ. Выпьешь, непріятность сейчасъ позабудешь; я изъ-за сѣрой законъ нарушалъ. Бутылочку выпьешь, она побѣлѣетъ, вторую возьмешь—Балабашъ станеть. А все-жъ грѣхъ оно!

— Охъ, бухарецъ,—сказалъ охмелѣвшій уже Скоробеевъ,—есть грѣхъ и грѣхи... нельзя, братецъ ты мой, цѣликомъ удержать всей души, невозможно сіе человѣку, что-нибудь да взорветъ и свершишь. Кто же всю душу удержать, тотъ неподвижность безгрѣшная, бревно святое, не про того сказано: ты судить будешь ангеловъ, ты, человѣкъ грѣхопадшій!

Скоробеевъ хотѣлъ продолжать еще, но вдругъ всталъ Абдуль-Ахматъ и, не выпуская изъ рукъ только что выпитой рюмки, страшно волнуясь, сказалъ:

— Не надо десять рублей, не надо слонъ изъ Африки... Пусть лучше совсѣмъ похудѣю.

— Уррра!...—закричалъ Скоробеевъ и схватилъ за руку Абдуль-Ахмата.

— Молодецъ, бухарецъ,—поблѣднѣла Липочка,—я вотъ тоже надумала: не пойду за швейцара Максютину. Пока не подступитъ къ душѣ, какъ Господь далъ въ Соловкахъ, вотъ и буду сидѣть дѣвушкой...

— Да здравствуетъ „Гельголандъ“!—еще громче прокричалъ Скоробеевъ.

— Человѣкъ ты душевный,—сказала вдругъ Егорьевна,—а зачѣмъ водку пьешь?

— Оттого пью, родимая, оттого пью, милѣйшая моя тетенька,—началъ Скоробеевъ, не выпуская изъ рукъ бутылку,—что мнѣ надлежитъ судить ангеловъ. Иными словами, удержать надо въ сердцѣ одну чистую точку-съ, преединую. И замѣтите, милѣйшая, оно вполнѣ безразлично, какъ именно сія точка име-

нуется: у вашей Липочки—монашекъ изъ Соловокъ и волоса у него зонтикомъ, у Вербинскаго „Стиль и религія“, Колумбу—Америка, Галилею—*e pur si muovo*, а все вмѣстѣ—не что иное, какъ бѣлый слонъ Балабашъ, изъ-за котораго голодный бухарецъ не идетъ жить къ слонихѣ. И да здравствуетъ Балабашъ!

— Великолѣпно, — сказалъ Вербинскій, вышелъ изъ своего угла и остановился передъ Скоробеевымъ. — Бѣлаго слона и я принимаю, только вотъ вѣдь исторія—кушать хочется.

Онъ вывернулъ пустые карманы.

— Въ одномъ вошь на арканѣ, въ другомъ блоха на цѣпи,—засмѣялась Егорьевна. — Ужъ бухара какъ-никакъ мы съ Липочкой до его до индѣйскихъ слоновъ просодержимъ, въ гостинецъ шаль обѣщается, ну а ужъ ты, батюшка, извини: никакъ съ собственной дури-то обнищаль. Изъ газетъ въ шею не гнали, ты-бъ писалъ да писалъ.

— Легче, тетенька, легче, его бѣлый слонъ для васъ недоступенъ. Идите себѣ по хозяйству,—сказалъ Скоробеевъ.

— У меня, другъ, рубли и копейки; предостаточно на двоихъ, а если вывѣску продадимъ — цѣлый мѣсяцъ роскошнаго содержанія. Потому выпьемъ, другъ!

Вербинскій и Скоробеевъ опрокинули рюмку за рюмкой,—последнее содержимое столяровой бутылки.

— Людоѣднаго вида Глотай мой, а парень-рубаха, — сказалъ Скоробеевъ и, окончательно опьянѣвъ, вспрыгнулъ на столъ, всплеснулъ руками и закричалъ, какъ кричатъ на улицѣ караулъ:

— Да здравствуетъ бѣлый слонъ, хвала угламъ Гельгоlanda! Въ честь бѣлаго слона дернемъ старинную нѣмецкую камерунъ-польку. Эй, бухарецъ, подхватывай, прямо въ хоботъ твоей африканской слонихѣ:

Wir brauchen keine Schwigermama-mama
Wir schicken sie nach Afrika-ka-ka!

И Скоробеевъ запрыгалъ на столъ, дирижируя пустой бутылкой.

— Ахъ, Боже мой, до чего неприлично!

Курносая дама открыла дверь въ подчердачную, выставила необъятную шляпу, но сейчасъ же подалась обратно, а вмѣсто нея вошелъ въ комнату самъ Арсеній Половенскій, почти архитекторъ.

— Милостивые господа и вы, сударыни,—сказалъ онъ не безъ свѣтской ироніи,—мадемуазель Вараксина, владѣтельница отеля „Гельголандъ“, честь имѣетъ просить всѣхъ васъ о выѣздѣ. Да-съ. Ибо домъ подлежитъ перестройкѣ окончательной, въ новомъ

стиль-съ, и эти углы, въ своемъ родѣ простодушнѣйшій анахронизмъ, замѣнены будутъ мансардами, какъ въ Парижѣ, въ quartier latin. И вообще мадемуазель Вараксина выходитъ за меня замужъ, а я—архитекторъ, вы поняли, я надѣюсь?

— Чего не понять?—сказалъ Скоробеевъ и, соскочивъ со стола, подошелъ къ архитектору.

— Можетъ, вы насъ и съ новымъ стилемъ оставите, а? Мой совѣтъ, голыхъ бабъ налѣпите снаружи — вотъ вамъ и новый стиль, а углы будемъ звать въ носъ, хоть по самому распарижскому: man-sard'ы.—Скоробеевъ вдругъ вспыхнулъ и гнѣвно подхватилъ кверху брюки:—А сѣзжать намъ, сударь, не-ку-да.

— Какъ вы смѣете?—взвизгнула вдругъ дѣвица Вараксина, раскрывая двери,—я не такая, чтобы украшать свой домъ голыми... Арсеній, скажите ему, у насъ будутъ богини, я забыла, какія, но скажите ему, онѣ обѣ одѣтыя, скажите ему...

— Успокойтесь, моя дорогая...

И рѣшительно, совсѣмъ хозяиномъ, архитекторъ еще разъ твердо сказалъ:

— Попрошу всѣхъ о выѣздѣ.

Арсеній Половенскій съ Евдокіей Вараксиной спустились подъ ручку внизъ по лѣстницѣ „Гельголанда“.

— Вотъ-те и бѣлый слонъ!—сказала тихо и злобно Егорьевна Скоробееву, —наплясалъ намъ бѣду. Жили тутъ безъ тебя, всѣ не пьющіе, не скандальники... Накричалъ, наплясалъ. Куды обратиться, куды тормозиться? Въ ночлежныхъ клопъ сѣсть, обжились тутъ...

И Егорьевна заплакала вдругъ слабымъ старушечьимъ плачемъ.

Вербинскій молча ходилъ взадъ и впередъ отъ окна до окна. Липочка, вытянувъ на колѣни свои руки и тонкіе, иголкой исколотые пальцы, смотрѣла на черный пустырь.

— Придетъ вашъ монахъ, чорта съ два!—сказалъ ей Вербинскій и, схвативъ шапку, выбѣжалъ.

— А и не было его вовсе, все привидѣлось, все приснилось,—сквозь плачъ скрипѣла Егорьевна.—Куды обратиться? куды тормозиться? Въ ночлежныхъ клопъ сѣсть.

— Клопу порошокъ сыпать можно,—сказалъ Абдулъ-Ахмать.—Порошка нѣтъ—раздавить можно. Съ одного мѣста гонять—на другое ходи...

— Бухарецъ,—сказалъ Скоробеевъ, моргая пьяными умиленными глазами,—бухарецъ, вы—и-де-а-листъ!

Ольга Форшъ.

М и р а.

Идея рока въ древней и новой трагедіи.

I.

Разнообразны и причудливы пути, по которымъ жизнь ведетъ человѣка въ царствѣ свѣта подъ лучами солнца; но для всѣхъ одинаковъ тотъ, по которому нѣкто его сводитъ въ царство мрака подъ оболочку земли. Тамъ игра возможностей, изъ которыхъ однѣ осуществляютъ, другія нѣтъ, въ зависимости отъ воли и силы человѣка, отъ воли и силы боговъ; здѣсь возможностямъ положенъ предѣлъ,—какъ бы мы ни трудились и ни молились, рано или поздно мы должны спуститься туда, куда спустились всѣ до насъ жившіе: такъ велитъ необходимость. Тамъ день вырастаетъ изъ дня, и дни, нанизывая одно событіе на другое, слагаются въ годы, и годы въ непрерывномъ теченіи составляютъ „нить“ нашей жизни; здѣсь „сегодня“ наступившей смерти не породитъ изъ себя никакого „завтра“, нить нашей жизни окончательно и безповоротно разсѣчена. Кто ее разсѣкъ? Да все она—та самая, которая „пряла“ намъ „нить“ нашей жизни, влетая въ нее всѣ свѣтлыя и мрачныя ея событія,—Необходимость, эта предвѣчная и вѣчная пряжа.

Имя ей у грековъ—Мира (Moira); это слово, будучи сродни греческому же *тoгoс*, нашему „моръ“, „умереть“, „смерть“, указываетъ намъ ту сферу, въ которой прежде всего и главнымъ образомъ чувствовалась и признавалась власть этой таинственной богини.

Всему возникшему сужденъ конецъ; мы обречены смерти въ силу того, что родились. Равнымъ образомъ, заключая бракъ, мы создаемъ условія для рожденія новыхъ существъ, которыя въ силу своего рожденія также обречены смерти. Вотъ почему рожденіе, свадьба и смерть—тѣ три момента человѣческой жизни, которые непосредственно подвластны Мирамъ, въ которые онѣ намъ непосредственно близки. Не потому ли и онѣ сами представлялись троицей? Съ увѣренностью этого

утверждать нельзя; троица и у другихъ божествъ—излюбленное число. Но, конечно, сами онѣ не рождены; если Гесіодъ называетъ ихъ дочерьми Ночи, то онѣ этимъ хочетъ только сказать, что онѣ принадлежать тому подземному мраку, въ который по ихъ волѣ сходятъ всѣ рожденные существа.

Но не однимъ людямъ уготовила Мира конечный спускъ въ обитель изначальнаго мрака. Также и Солнце, какъ бы ни былъ радостенъ его утренній восходъ, какъ бы ни былъ яркъ его полуденный блескъ, должно будетъ ввечеру спуститься въ ту же ночь, которую оно своимъ восходомъ побѣдило. И ему, и Лунѣ, и всѣмъ свѣтиламъ возвращающагося небосвода—или почти всѣмъ—начертанъ все тотъ же путь необходимости—они всѣ подвластны Мирѣ.

Но и это еще не все. Также и Зевсъ, по древнѣйшей концепціи, былъ рожденъ во времени, и онѣ имѣлъ день своего лучезарнаго возникновенія—а всему возникшему сужденъ конецъ. И Зевсъ, значить, подвластенъ Мирѣ. Въ этой древнѣйшей концепціи—мы называемъ ее „религіей Зевса“—высшій богъ Олимпа противопоставлялся матери Землѣ какъ возникшее и преходящее начало предвѣчному и вѣчному: онѣ падетъ, пребудетъ одна Земля. Она—сродни Ночи, и обѣ сродни Мирѣ; Мира—знаніе Земли подъ сѣнью предвѣчной Ночи. Зевсъ, самъ по себѣ несвѣдущій, долженъ похитить у Земли ея знаніе—вѣрнѣе, клочекъ ея знанія: тогда только онѣ узнаетъ, какъ судила Мира.

Тѣ предпосылки, на которыхъ покоился догматъ о зависимости Зевса отъ Мира въ древнѣйшей религіи Зевса, отошли въ прошлое съ воцареніемъ религіи Аполлона. Зевсъ былъ объявленъ предвѣчнымъ и вѣчнымъ; этимъ самымъ онѣ сталъ независимъ отъ Мира. Аполлонъ побѣдилъ Землю въ лицѣ ея змѣя Пиѳона и основалъ свое прорицалище тамъ, гдѣ раньше было прорицалище Земли—этимъ онѣ подчинилъ Миру себѣ, или вѣрнѣе,—такъ какъ онѣ сталъ къ Зевсу въ сыновнія отношенія,—своему отцу Зевсу. Отнынѣ Мира принадлежитъ Зевсу, она—*Dios bulê*, „рѣшеніе Зевса“, Аполлонъ же вѣщаетъ смертнымъ *Dios pêmerteia bulên*, „непреложное рѣшеніе Зевса“.

Древнѣйшіе памятники греческой поэзіи—гомеровскія поэмы, захватываютъ своими корнями еще въ подпочвенный слой религіи Зевса; но ихъ развитіе принадлежитъ уже той эпохѣ, когда религія Аполлона царствовала надъ умами. Отсюда странная двойственность отношенія Зевса къ Мирѣ въ гомеровскихъ поэмахъ, двойственность, такъ озадачившая ихъ толкователей въ древнія и новыя времена. Въ иныхъ мѣстахъ высшій богъ чувствуетъ Миру не только рядомъ съ собою, но и надъ собою, и представленъ по отношенію къ ней не только безсильнымъ, но и несвѣдущимъ. Когда наступаетъ рѣшительный поединокъ между Ахил-

ломъ и Гекторомъ, онъ долженъ, подобно простому смертному, спросить воли Мира, что онъ и дѣлаетъ въ знаменитой „психостасіи“ на золотыхъ вѣсахъ (Ил. XXII, 209):

Зевсъ распростеръ, промыслитель, вѣсы золотые; на нихъ онъ
Бросилъ два жребія Смерти, въ сонъ погружающей долгій:
Жребій одинъ—Ахиллеса, другой—Приамова сына.
Взялъ по срединѣ и поднялъ: поникнулъ Гектора жребій,
Тяжкій къ Аиду упалъ.

По другимъ мѣстамъ, напротивъ, Зевсъ уже представляется высшимъ вершителемъ человѣческой судьбы, а Мира—его прислужницей, исполняющей его приказанія:

Злую намъ Миру назначилъ Кроніонъ, что даже по смерти
Мы оставаться должны на безславныя пѣсни потомкамъ,

жалуется Елена (Ил. VI, 357). Для этихъ двухъ концепцій примиренія нѣтъ; онѣ выросли изъ двухъ различныхъ религіозныхъ наслоеній: изъ религіи Зевса—первая, изъ религіи Аполлона—вторая.

И мы можемъ быть увѣрены: если бы религіи Аполлона было дано подчинить себѣ умы эллиновъ полновластно и нераздѣльно—старинный догматъ о подчиненіи Зевса Мирѣ былъ бы обреченъ на полное исчезновеніе изъ сознанія людей. Зевсъ, возсѣдая на недостижимой высотѣ, вершаетъ судьбу людей, какъ Zeus teleios; Аполлонъ, его пророкъ, вѣщаетъ людямъ его непреложную волю—этотъ догматъ былъ такъ понятенъ въ своей успокоительной простотѣ, что люди охотно бы съ нимъ примирились. Но нѣтъ: старинная религія Зевса не исчезла совсѣмъ изъ сознанія эллиновъ, она продолжала жить въ своемъ величавомъ памятникѣ, гомеровскомъ эпосѣ. А съ нею продолжалъ жить и великій религіозный соблазнъ—идея о подчиненіи Зевса Мирѣ, или, что одно и то же, о тяготящемъ надъ нимъ рокѣ, какъ ограниченіи его всемогущества. Такъ обстояло дѣло до конца. Еще Лукіанъ во II вѣкѣ по Р. Х. устами своего киника попрекаетъ Зевса его зависимостью отъ рока. Онъ былъ правъ; его эпоха была эпохой другой, еще болѣе великой психостасіи. Сама Мира подняла свои золотые вѣсы, положивъ на ихъ чашки два жребія, жребій Зевса и—жребій Христа:

И жребій поникнулъ Зевеса,
Тяжкій къ Аиду упалъ.

А впрочемъ, Зевсъ ли подчиненъ Мирѣ, или она ему, это былъ вопросъ, гораздо болѣе интересовавшій Зевса и остальныхъ боговъ, чѣмъ людей. На практикѣ дѣло всетаки сводилось къ тому, что въ рѣшающіе моменты своей жизни человѣкъ отправлялся въ Дельфы спросить Аполлона, и тотъ вѣщалъ ему „отца непреложную волю“ съ той ясностью, которую считалъ желательной въ каждомъ данномъ случаѣ.

Зато вотъ что было важно и въ то же время до мучительности тревожно. Во-первыхъ: объемъ предопредѣленія. Нить нашей жизни должна когда-нибудь быть отрѣзана Мирой, это несомнѣнно; но такъ же ли несомнѣнно, что это должно случиться въ заранѣе опредѣленный день? И заранѣе опредѣленнымъ образомъ? Это значило бы, что кромѣ самой смерти предопредѣлены и ея условія; а коли такъ, то, разумѣется, и условія этихъ условій; а коли такъ, то, разумѣется, и вся наша жизнь, которая вѣдь не что иное какъ цѣпь обусловливающихъ и обусловленныхъ событій вплоть до послѣдняго обусловленнаго и не обусловливающего—смерти. На то Мира и пряжа: она въ день нашего рожденія прядетъ нить всей нашей жизни и впрядаетъ въ нее все, что намъ предстоитъ испытать. Такъ, повидимому, слѣдуетъ понимать слова Алкиноя (Од. VII, 196), что Одиссея слѣдуетъ всячески беречь отъ бѣды

пока не достигнетъ отчизны; когда же достигнетъ—
Пусть испытаетъ все то, что судьба и могучія Миры
Въ нить бытія роковую вплели для него при рожденіи.

И несомнѣнно, что вся практика вѣдовства основана на этомъ пониманіи Миры и ея пряжи. Никто не сталъ бы обращаться къ оракулу только для того, чтобы узнать отъ него: „ты когда-нибудь умрешь“; это всякій и такъ зналъ.

Это первый вопросъ: объ объемѣ предопредѣленія; второй вопросъ касался его обусловленности. Мы тутъ должны коснуться знаменитаго и въ болѣе поздней древности различія между фатализмомъ и детерминизмомъ, но только для того, чтобы установить, что ни та, ни другая формула не покрываетъ ранне-античнаго представленія о пряжѣ Миры. Что касается, прежде всего, *фатализма*—этой *ignava ratio* стойковъ—то его особенность та, что онъ вынимаетъ предопредѣленный фактъ изъ всей его причинной, такъ сказать, обставленности, предполагая эту послѣднюю непредопредѣленной. „Ты умрешь черезъ четыре года въ день восхода Плеядъ“, гласитъ фаталистическій оракулъ. „Хорошо; я въ этотъ день воздержусь отъ боя“.—„Тогда утонешь въ морѣ.“—„Я останусь на сушѣ.“—„Тогда умрешь отъ болѣзни.“ Однимъ словомъ: дѣлай, что хочешь—это не предопредѣлено—а только умрешь, не такъ, такъ иначе. Не скажу, чтобы это фаталистическое представленіе было чуждо человѣку героической эпохи. Когда Гекторъ, утѣшая Андромаху передъ боемъ, ей говоритъ (Ил. VI, 486)

Милая! Сердце себѣ не круши неумѣренной скорбью.
Вѣдь противъ Миры меня не отправятъ въ обитель Аида,
Воли же Миры никто не избѣгъ изъ людей земнородныхъ,
Будь онъ отваженъ иль робокъ, какъ скоро на свѣтъ онъ родился,

то онъ, очевидно, хочетъ ей дать понять слѣдующее: „если Мира не судила мнѣ сегодня умереть, то никто меня не убьетъ; если же су-

дила, то я умру во всякомъ случаѣ, буду ли я драться или нѣтъ“. Все же это представленіе и у Гомера встрѣчается лишь изрѣдка, а въ героической трагедіи оно и подавно было предоставлено людямъ невысокаго полета мыслей, вродѣ того стража въ „Антигонѣ“, который говоритъ про себя (ст. 235)

Хоть и сказать мнѣ нечего, а все же
Скажу; не даромъ слово говорится,
Что отъ судьбы своей не убѣжишь.

Другое дѣло—*детерминистическое* представленіе. Оно беретъ каждый фактъ будущаго вмѣстѣ со всей его причинной обставленностью, включая въ нее и тѣ условія, въ которыхъ участвуетъ наша воля: эта воля—такое же звено въ цѣпи причинности, какъ и все остальное, все въ одинаковой степени предопредѣлено. Мира детерминистовъ прядетъ неразрывную, нерастяжимую нить; но только она нѣма, эта Мира—оракуловъ она не даетъ. Предопредѣлено, что я умру черезъ четыре года въ день восхода Плеядъ; предопредѣлено, что я приму смерть отъ руки врага; предопредѣлено, что я по собственной волѣ выйду съ нимъ сразиться, такъ какъ эта моя воля—необходимое послѣдствіе ряда причинъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ свои корни въ рядѣ предшествующихъ причинъ, и такъ далѣе. Но—никто мнѣ этого не скажетъ; ибо если бы мнѣ кто это сказалъ, то это сообщенное мнѣ знаніе явилось бы новой составляющей, наличность которой существенно измѣнила бы направленіе равнодѣйствующей. Моя воля предопредѣлена—да, конечно, но подъ условіемъ, чтобы я объ этомъ предопредѣленіи ничего не зналъ. А буду знать, такъ я, на зло Мирѣ, не пожелаю въ тотъ роковой день сразиться съ врагомъ—и на зло ей, останусь цѣлъ.

Итакъ, детерминистическое представленіе о пряжѣ Миры исключало всякую возможность вѣдовства въ самомъ принципѣ; фаталистическое его въ принципѣ не исключало, но на практикѣ дѣлало его крайне неблагоприятнымъ. Какая мнѣ польза знать, что мнѣ въ такой-то день безповоротнo суждена смерть? Это знаніе только омрачить мою жизнь. Лучше оставить завѣсу нетронутой—разъ я того, что она скрываетъ, все равно избѣгнуть не могу.

Нѣтъ; кто признавалъ возможность и пользу вѣдовства, тотъ этимъ самымъ отрекался и отъ фаталистическаго, и отъ детерминистическаго представленія о рокѣ и—сознательно или нѣтъ—признавалъ третье, посредствующее между ними. Это третье въ научной терминологіи, насколько мнѣ извѣстно, имени не имѣетъ; назовемъ его *обусловленнымъ фатализмомъ*. Его сущность легче всего выяснить на знаменитомъ оракулѣ, полученномъ Крезомъ въ Дельфахъ.

Крезъ, чрезъ Галисъ перейдя, величайшее царство разрушить.

Оставимъ въ сторонѣ роковую двусмысленность послѣднихъ трехъ словъ; что значить „чрезъ Галисъ перейдя“? Очевидно: „если перейдетъ“. А если не перейдетъ? Тогда, конечно, не разрушить. Такъ что же, перейдетъ онъ его или нѣтъ? Это зависитъ отъ его свободной воли. А богу эта воля извѣстна? Объ этомъ пусть спорятъ богословы; для человѣка этотъ вопросъ значенія не имѣлъ, такъ какъ богъ ему этой его воли все равно не предскажетъ.

Читатель безъ труда замѣтитъ, въ чемъ заключается нравственная цѣнность этой идеи обусловленнаго фатализма: она была примиреніемъ судьбы и свободы. Такому сознательному и гордившемуся своей сознательностью народу, какимъ были древніе эллины, не могла прійти въ голову несчастная мысль отдать себя самого въ распоряженіе Миры и сказать „было суждено, чтобы я такъ поступилъ“—исключенія, относящіяся къ „наважденію Аты“, мы здѣсь оставляемъ въ сторонѣ. Нѣтъ; непосредственный опытъ говорилъ эллину, что отъ него зависитъ въ каждомъ данномъ случаѣ поступить такъ или иначе—власть Миры онъ ограничивалъ независимымъ отъ его свободной воли міромъ явленій. Болѣзни, старость, смерть—все это отъ Миры, противъ этого бороться тщетно; но мое дѣяніе—это дѣло другое. Мое дѣяніе—это стрѣла на тетивѣ. Если я ее пушу—она полетитъ туда, куда направленъ лукъ, удержать ее я не смогу; но отъ меня зависитъ пустить ее или не пустить. И если она полетитъ и убьетъ дорогого мнѣ человѣка, то я ужъ не имѣю права жаловаться, что и это несчастье отъ Миры. Нѣтъ; Мира получила власть надъ моей стрѣлой лишь съ того момента, какъ я ее пустилъ. Я могъ ея не пустить и этимъ спасти моего друга—а коли такъ, то и постигшее меня несчастье не отъ Миры, а „сверхъ Миры“. Нигдѣ это ученіе обусловленнаго фатализма не развивается такъ ясно, какъ въ словѣ Зевса по поводу гибели Эгисеа въ первой сценѣ Одиссеи (I 32 Жук.)

Грустно, что смертные люди за все насъ боговъ обвиняютъ:

Зло отъ насъ, утверждаютъ они; но не сами ли часто

Гибель сверхъ Миры они на себя навлекаютъ безумствомъ?

Такъ и Эгисеъ сверхъ Миры жену Агамемнона въ домъ свой

Взялъ, а его умертвилъ по его возвращеніи въ отчизну.

Гибель онъ вѣрную вѣдалъ: отъ насъ былъ къ нему остроокій

Вѣстникъ ниспосланъ, Гермесъ, чтобы онъ на убійство Атрида

Не посягалъ и отъ брака съ супругой его воздержался.

„Местъ за Атрида свершится рукою Ореста, когда онъ

„Въ домъ свой вступить, возмужавъ, какъ наслѣдникъ захочетъ.“ Эгисеу

Такъ заповѣдалъ Гермесъ, но вотще; его сердца не тронулъ

Богъ благосклонный совѣтомъ—и разомъ за все заплатилъ онъ.

„Если ты обольстишь Клитемнестру и убьешь Агамемнона, то тебѣ суждено погибнуть самому отъ руки ихъ сына Ореста“—такъ гласило

предсказаніе Гермеса. Элементъ фатализма здѣсь несомнѣнно есть, поскольку гибель отъ руки Ореста—рокъ Эгисѳа, который нависнетъ надъ нимъ съ того самаго момента, какъ онъ свершитъ свой грѣхъ. Но столь же несомнѣнна и обусловленность этого фатализма: за Эгисѳомъ признается полная возможность не свершать этого грѣха и этимъ избѣгнуть гибели. И вотъ почему эта гибель—„сверхъ Миры“.

Такова концепція рока у эллиновъ древнѣйшей доступной нашему пониманію эпохи; и прежде чѣмъ заставить себя приступить къ ея критикѣ, позволительно будетъ почить взоромъ на ея красотѣ и величіи. Она прежде всего спасаетъ честь и достоинство человѣка, освобождая его отъ гнета Миры; она спасаетъ нравственный законъ, оставляя неприкосновенной его отвѣтственность за все имъ содѣянное; она спасаетъ, наконецъ, и заботу боговъ о человѣческомъ родѣ—они предупреждаютъ насъ о такихъ послѣдствіяхъ нашихъ дѣяній, которыхъ мы своимъ разумомъ предусмотрѣть не можемъ, обезвреживая этимъ до послѣдней возможности слѣпой произволъ Миры. Правда, въ силу этого обусловленнаго фатализма нить каждого человѣка двоилась и десятирилась въ рукахъ предвѣчной пряжи. Но это уже было ея дѣло; а человѣку можно было жить въ такомъ мірѣ и подъ властью такихъ боговъ.

Когда намъ предлагаютъ рѣшеніе задачи квадратуры круга или *perpetuum mobile*—намъ порой бываетъ пріятно, когда мы, увлеченные остроуміемъ построенія, не сразу замѣчаемъ его коренной изъянъ. Но, конечно, мы заранѣе увѣрены, что этотъ изъянъ есть, и что мы, поискавъ, его найдемъ: задачи вѣдь неразрѣшимы—мы это знаемъ.

То же самое испытываемъ мы, когда намъ предлагаютъ разрѣшеніе великой антиноміи—примиреніе судьбы и свободы.

Вернемся къ оракулу боговъ, данному Эгисѳу. Всмотримся въ него пристальнѣе: не представится ли онъ намъ—если можно такъ выразиться—„эгисѳоцентрическимъ“?

„Если ты убьешь Агамемнона“,—говоритъ Мира... итакъ Эгисѳъ можетъ его убить, но можетъ и не убить; со свободой *его* воли Мира считается. Но допустимъ, что онъ его убьетъ; что же дальше?... „то ты падешь жертвой мести его сына Ореста“. Позвольте: вѣдь тутъ мы имѣемъ дѣло съ другимъ живымъ существомъ, съ Орестомъ; казалось бы, и Орестъ долженъ располагать своей волей по своему усмотрѣнію, разъ свобода воли въ принципѣ признается. Но нѣтъ; Орестомъ и его волей Мира распоряжается самовластно, онъ—не болѣе какъ орудіе въ ея рукахъ.

Положимъ, въ гомеровской концепціи его исторіи это не очень ощущается; Орестъ, конечно, съ радостью исполнитъ волю Миры и

этимъ заодно и за отца отомстить, и добудеть обратно его наслѣдство, захваченное презрѣннымъ убійцей. Тутъ даже и трагедіи никакой не будетъ. Трагедію мы найдемъ при до- и послѣгомеровской концепціи мѣа обѣ Орестѣ, признающей не Эгисеа, а Клитемнестру убійцей Агамемнона, и жертвой мести его сына; но только это будетъ трагедія другая. Воля Миры дѣйствуетъ заодно съ нравственнымъ долгомъ, долгомъ кровавой мести, а потому ступевывается передъ нимъ; этотъ Орестъ—герой не трагедіи рока, а трагедіи возмездія.

Но представимъ себѣ такое положеніе дѣлъ, при которомъ чело-вѣкъ, оказавшійся орудіемъ въ рукахъ Миры, долженъ дѣйствовать не заодно съ нравственнымъ долгомъ, а вразрѣзъ съ нимъ. Представимъ себѣ, напримѣръ, слѣдующаго рода оракулъ: „Если ты родишь сына—ты падешь отъ его руки.“ Поскольку этотъ оракулъ имѣетъ въ виду отца—онъ сводится къ знакомому намъ уже обусловленному фатализму: „если ты родишь сына“—но ты можешь и не родить его, и тогда ты будешь спасенъ. Но эта обусловленность существуетъ только до тѣхъ поръ, пока центромъ нашего вниманія остается отецъ; лишь только мы переносимъ его на сына, ласковый обликъ гомеровскаго обусловленнаго фатализма мгновенно исчезаетъ, и предъ нами встаетъ во всемъ своемъ величій грозный призракъ чистаго, безусловнаго фатализма. Сыну оракулъ не говоритъ „если“; разъ онъ есть—а это зависитъ не отъ него—онъ безусловно долженъ совершить то дѣло, которое оракулъ предвѣщалъ; и онъ долженъ совершить его не въ угоду нравственному долгу, а вопреки ему, ибо это дѣло—величайшее преступленіе, какое себѣ могла представить фантазія грековъ: отцеубійство.

Въ этой постановкѣ вопроса мы чувствуемъ рѣзкое дуновеніе аполоновой религіи. Аполлонъ поступилъ съ враждебной его отцу Мирой такъ же, какъ принято поступать съ вражескими твердынями; подчинивъ ее, онъ ее укрѣпилъ и сдѣлалъ неприступной со всѣхъ сторонъ. Ласковый обусловленный фатализмъ гомеровской эпохи не былъ упраздненъ; Аполлонъ и впредь давалъ людямъ обусловленные оракулы,—и Крезу, и другимъ. Но онъ позаботился о томъ, чтобы задѣлать ту брешь, которую скрытая безусловность этого фатализма представляла сужденію людей, ту брешь, благодаря которой это сужденіе, основываясь на принципѣ свободы воли, могло повергнуть въ прахъ всю гордую твердыню вѣдовства. „Если ты родишь сына, ты падешь отъ его руки“—эта формула, соотвѣтствуя вполнѣ идеѣ обусловленнаго фатализма, заключаетъ однако въ себѣ, хотя и въ скрытомъ видѣ, формулу безусловнаго фатализма: „сыну суждено убить своего отца.“ Теперь одно изъ двухъ: слѣдуетъ или принять также и эту послѣднюю формулу, или вмѣстѣ съ ней отказаться также и отъ первой, а съ ней

и отъ вѣдовства вообще. Моментъ былъ однимъ изъ самыхъ рѣшающихъ; вся судьба Дельфійскаго прорицалища зависѣла отъ него. Аполлонъ принялъ также и ту формулу. Теперь, казалось, его враги могли торжествовать побѣду: итакъ, свобода воли упразднена? А между тѣмъ было ясно, что этимъ достояніемъ своей сознательности эллинъ никогда не пожертвуетъ.

Тутъ загадочная улыбка мелькнула на устахъ Аполлона. Нѣтъ, земнородные; свобода вашей воли не упразднена; тѣшьте эту тростниковой стрѣлой сколько угодно, пытайтесь ею пробить гранитную скалу Миры. Мало того: тотъ сынъ, о которомъ идетъ рѣчь, будетъ знать, что ему суждено убить своего отца; онъ сдѣлаетъ все, отъ него зависящее, чтобы избѣгнуть этой участи; и тѣмъ не менѣе, каждый свободный и разумный шагъ, предпринятый имъ, чтобы удалиться отъ рѣшенія рока, только приблизитъ его къ нему.

Такъ на почвѣ религіи Аполлона возникла *трагедія рока*—трагедія отца и сына, Лаія и Эдипа.

II.

Все же было бы неправильно думать, будто религія Аполлона создала этотъ впослѣдствіи столь знаменитый миѳъ. Аполлонъ вообще любилъ проникать своимъ духомъ болѣе древніе миѳы, принадлежавшіе богатой сокровищницѣ религіи Зевса—этому можно привести не мало примѣровъ. Но здѣсь мы имѣемъ нѣчто едва ли не единственное въ своемъ родѣ: дельфійскій богъ обратилъ въ свою славу именно тотъ миѳъ, который былъ созданъ его противниками-гомеридами въ поношеніе покровительствуемому имъ обычаю.

Древнѣйшее свидѣтельство о Лаіи и Эдипѣ мы имѣемъ въ одномъ мѣстѣ гомеровскаго описанія преисподней. Одиссей перечисляетъ героинь, души которыхъ ему встрѣтились на томъ свѣтѣ (Од. XI, 271 сл. Жук.).

Далѣе мать я увидѣлъ Эдипа, красу Эпикасту:

Страшно преступное дѣло въ незнаньи она совершила,

Съ сыномъ роднымъ, умертвившимъ отца, сочетавшись бракомъ.

Скоро союзъ святотатный открыли безсмертные людямъ.

Гибельно царствовать въ Кадмовомъ домѣ, въ возлюбленныхъ Оивахъ—

Былъ осужденъ отъ Зевеса Эдипъ, безотрадный страдалецъ.

Но Эпикаста Андовы двери сама отворила:

Петлю она роковую къ бревну потолка прикрѣпивши,

Ею плачевную жизнь прервала; одинокъ онъ остался,

Жертвой терзаній отъ скликанныхъ матерью страшныхъ Эринній.

Это—до-аполлоновская, *эпическая* форма преданія, столь же загадочная для насъ, какъ напр., встрѣчающаяся въ той же пѣснѣ

(ст. 543 сл.) эпическая форма мифа о смерти Аянта. И какъ эта послѣдняя была краткимъ извлеченіемъ изъ разсказа въ потерянномъ „киклическомъ“ эпосѣ Эоіопидѣ, такъ точно и нашъ сокращенный пересказъ судьбы Эдипа предполагаетъ извѣстнымъ слушателямъ другой эпосъ, этотъ разъ изъ еиванскаго цикла—а именно „Эдиподею“. Эта „киклическая“ Эдиподея намъ тоже не сохранена; тѣмъ не менѣе ея содержаніе, поскольку оно важно для насъ, можетъ быть восстановлено въ главныхъ чертахъ на основаніи одной древней и драгоцѣнной схолиі на „Финикиянокъ“ Еврипида (ст. 1760). Вотъ оно:

Лаіѣ, сынѣ Лабдака, былъ царемъ въ основанныхъ нѣкогда Кадмомъ Оивахъ. Будучи однажды гостемъ Элидскаго царя Пелопа, онъ воспы-
лалъ страстью къ миловидному сыну своего хозяина, Хрисиппу, и увезъ его съ собой въ Оивы. „Лаіѣ—замѣчаетъ нашъ источникъ—былъ первымъ, согрѣшившимъ такой нечестивой любовью“.

Обезчещенный юноша не былъ въ силахъ вынести свой позоръ и самъ себя умертвилъ. Его же отецъ Пелопъ проклялъ своего безбожнаго гостя: да не родится у него собственный сынъ, а если родится—да станетъ онъ убійцей своего отца.

Таково это „Пелопово проклятіе“ — движущая сила трагедіи Эдипа въ ея до-аполлоновской формѣ.

Тѣмъ не менѣе у Лаіѣ хватило смѣлости сочетаться законнымъ бракомъ съ красавицей Эпикастой, которую и „Эдиподея“, повидимому, называла дочерью еиванскаго вельможи Менекея и сестрою Креонта. Но когда у него родился сынъ, онъ вспомнилъ о „Пелоповомъ проклятіи“: проколовъ младенцу ножки шиломъ, онъ уложилъ его въ деревянный ларецъ и бросилъ въ море. Этимъ, казалось ему, онъ обрекъ его на вѣрную гибель.

Тутъ люди, незнакомые съ этикой примитивизма, часто спрашиваютъ: почему этотъ сложный обходъ? Если Лаіѣ боялся погибнуть отъ руки сына—почему не умертвилъ онъ его болѣе надежнымъ образомъ, не задушилъ, не утопилъ его? Потому, отвѣтимъ мы, что онъ въ этомъ случаѣ сталъ бы сыноубійцей самъ. Именно для избѣжанія этого преступленія и нуженъ былъ этотъ обходъ; примитивное право было чисто внѣшнимъ. Такъ точно и Акрисій аргосскій заключаетъ въ ларецъ и бросаетъ въ море своего внука Персея, отъ котораго ему угрожала смерть. А на практикѣ дѣло сводилось къ тому же: при *такихъ* условіяхъ младенецъ долженъ былъ погибнуть, спасти его могло только чудо.

Но именно это чудо и свершилось. Противъ еиванской области лежало по ту сторону великаго залива сикіонское побережье; туда и пригнало волнами ларецъ съ Эдипомъ. Его нашли конюхи; одинъ изъ нихъ, бережно вынувъ шило изъ ножекъ младенца и оставивъ это орудіе, а

также и окровавленную пеленку себѣ, отнесъ спасеннаго къ бездѣтному царю Сикіона, Полибу, который и воспиталъ его, какъ своего, назвавъ его—по неизвѣстной намъ причинѣ—Эдипомъ.

Пелопово проклятіе было услышано прежде всего той богиней, которая, какъ блюстительница чистоты брака, болѣе прочихъ была оскорблена нечестивой страстью Лаія. Такъ какъ еиванцы оставили его преступленіе безнаказаннымъ, то она свой гнѣвъ перенесла также и на нихъ и послала имъ, со своей горы Киѳерона, кровожадное чудовище, Сфинкса. Былъ ли этотъ Сфинксъ—у грековъ это слово женскаго рода—уже въ эпосѣ „пѣвицей загадокъ“, мы сказать не можемъ; скорѣе нѣтъ. Его (или, вѣрнѣе, ее) въ эту эпическую эпоху представляли женщиной со змѣинымъ хвостомъ, и губила она преимущественно прекрасныхъ юношей и въ томъ числѣ

Юношу, нѣгой красы одареннаго болѣе прочихъ,
Гѣмона, милаго сына Креонта, безстрашнаго мужа.

Вѣроятно, она дѣйствовала при этомъ чарами любви ¹⁾—недаромъ она была мстительницей за извращеніе этого чувства. Но это неважно.

Встревоженный Лаій, желая помочь своему народу, обратился къ еиванскому прорицателю Тиресію съ вопросомъ, какъ помочь бѣдствію... Тутъ въ нашемъ источникѣ маленькая путаница, но дѣло, повидимому, обстояло такъ, какъ мы его здѣсь представляемъ. Тиресій объяснилъ ему, что Сфинкса послала разгнѣванная Гера. Тогда Лаій выразилъ готовность умиловить ее жертвоприношеніемъ на ея киѳеронскомъ лугу. Тиресій убѣждалъ его не дѣлать этого: ты, говорилъ онъ ему, ненавистенъ богамъ. Лаій высмѣялъ его предостереженіе и отправился на Киѳеронъ.

Своей цѣли богоненавистный царь, однако, не достигъ. Дорога, по которой поѣхалъ Лаій со своимъ возницей, у мѣстечка Потній двоилась: налѣво она вела въ Аттику, направо—въ Платеи и дальше на Истмъ. Это—такъ называемое *потнійское распутиѣ*. Здѣсь ѣдущіе встрѣтились съ одинокимъ молодымъ путникомъ. Вспыльчивый и склонный къ насилью Лаій грубо окликнулъ его; тотъ не остался въ долгу; завязалась ссора, кончившаяся тѣмъ, что путникъ—не зная, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло—убилъ и царя, и его возницу.

Этимъ путникомъ былъ Эдипъ, отправившійся изъ Сикіона искать приключеній; такъ-то Пелопово проклятіе исполнилось.

Для молодого витязя все это было именно приключеніемъ и только. Убитыхъ онъ похоронилъ тутъ же, мечъ и поясъ Лаія взялъ себѣ, какъ

¹⁾ Это подтверждается однимъ осколкомъ этого преданія, сохраненнымъ намъ въ схолии на „Финикиянокъ“ Еврипида, ст. 26: „нѣкоторые говорятъ, что Сфинксъ была женой Макарея... и была убита нѣкимъ Эдипомъ, сошедшимся съ ней“.

свой побѣдный трофей, и на его же коняхъ и повозкѣ отправился обратно въ Сикіонъ. Эту повозку съ конями онъ подарилъ своему мнимому отцу Полибу въ видѣ „благодарности за воспитаніе“ (threptrā) и вслѣдъ затѣмъ снова оставилъ Сикіонъ въ поискахъ новыхъ приключеній. Слѣдуя дальше по тому же пути, что и раньше, онъ дошелъ, наконецъ, до Фивъ.

Тамъ все еще свирѣпствовалъ Сфинксъ; доведенные имъ до отчаянія граждане объявили руку царицы-вдовы, а съ нею и царство, наградою тому, кто ихъ освободитъ отъ этого бича. Эдипъ убиваетъ Сфинкса и добываетъ руку царицы Эпикасты. Чтобы освятить свой бракъ религіознымъ обрядомъ, онъ ѣдетъ съ ней въ храмъ Геры на Клеверонъ. На обратномъ пути ¹⁾ Эдипъ, поровнявшись съ потійскимъ распутьемъ, рассказалъ женѣ о приключеніи, героемъ котораго онъ здѣсь сталъ немного раньше, и показалъ ей свой трофей—поясъ и мечъ Лаіа. По этому трофею Эпикаста признала, что ея новый мужъ—убійца ея перваго мужа; все же она не рѣшилась выдать ему эту страшную тайну и прослѣдовала съ нимъ дальше въ Фивы.

Но ея заботы были напрасны. Тотъ конюхъ, который нѣкогда нашелъ Эдипа на сикіонскомъ берегу, узнавъ, что спасенный имъ младенецъ теперь сталъ царемъ уже не маленькаго Сикіона, а великихъ Фивъ, и самъ отправился туда, чтобы обнаруженіемъ тайны его рожденія заслужить его царскую благодарность. Онъ рассказалъ ему обо всемъ въ присутствіи Эпикасты и въ доказательство показалъ ему шило и пеленку. Тутъ Эпикастѣ стала ясна и вторая половина тайны: она поняла, что ея мужъ—въ то же время и ея сынъ, и убійца своего отца. Этого она вынести не могла: она прокляла своего супруга-сына и затѣмъ сама съ собою покончила. Эдипъ же въ порывѣ отчаянія самъ себя ослѣпилъ.

Все же фиванскимъ царемъ онъ остался—уже не какъ мужъ Эпикасты, а какъ сынъ Лаіа. Эпосъ—не драма и катастрофой не кончается. Спустя нѣкоторое время, онъ женится вторымъ бракомъ на нѣкой Евриганѣ и приживаетъ отъ нея сыновей Этеокла и Полиника—а быть можетъ и дочерей Антигону и Исмену. Сыновья становятся для него источникомъ новаго горя, но это уже—послѣдствіе проклятія Эпикасты. Такъ-то эпосъ „Эдиподея“ соединяется со слѣдующимъ за нимъ въ порядкѣ цикла эпосомъ, съ „Фиваидой“, гдѣ была описана братоубійственная вражда сыновей Эдипа и походъ Семи вождей противъ Фивъ.

¹⁾ Спрашивается: почему только на обратномъ пути? Вѣдь и туда онъ долженъ былъ ѣхать той же дорогой. Отвѣчаю: потому что на пути туда Эпикаста была не женой, а только невѣстой Эдипа и потому ѣхала не съ нимъ, а со своей женской свитой. Только послѣ жертвоприношенія она стала его женой. А если такъ, то, значитъ, ужасный бракъ не былъ физически завершенъ—это совершенно въ духѣ эпической мягкости.